А. БОРГМАН и Б. ВАСИЛЬЕВ

РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМ В РОССИИ

ОТ ЭПОХИ ЗАРОЖДЕНИЯ ТОРГОВОГО КАПИТАЛА ПО XX ВЕК

«СЕЯТЕЛЬ»

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
"СЕЯТЕЛЬ"

А. БОРГМАН и Б. ВАСИЛЬЕВ

РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМ В РОССИИ

ОТ ЭПОХИ ЗАРОЖДЕНИЯ ТОРГОВОГО КАПИТАЛА ПО XX ВЕК

Ленинградский Гублит № 16505. Тираж 6.000.—16 л.

Тип. газ. „Вестник Ленингр. Совета“, 2-я Советская, 7.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Выпускаемая книга предназначена для широкого круга читателей и имеет своей целью дать краткую и четкую формулировку выводов исследователей-марксистов, изучавших русское прошлое.

Выбор материала для книги определяется, во-первых, специальным характером ее темы, во вторых, крайней ограниченностью ее объема. Сосредоточивая свое внимание на диалектическом развитии хозяйственных и общественных форм, авторы могли лишь вскользь касаться характеристики учреждений, идеологии и, особенно, так назыв. „политической истории". Важнейшие факты далекого прошлого лишь упоминаются, недавнего—излагаются очень кратко, причем, начиная с XX в., датируются по новому стилю. Экономия места не позволила авторам дать подробное изложение тех политических вопросов, которым посвящена богатейшая литература и которые составляют предмет специального изучения, а именно: истории и характеристики политических партий, международных объединений, съездов советов и конституций Р. С. Ф. С. Р. и С. С. С. Р. Обстоятельное изложение этих вопросов потребовало бы многих печатных листов, а ограничиваться по ним лишь конспектом было бы недопустимо. Та же экономия места обусловила крайнюю сжатость изложения и намеренное отвлечение от деталей и при разработке тем, составляющих главное содержание книги. Цифровой материал приведен в тех же мерах, в каких он дается в соответствующих источниках: перевести его на метрические не было возможности без значительной задержки выпуска книги.

Первые 7 глав книги написаны А. И. Боргманом, остальные 5 — Б. Н. Васильевым, причем авторы взаимно редактировали друг друга.

ГЛАВА I.

Переход к торговому капитализму в Московском государстве.

§ I. Введение.

В Западной Европе XVI век — начало эры промышленного капитала и пышного расцвета торгового капитала. В экономически-передовых странах это был век „освобождения производителя (крестьянина и ремесленника) от феодального и цехового принуждения“ и вместе с тем век „беспощадного лишения этих производителей всех средств производства и всех гарантий существования“; век начала обезземеления крестьян, „систематического расхищения общинных земель“, „кровавого законодательства против экспроприированных“, имевшего своей целью понижение заработной платы; время пышного расцвета мануфактуры и вместе с тем превращения ею рабочего в машину и беспредельной эксплуатации кустаря; период образования мирового рынка, „открытия золотых и серебряных приисков в Америке“ и век „искоренения, порабощения и погребения заживо туземного населения в рудниках, превращения Африки в заповедное поле охоты на чернокожих“. (См. К. Маркс. „Капитал“, т. I, гл. XXIV). В свое триумфальное шествие развитый западно-европейский торговый капитал должен был естественно вовлечь и Восточную Европу, в значительной степени объединенную в это время под властью Москвы. Московское государство XVI века являлось не только возможным объектом для капиталистической эксплуатации со стороны Запада: оно обладало уже достаточными предпосылками для того, чтобы стать субъектом в капиталистическом мире того времени. Разница лишь в том, что тогда как на Западе „утренняя заря капиталистической эры“ уже ярко горела, на Востоке

она едва-едва брезжила: XVI век в России, по словам М. Н. Покровского, это XII-XIV века для Запада, смотря по стране. В XVI веке в Московском государстве выявились лишь те предпосылки, которые позволяют говорить о переходе его со второй половины этого века к товарному хозяйству, к торговому капитализму. Предпосылки следующие: наличность достаточного для такого перехода разделения труда, известное развитие некоторых отраслей хозяйственной деятельности, существование внутренних рынков как крупных, так и мелких, вовлечение в торговлю широких слоев общества, почти капиталистические размеры некоторых торговых предприятий, усиление эксплуатации трудящихся масс для удовлетворения денежного аппетита господствующих классов и политическое объединение большей части восточно-европейской равнины под сильною властью Москвы, обеспечивающее обширный внутренний рынок и наличность сурового вне-экономического принуждения, столь желанного для торгового капитала.

§ 2. Территория Московского государства в конце XVI века.

Границы. Московское государство, насчитывавшее около 10 миллионов населения, охватывало во второй половине XVI века обширное пространство. На севере оно омывалось Белым морем и Ледовитым океаном, доходя на северозападе до верховьев реки Печенги; на западе оно распространялось до западных границ нынешних Архангельской и Олонецкой губерний и охватывало Ладожское озеро с его западным побережьем до границ нынешней Ленинградской губернии, отделявших Московию от Финляндии и Ливонии; затем границы Московского государства совпадали с границами нынешних Псковской и Смоленской губерний, к западу от которых находилось Польско-Литовское государство. Южная граница была очень неопределенной: во второй половине XV века „непрелазною стеною“, т.-е. надежною границею, на юге считалась Ока; к югу от нее лежало „дикое поле“, редкие обитатели которого признавались как бы зарубежным населением; однако в течение XVI в. Московское государство глубоко врезалось в „дикое поле“ путем колонизации и продвижения оборони-

тельных линий: за рядом старых крепостей—Коломны, Каширы и Серпухова — выдвигались последовательно новые ряды: сперва „заоцкие крепости“ с Калугой во главе, затем „тульские места“ или „украинные города“—от Тулы до Кром, еще южнее городки „северские“ и „польские“ (от слова поле), как, напр., Курск, Путивль, Рыльск, Белгород. Поволжье до самого юга также охватывалось колонизацией или сетью укреплений, но здесь последняя значительно опережала первую: колонизация Поволжья в XVI веке не распространялась ниже Тетюшева; что касается построенных в конце этого века Самары, Саратова и Царицына, то, по словам С. Ф. Платонова, „названные города, вместе с Астраханью, были военными постами, выдвинутыми далеко за черту народной оседлости; эти посты имели гарнизоны, но, строго говоря, еще не имели русского населения“. На низовьях Волги и Яика так же, как на низовьях Дона, Северного Донца и Днепра, встречались лишь казаки. Восточной границей Московского государства в XVI веке был собственно Уральский хребет. Правда к концу века относится так называемое „покорение Сибири“. Однако, „покоренное“ сибирское ханство, соответствовавшее приблизительно Тобольской губернии, служило в это время лишь базой для завоевания теперешней Сибири. Захваты ее огромных пространств, совершенные предприимчивыми „опытовщиками“, относятся уже к XVII веку.

Районы. Очерченное указанными границами, Московское государство подразделялось на несколько районов с неодинаковыми естественными и вместе с тем экономическими условиями. Таких районов насчитывается обыкновенно шесть: 1) Северный, простирающийся на юге до Финского залива и водораздела между реками северной системы и системой Волги и Камы и имеющий главною своею составною частью так называемое „Поморье“; 2) Новгородско-Псковский край; 3) Приднепровье—соответствующее нынешней Смоленской губернии, западным частям Калужской, Орловской и Курской и части Черниговской; 4) Степное пространство с его неустойчивой южной границей (см. выше); 5) Прикамский край; 6) Центральная область, заключенная между указанными районами и включавшая древние „замосковные города“.

Общими естественными свойствами всех этих районов были однообразие поверхности, наличность удобной для сообщений речной сети и зимний снежный покров, дававший орошение для пашни и обеспечивавший санный путь. Однако при этом сходстве указанные районы имели также существенные различия в отношении плодородия почвы и характера естественных богатств. Развитие производительных сил в них было неодинаково, вследствие чего был неодинаков и их экономический и социальный строй.

§ 3. Экономическое состояние Московского государства до хозяйственного перелома XVI века.

Сельское хозяйство.

Господствующей, безусловно преобладающей отраслью народного хозяйства значительного большинства московских районов являлось земледелие. Его не существовало только на двух противоположных окраинах— на далеком севере, вследствие климатических условий, и на юге (нижнее Поволжье, Тамбовский край и соседние области) вследствие недавней и редкой колонизации этих местностей и частых татарских набегов. По тем же причинам не было распространено ни там, ни здесь и скотоводство. Зато в этих окраинах процветала добывающая промышленность—рыбная ловля, охота, солеварение и т. п. Новгородско-Псковский край, южная часть северного края (Вологодский уезд), Поднепровье и Прикамье славились своими сенокосными угодьями, множеством скота, развитым производством кож и сала, так что здесь скотоводство до некоторой степени соперничало с земледелием. В Новгородской, Псковской и некоторых других областях усиленно разводился лен и отчасти конопля, но главным продуктом земледелия везде был хлеб.

При всей распространенности земледелия техника его была очень невысока: главными орудиями служили соха и деревянный плуг; паровая зерновая система с трехпольным севооборотом и с удобрением пара являлась наиболее интенсивной системой и применялась далеко не повсеместно, так как во вновь колонизуемых степных областях господствовала „переложная система“ (распахивание „целины“, т.-е. нетронутой земли, соби-

рание с нее нескольких урожаев до истощения почвы, а затем переход к новому участку, который также эксплуатировался до истощения, и т. д.); на севере применялась „подсечная" система (выжигание леса на выбранном под пашню месте и эксплуатация последнего, пока оно дает урожай) или „лядинная" (так называлась подсечная с трехпольным севооборотом); переложное хозяйство встречалось и в центральных областях. Соотношение пашни и перелога (т.-е. запущенной земли) было не одинаково не только в разных местностях, но и в разных видах земельного владения одной и той же местности.

Формы землевладения.

В Московском государстве XVI века различалось несколько форм или видов землевладения: 1) земли черные и дворцовые, 2) вотчинные, к которым относились служилые вотчины и монастырские, а также церковные вотчины, и 3) поместные. Не касаясь вопроса о происхождении и юридических признаках этих видов землевладения, а сосредоточивая внимание только на фактическом их положении, можно сказать, что „черные" земли находились в полном распоряжении самостоятельных производителей-крестьян, составлявших волости или „миры" (т.-е. общины, в известной мере самоуправлявшиеся и распределявшие участки между своими сочленами) и эксплуатировавшихся правительственною властью, которая, помимо разных иных поборов и повинностей, облагала их особым оброком, т.-е. сбором, шедшим в казну. Крестьяне „дворцовых" земель являлись объектом эксплуатации московского царского двора, потребности которого удовлетворялись продуктами их труда и взыскивавшимся с них оброком. „Вотчинные" земли представляли собой наследственное, обыкновенно крупное, землевладение, распределенное на мелкие участки крестьян, разбросанных по небольшим деревням и эксплуатировавшихся собственниками вотчин. Такими собственниками [1]) были либо бояре (крупные феодалы из бывших удельных князей или из потомков наиболее влиятельных и сильных слуг московского князя), либо монастыри (в лице монастырских заправил), либо церкви (в лице их причта). Среди

[1]) Юридическим собственником вотчины считалась обычно семья, группа родственников, а не одно лицо. (См. М. Н. Покровский. Русская история, том I).

владельцев мелких вотчин встречались люди всякого звания, даже из несвободных. Поместные земли представляли собою совокупность среднего или мелкого вида землевладения — „поместий“, которые раздавались в распоряжение „дворянам“ и так называемым „детям боярским“, составлявшим московское войско, для обеспечения их военной службы. Помещик существовал и снаряжался в поход за счет эксплуатации работавших в пределах его поместья крестьян, которые, помимо оброка (т.-е. платежа) помещику, несли также „государево тягло“ (т.-е. различные общегосударственные налоги).

Распределение землевладения. Указанные виды землевладения были распределены в Московском государстве XVI в. далеко неравномерно. В северном районе (Поморье), не нуждавшемся в военной защите, почти безраздельно господствовали черные и отчасти дворцовые земли, перемежаясь кое-где с монастырскими вотчинами (наиболее крупным из здешних вотчинников был Соловецкий монастырь). Не мало черных земель было в Прикамье и в некоторых приволжских местностях (так, напр., в Свияжском уезде их было до 80%). В южной степной окраине и в Новгородско-Псковской земле, напротив, безусловно, преобладали поместья, преимущественно мелкие, составляя от 60 до 99% всей территории той или иной местности. В различных областях центрального (Подмосковного) района поместное землевладение соперничало с монастырским и отчасти с боярским вотчинным (так, напр., в Московском уезде монастырям принадлежало 36% территории, поместьям—34%, в Коломенском — монастырям 12%, поместьям—60%, в Звенигородском, напротив, первым—42%, а последним — только 27%; боярские вотчины охватывали обычно несколько выше 20% территории центральных уездов). В общем, поместное дворянское землевладение непрерывно росло за счет черных и вотчинных земель.

Хозяйственной ячейкой как в мелком, так и в крупном землевладении был небольшой крестьянский участок, запашка которого до последних десятилетий XVI века колебалась от 3 до 5 десятин в одном поле, следовательно, от 9 до 15 десятин в трех полях. В некоторых северных местностях сохранялось, как отмиравший пережиток старины, „складничество“, „со-

седство“ и „сябринство“, т.-е. разработка полей несколькими крестьянами-складниками сообща, без раздела их между собой. В наиболее благоприятных хозяйственных условиях находилось землевладение монастырей, потому что они ранее других вотчинников и в значительно большей степени стали располагать денежными средствами, а, сверх того, многие из них были освобождены от несения разных налогов. Такими податными льготами пользовались обыкновенно и крупные боярские вотчины.

Очевидно, что пока (до XVI века) в Московском государстве господствовало натуральное хозяйство, при котором эксплуатация крестьян выражалась в том, что они должны были вносить оброк натурою, шедший только на удовлетворение потребностей землевладельцев и их нетрудящейся челяди,— эта эксплуатация не была слишком тяжелой в вотчинных и даже в поместных землях. Конечно, большому количеству крестьян, работавших в освобожденной от податного бремени вотчине, было легче содержать вотчинника, чем незначительной группе помещичьих крестьян, обремененных „государевым тяглом“, обеспечивать помещика. Но при условиях натурального хозяйства и такая эксплуатация не была чрезмерной; о повышении доходности поместья не заботились, довольствуясь урожаем сам-два, сам-три. Однако, именно в XVI веке обнаружились признаки перехода от натурального хозяйства к товарному, произошел своего рода хозяйственный перелом, ударивший по вотчинному землевладению, внесший существенные изменения в поместное и давший сильнейший толчек к эксплуатации крестьян.

§ 4. Признаки перехода к товарному хозяйству в XVI веке.

Успехи разделения труда. Конечно, и в XVI веке так же, как и ранее, огромное большинство потребителей являлось в то же время и производителями потребляемых продуктов: так, крестьяне кормились, одевались, обувались, обслуживались, отогревались и вообще удовлетворяли свои хозяйственные потребности продуктами своего труда, лишь в некоторых случаях прибегая к купле-продаже. Однако разделение труда сделало существенные успехи, выразившиеся в развитии

ремесла и кустарничества. По словам Н. А. Рожкова, в XVI веке не только в городах, но даже в деревнях ремесленники и кустари „сгущались в целые гнезда“. Такие гнезда встречались, напр., в Псковском, Свияжском, Владимирском, Костромском и многих других уездах. В слободках этих уездов в качестве „непашенных людей“ жили ремесленники всяких специальностей: калачники, кузнецы, плотники, каменщики, седельщики, прядильщики, сапожники, тележники, портные, лодейщики, овчинники, серебренники, кирпичники, свечники, пивовары, масленники, гончары и т. д. В городах таких ремесленников было еще гораздо больше: так, напр., в таком городке, как Устюжна, было до 236 ремесленных дворов, из коих 66 принадлежало молотникам, а 34— кузнецам; в Новгороде даже после разгрома его при Иоанне IV почти половина населения состояла из ремесленников, среди которых было 57 кожевников, 47 плотников, 28 сапожников и 25 кузнецов. Москва также изобиловала ремесленным населением. Успехи ремесленной деятельности доказываются все усиливавшейся специализацией в пределах одной и той же отрасли промышленности; в обработке металла различались котельники, ведерники, сережники, сабельники, игольники, сковородники, медники, железники, кузнецы и пр.; в источниках упоминается 32 ремесла, посвященных производству одежды, 25 ремесл, относящихся к строительному делу и производству домашней утвари, и 119 названий разного рода других ремесл. (См. Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. I). Характерно, что к XVI веку относятся также попытки, правда, неудачные и недолговечные, организации крупных предприятий, напр., „бумажных мельниц“ (т.-е. писчебумажного производства), английского железного завода в Вологде, английских канатных производств в Холмогорах и Вычегде. (См. Рожков. Русская ист., т. IV, ч. I).

Рынки. Приведенные данные свидетельствуют, как указывает Н. А. Рожков, о том, что „обрабатывающая промышленность работала на рынок и в свою очередь нуждалась в продуктах сельского хозяйства и добывающей промышленности“. Многолюдные города могли существовать лишь при условии массового подвоза сельско-хозяйственных

продуктов: так, напр., в Москву по одной только Ярославской дороге ежедневно въезжало 700 возов, нагруженных съестными припасами. При организации товарообмена большую роль играли скупщики, упоминания о которых так и мелькают в источниках. Деревенские производители-кустари находились всецело в их власти.

В общем, в XVI веке ярко обнаружилось экономическое разделение труда между городом и деревней. Многие города являлись „крупными центрами внутреннего обмена". Не говоря уже о Москве, которая, по утверждению английского путешественника конца XVI века Флетчера, не уступала по своим размерам Лондону, такими центрами были: Вологда, Ярославль, Новгород, Псков (в котором насчитывалось около 1200 лавок), Старая Русса, Смоленск, Устюг, Нижний Новгород, Тверь, Кострома и др. Даже в небольших городах имелось значительное число лавок, конечно, очень мелких, обслуживавших весьма ограниченное число городских покупателей: так, в Торопце, имевшем 79 лавок, было менее 500 дворов и менее 2.500 населения, в Серпухове на 250 лавок—несколько больше 600 дворов, в Кашире на 100 лавок—около 400 дворов. Московская торговля, как доказывает М. Н. Покровский, носила „ремесленный характер, соответствующий преобладанию мелкого хозяйства крестьянского типа в деревне и господству мелкого ремесленного производства в промышленности". Однако встречались и крупные торговые предприятия. В этом отношении особенно выделялись некоторые монастыри, производившие закупки в „почти капиталистических размерах" и продававшие ежегодно по десяткам тысяч пудов (а Соловецкий монастырь даже 130.000 пудов) соли, торговля которой была „одним из крупнейших зачатков торгового капитализма". (См. М. Н. Покровский. Русская история, т. II).

Развитие торговли.

В начале второй половины XVI века завязались торговые сношения с Англией (приезд в Москву в 1553 г. капитана Ченслера), а Печенгским монастырем было положено начало русско-нидерландской торговле, игравшей впоследствии очень видную роль; был основан и все рос по своему значению для внешней торговли Архангельск. Не утрачивали известной роли в этом отношении также Нов-

город и Псков; широко была использована Нарва, пока в течение свыше 20 лет (во время Ливонской войны) находилась в русских руках: „из нее выходило ежегодно не менее 100 кораблей только со льном и коноплею, да еще вывозилось до 50 тысяч пудов воску и до 100 тысяч пудов сала"; с Литвой и Ливонией велась оживленная торговля на ярмарке в Острове, с татарами—в Казани; в Москву съезжались заграничные купцы из всевозможных стран.

„О широком развитии внешних меновых сношений Московской Руси XVI века" свидетельствуют, по словам Н. А. Рожкова, „составлявшиеся с конца XVI века так наз. „торговые книги", заменявшие до известной степени современные биржевые бюллетени о ценах на разные товары, обращающиеся на международном рынке". Главными предметами вывоза были лен, конопля, кожи, масло, сало, соленое мясо, свинина, меха, шерсть, лес, мед, воск, пшеница, гречиха; полусырье (напр., трепаная конопля) и, особенно, готовые изделия (канаты, льняное масло и т. д.) вывозились лишь изредка.

Постепенно развиваясь, торговля вовлекла в свою сферу широкие слои общества: по словам одного современника, „все бегают рукоделия, все щапят торговати, все поношают земледелателям". Действительно, торговлей занимались отнюдь не одни профессионалы-купцы, но и лица всех других классов. О широкой торговой деятельности монастырей уже упоминалось. Белое духовенство поспешало за своей черной братией. В этом отношении особенно характерен „добрый наставник" Иоанна IV Сильвестр. Его „послание и наказание от отца к сыну" представляет собой целый кодекс правил аккуратнейшего хозяйственника и яркий образец идеологии купца эпохи торгового капитализма: с тщательностью перечисляет он те продукты, которыми нужно запастись в „дешевую пору", чтобы продать их в „дороговлю"; он подробно рассказывает о своих торговых приемах, как со „здешними" людьми, так и со многими „иноземцами"; гордится тем, что вел свои дела „без волокиты, без брани, без тяжбы, без лжи, правдою да ласкою". Кроме Сильвестра, источники упоминают не мало других священников-коммерсантов. К торговле стали обращаться и земледельцы: в одном источнике очень красочно

описывается, как пригородные крестьяне спешат в город „на торговище“ еще до рассвета, неся с собой „плоды своих трудов земляных“. (См. М. Н. Покровский. Русская история, т. II). Если крестьяне торопились продавать продукты своего труда, то, конечно, с еще большим усердием занимались продажей продуктов крестьянского труда помещики-дворяне: один источник определенно указывает на „барышничество дворян хлебом“ и их „происками“ (т.-е. спекуляцией) объясняет поднятие хлебных цен.

Развитие денежного оброка. Образование рынка, возможность для землевладельца появляться на нем в качестве покупателя и продавца естественно должны были внести весьма существенные изменения в отношения землевладельцев к крестьянам и в организацию сельского хозяйства. Одним из них являлась все чаще и чаще встречавшаяся в XVI веке замена натуральных поборов с крестьян денежным оброком. Рост денежного оброка на счет натурального совершался с крайней быстротой: так, напр., по указанию Н. А. Рожкова до половины XVI века из числа крестьянских хозяйств Вотской пятины (нынешняя Ленинградская губ.) денежный оброк платили лишь 9%, в 1568 г. — 16%, а в 1581 г. — уже все; в Обонежской пятине количество крестьян плательщиков денежного оброка достигало 75% еще в 1565 г.; в 1590-х г.г. во всех вотчинах Троицко-Сергиевского монастыря, находившихся в центральных уездах, взимался такой же оброк. Указания на господство его имеются и по отношению к целому ряду других уездов, за исключением лишь экономически отсталых и окраинных. Из натуральных налогов прочно сохранялся только хлебный, но лишь потому, что хлеб в зерне являлся нескоропортящимся и выгодным товаром, и для землевладельца имело смысл собирать его для продажи, тем более, что на крестьян возлагалась обязанность, даже по исполнении всех установленных обязательств по отношению к землевладельцу, отвозить „господские“ товары на рынок.

Расширение барской запашки. Превращение хлеба в товар вызывало в помещиках лихорадочное стремление к расширению своей „господской“ запашки. На этой запашке использовывался в первую очередь труд холопов; появилась

таким образом холопская барщина. По вычислениям Н. А. Рожкова, в служилых землях под „господской“ пашней находилось от 16 до 56% всей запашки, а иногда встречались и такие имения, в которых крестьян вовсе не было, и которые, следовательно, распахивались холопами целиком на „барина“. Однако многие землевладельцы, в особенности крупные, не могли удовлетвориться холопским трудом: рабочих рук холопов было недостаточно, и вот с XVI в. стали прибегать к „издельной“ повинности крестьян, т.-е. к крестьянской барщине, сначала 2 или 3 дня в неделю, а затем и больше. Таким образом, наряду с оброчными крестьянами, появлялись барщинные, причем в некоторых вотчинах последних бывало даже больше, чем первых. Чтобы закрепить за собою крестьянские рабочие руки, помещики ссужали крестьян процентным займом („господским серебром“) и этим „закабаляли“ их. Подневольный труд был тогда неизбежен и в интенсифицированных хозяйствах (с расширенной трехпольной системой, с удобрением земли), так как сколько-нибудь заметного сельского пролетариата еще не существовало, и попытки некоторых монастырских вотчин пользоваться вольнонаемными рабочими оказывались лишь единичными опытами. (См. М. Н. Покровский. Русская история, т. II).

Превращение хлеба в товар превращало в него и землю, которая становилась предметом бойкой купли-продажи. При такой мобилизации земли обезземеливались с одной стороны крестьяне - мелкие вотчинники, с другой стороны — крупные вотчинники - бояре, которые, как увидим ниже, не умели приспособляться к новым условиям развивавшегося денежного, товарного хозяйства.

Хозяйственный переворот. Признаками этого развития, как выяснено, являлись: во-первых, сильный рост внутреннего торгового оживления и расширение внутреннего рынка (торговые операции некоторых монастырей, напр., Соловецкого и Троицко-Сергиевского, охватывали огромное пространство; хлеб для Москвы закупался иногда за 500 верст от нее; колебания хлебных цен в различных местностях были не слишком велики, что свидетельствует о живой экономической связи

между районами); во-вторых, указанный рост денежного оброка за счет натурального и превращение хлеба в товар, что было связано с расширением барской запашки за счет крестьянской (с 3—5 десятин в каждом поле она упала к последним десятилетиям века до 1—$1^1/_2$ десятин), с земледельческой утилизацией холопского труда, с появлением крестьянской барщины, с попытками целесообразной интенсификации хозяйства и, напротив, как увидим ниже, с лихорадочно жадным выколачиванием дохода с земли, с хищническими приемами хозяйничанья, с быстрой мобилизацией земельной собственности. К указанным доказательствам хозяйственного перелома можно прибавить еще два: 1) „ясно обозначившийся с половины XVI века переход натуральных государственных повинностей в денежные налоги" и рост последних и 2) изменение ценности денег. Это весьма понятно: товарное обращение, проникающее в народные массы, увеличивая количество денег в стране, способствует падению их ценности (в начале XVI века русский рубль, соответственно хлебным ценам, равнялся 100 довоенным рублям, в 1530—1540 г.г.— 75 рубл., а во второй половине века — 25 рублям). „Огромное понижение цен на деньги, параллельное соответственному и современному ему процессу, совершавшемуся и на западе Европы, служит важным признаком органической связи русского рынка с мировым рынком того времени". (См. Н. А. Рожков. Русская история, т. IV, ч. I).

Количество переходит в качество: указанные многочисленные признаки свидетельствуют о крушении натурального хозяйства, о зарождении и первых шагах хозяйства денежного. Очевидно, это должно было отразиться на экономической, а, следовательно, и социально-политической роли общественных классов этой эпохи.

Боярское землевладение в условиях денежного хозяйства.

Крупное, боярское, феодальное землевладение, натурально-хозяйственное по своему характеру, не легко приспособлялось к новым экономическим условиям: такому приспособлению препятствовали и самая хозяйственная организация крупной вотчины, громоздкой, нередко чересполосной и разбросанной, и отвлечение боярина от ведения хозяйства службой в столице, и обременение его содержанием многочисленной дворни и дру-

жины, иногда в несколько тысяч человек, что требовало теперь больших денежных расходов. (См. М. Н. Покровский. Русская история, т. II). Не удивительно, что боярские вотчины стали переходить в чужие руки, особенно в монастырские: в некоторых уездах в течение каких-нибудь 20 лет переменило своих владельцев от 30 до 50% вотчин. Но и те бояре, которые сохранили свои земли, чувствовали себя совсем иначе, чем в эпоху натурального хозяйства, когда вотчина давала все необходимое для жизни, когда не было зависимости от рынка, и когда деньги нужны были лишь в редких случаях.

Вместе с ослаблением экономической независимости падало и политическое значение бояр. „Землевладельческие тревоги и опасности,—по словам В. О. Ключевского,—не делая боярина опытным и предусмотрительным сельским хозяином, делали его робким или равнодушным политиком". Обескураженное земельным кризисом, судорожно хватаясь за ускользавшую из рук власть, боярство стремилось восполнить свои землевладельческие неудачи доходами от „кормлений". Так называлось управление наместников московскими областями, потому что оно было связано с получением от населения управляемой области „кормов" (приношений всех жителей) и различных, напр., „судебных", пошлин (вносившихся отдельными лицами в определенных случаях). „Кормление" по существу прежде всего являлось „предприятием", — получением в аренду сбора доходов с данной местности, превращавшимся в узаконенное ограбление ее населения и дававшим, по мнению современника, 10 р. в казну, а 100 р. в карман.

Общая ненависть к кормленщикам послужила весьма благоприятной почвой для той борьбы против бояр, которую именно в это время начали представители среднего и мелкого землевладения — поместные дворяне, выступавшие теперь в роли экономических и политических соперников боярства.

Среднее и мелкое дворянское землевладение на первых порах гораздо лучше приспособилось к условиям зарождавшегося денежного хозяйства, чем крупная вотчина: поместье легче было организовать по-новому, легче было проделывать в нем предпринимательские опыты, легче учесть барщину и оброк. Соблазняемое рынком и возможными барышами на нем, увле-

ченное хозяйничаньем (см. выше), дворянство гналось за деньгами, за расширением своего землевладения, за обеспечением себя рабочими руками. Существенным средством для утоления денежного голода было жалованье; земельный голод мог быть удовлетворен завоеванием новых территорий; для усиления эксплуатации крестьян требовалось внеэкономическое принуждение. Для достижения всего этого дворянство нуждалось в приобретении власти: оно стремилось использовать в своих интересах московское самодержавие, от которого его пока что оттирали бояре, сохранявшие по старой традиции все еще значительное влияние. Естественно, что дворянство было заинтересовано в оттеснении бояр и в укреплении центральной власти в целях успешности завоевательной политики и подавления сопротивления враждебных классов. В завоевательной политике — для расширения рынка — заинтересован был и московский торговый капитал, представители которого, оптовые торговцы, как и зависимая от них масса городского населения, страдали от бояр-кормленщиков. Так наличность некоторых общих целей и общего классового врага подготовляла союз дворян-помещиков и торгового капитала для борьбы с боярством.

Монастырское землевладение. Имелся, однако, соперник, общий для дворян и боярства. Это было высшее духовенство, в руках которого сосредоточивалось крупное монастырское землевладение. В XIV и первой половине XV века число монастырей увеличивалось с поразительной быстротой: за это время их было основано до 150. Росло и продолжало расти и в XVI веке монастырское землевладение путем получения земельных „вкладов на помин души" (т.-е. для обеспечения заупокойного поминания вкладчиков), путем захвата крестьянских участков, путем колонизации пустынных мест, путем выгодной купли у разорявшихся светских вотчинников. К половине XVI века оно раскинулось едва ли не на треть всего Московского государства. Монастыри были не только крупными землевладельцами: они, как уже сказано, являлись крупнейшими торговцами и приобретали такое видное экономическое значение, что, по мнению В. О. Ключевского, „держали нити народного труда в своих руках".

Экономическая мощь монастырей и помогала их вотчинам гораздо лучше, чем боярским, приспособляться к условиям нарождавшегося денежного хозяйства: они первые стали применять принудительный крестьянский труд, первые добились правительственного распоряжения, разрешавшего им „не отпускать от себя“ своих крестьян, были, по словам М. Н. Покровского, вообще лучшими сельскими хозяевами того времени“. Выигрывало монастырское землевладение и от того, что оно обычно не было обременено служебными и податными повинностями. Понятно поэтому, что, хотя высшее духовенство по своему социальному происхождению принадлежало к родовитому боярству, тем не менее разорявшиеся бояре могли питать к нему лишь чувство жгучей зависти и ненависти, как к счастливому экономическому сопернику. Богатые монастырские вотчины были весьма соблазнительны и для дворян, охваченных земельным голодом, и для правительства, заинтересованного в использовании их для поместной раздачи.

Указанные явления, порожденные хозяйственным переворотом второй половины XVI века, конечно, обусловили собой существенные перемены в соотношении классов общества.

§ 5. Классовое строение московского общества XVI века.

Общая характеристика. До хозяйственного перелома XVI века московский общественный строй отличался неоформленностью и дробностью, неопределенностью общественных отношений, как это и должно было быть при инертности натурального хозяйства, притом в географической среде, неблагоприятной, вследствие своего однообразия, для экономического развития. (См. Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. I).

Правда, если исключить из состава общества духовенство (о котором речь пойдет ниже), то разнородные классы русского населения можно распределить на три главные группы: служилую, тяглую и несвободную (холопство). Однако внутри этих групп не было строгого единства и резких границ между ними. Каждая группа распадалась на различные звенья, переплетавшиеся друг с другом. Так, в служилой массе следует

различать: 1) боярство, притом разнослойное и разночиновное, 2) среднее служилое сословие — дворян и „детей боярских“ нескольких разрядов и „статей“, 3) класс дьяков, 4) низший служилый класс по „прибору“ (т.-е. вербовке из всевозможных общественных слоев), стоявший очень близко к тяглой группе. Последняя разбивалась на посадских — „лучших, середних и молодших“—и на крестьян—черносошных и владельческих. Переходною ступенью к холопству были не только закладчики [1]) и разные слои сельского пролетариата, но и обедневшие дети боярские, поступавшие иногда на службу к частным лицам. Холопы, в свою очередь, были разных наименований и разрядов. Наконец, „вольногулящие люди“, пополнявшиеся всеми, кто избегал службы или тягла, вследствие пестроты своего состава не поддаются внесению ни в какую определенную группу.

Рассмотрим важнейшие из указанных классов, начиная с бояр.

Боярство. Термин „московское боярство“ имел два значения. В широком, бытовом смысле — под боярством разумелся первенствовавший, в силу своего экономического и, следовательно, политического положения, слой московского общества. Это был класс крупных землевладельцев-феодалов. В тесном, официальном смысле слово боярин означало высший „думный“ чин, т.-е. наименование первенствующих членов „думы“ (высшего московского правительственного учреждения).

Боярство XVI века составилось из двух слоев. Одним из них были потомки собственно московских феодалов, т.-е. вассалов московских удельных князей. Другим слоем являлись потомки иных удельных князей, которые, после покорения их Москвою, превратились из владетельных „государей“ в привилегированных вотчинников, пользовавшихся в своих землях значительною судебною и правительственною властью, имевших своих ратных людей. Их бытием определялось их сознание. Ведя свой род от Рюрика или Гедимина, „княжата“ (как называли их в Москве) считали себя выше нетитулованных,

---

[1]) «Закладчиками» назывались люди, забросившие свое хозяйство, вышедшие из тягла и жившие «за кем-нибудь», обыкновенно за своим кредитором

т.-е. не имевших княжеского звания, московских бояр и старались обойти их по службе. Не довольствуясь местным влиянием и служебными преимуществами, они домогались также видной политической роли, смотрели на себя, как на „государей", собравшихся в Москву для совместного с „великим" князем управления русской землей.

Такие политические притязания имели под собой почву лишь в эпоху натурального хозяйства, и тогда боярство, особенно в лице своих наиболее „породистых" представителей, пользовалось политическим влиянием и сумело приобрести чиновные и служебные преимущества перед „неродовитыми". Но, как уже упоминалось выше, по мере роста зависимости от рынка, росла зависимость бояр от московского „великого" князя, от которого исходили „денежные милости", столь необходимые при сельско-хозяйственных неудачах. Бороться с ним было не под силу, так как власть его опиралась уже не столько на феодальную знать, сколько на дворянство и торговый капитал. А во второй половине XVI века грянула над боярами опричнина, представлявшая собой „дворянскую революцию" и нанесшая непоправимый удар экономическому и политическому значению боярства (см. ниже).

С изменением бытия изменилось и сознание: в этом убеждают публицистические памятники. Из „Беседы валаамских чудотворцев", произведения, выражающего политическую программу боярства, как справедливо отмечает Плеханов, можно заключить, что „родовитая знать" не помышляла „об ограничении царской власти посредством точно определенных норм закона"; „она не столько требовала, сколько советовала, и притом советы ее касались не государственного устройства, а государственного управления". Первая идея „Беседы" касается экономики — недопустимость монастырского землевладения; вторая относится к области политики—недопустимость влияния на царя иноков и, напротив, обязательность для него „царство держати и власть имети с князи и с бояры и с прочими миряны", но это смягчается подчеркнутым признанием царского „самодержавства".

Другой идеолог боярства второй половины XVI века, кн. Курбский, выражается несравненно более резко, чем автор

„Беседы“. Однако и он, по словам Г. В. Плеханова, держится „оборонительной, а не наступательной тактики“. Он пламенно упрекает царя за пролитие крови и за мучения „сильных людей“ (т.-е. бояр), за захват их вотчин, всячески превозносит заслуги этих „сильных людей“, но грозит Иоанну за истребление их... только загробным возмездием, а в своей политической программе не идет далее подчеркивания значения боярского „синклита“, т.-е. думы, без совета которой царь не должен ничего „устроить или мыслить“. Вместе с тем Курбский признает, что „царь должен искать доброго и полезного совета у всенародных человек“. Как видно, боярство не чувствовало за собой сил для открытой борьбы с московским самодержавием. Политическое преобладание феодальной знати умирало. Чиновное и служебное значение боярства оказалось однако более прочным, чем его политическая роль, и пережило последнюю. Чиновные привилегии родовой аристократии в XVI в. состояли в том, что представители „громких“ княжеских фамилий, при вступлении в „государеву думу“, возводились непосредственно в чин боярина, минуя звание окольничего; иначе обстояло дело со старинною московскою нетитулованною „знатью“: только немногие нетитулованные вельможи носили чин боярина, и лишь некоторым представителям трех-четырех самых „почтенных“ московских фамилий удавалось не быть до этого окольничими. Второстепенные же московские роды, вместе с пришлым удельным боярством, попадая в думу, должны были довольствоваться званием думных дворян [1]). Чиновные преимущества „знати“ находились в связи со служебными. Последние долго сохранялись, основываясь на глубоко вкоренившемся в московскую жизнь обычае—местничестве.

Местничеством назывался тот порядок, которым правительство руководилось при размещении бояр в различных официальных случаях (напр., на официальных торжествах, при встречах и приемах послов), а равным образом при назначении их на должности. Он заключался в том, что члены „родови-

---

[1]) Кроме указанных думных чинов (к которым следует еще прибавить думное дьячество, жаловавшееся „худородным“ дельцам), было еще много придворных.

тых“ фамилий, если им приходилось выступать или служить совместно с „неродовитыми“, ставились на более высокие места. Их служебные отношения (т.-е. более высокое положение одних и менее высокое—других) оставались навсегда неизменными не только для них, но и для их родственников и всех потомков, равноотстоящих от них по своему положению в семье.

Последнее условие (т.-е. равное отстояние) вызывалось тем, что члены одного и того же рода не все считались равными друг другу, а между ними существовала своя семейная градация, подчинявшаяся особым правилам. В зависимости от „места“ (положения) лица в своей семье определялось и его служебное отношение к лицу другой фамилии. Следовательно, для установления правильных „местнических“ отношений между несколькими сослуживцами необходимо было вычислить отношение их к предкам.

Местничество, распространившееся на все классы служилых людей, представляло громадные неудобства: 1) выбор должностных лиц обусловливался не столько их заслугами и талантами, сколько их происхождением; 2) непроизводительно тратилась масса времени и труда на установление местнических отношений; 3) малейшее нарушение их вызывало спор и даже отказ обиженных должностных лиц от исполнения своих обязанностей. Правительство сознавало вред местничества и единичными мерами боролось с ним: оно часто объявляло „безместие“ (т.-е. непринятие того или другого служебного распорядка в расчет при последующих назначениях) и строго карало неправильно местничавшихся лиц; тем не менее оно долгое время не только терпело, но даже поддерживало местничество в качестве общего правила, так как это давало царской власти средство ввести „княжат“ в общий круг служилых людей и ограничить их притязания.

Отстаивая всеми силами местничество, бояре говорили, что „за службу (т.-е. заслуги) государь жалует деньгами и землями, а не отечеством“, т.-е. не знатностью; службу они считали следствием „отечества“. Но в действительности само „отечество“ было не чем иным, как служебным положением данных лиц или их предков, значит, следствием службы. Местничество приводило в заколдованный круг: службу оно обусло-

вливало „родовитостью“, а „родовитость“—службой. Оно вело также к глубокому противоречию: боярство думало найти в местничестве опору для своего политического влияния, а находило в нем источник своей разобщенности. Расколовшись сначала на два слоя—княжат и нетитулованных, — боярство продолжало дробиться на ряды фамилий с различным „отечеством“, ослаблявших друг друга местническими спорами. Оно не сложилось, подобно западно-европейской аристократии, в однородное сословие, сплоченное одинаковыми правами и притязаниями, а образовало круг чиновных фамилий, разъединенных соперничеством из-за своей „местнической чести“. Причины этого заключались, конечно, не в местничестве, а в экономических условиях: западно-европейская аристократия, как справедливо указывает Г. В. Плеханов, была гораздо более обеспечена землевладением, чем русское боярство, экономическое господство которого „трещало и шаталось“. Можно думать, что и ревнивое отношение к местничеству, обусловливавшему служебное положение, проистекало в значительной степени из этой необеспеченности, при которой служба имела существенное значение. Если принять во внимание это, тогда станет понятным, что с течением времени из двух принципов, лежавших в основе местничества: „родового отечества“ и службы,—получил преобладание второй, т.-е. служба. Поэтому все чаще и чаще при местнических спорах руководствовались „холопским“ правилом: „велик и мал живет государевым жалованьем“ (т.-е. милостью). И в „думе“ и на служебной лестнице „родовитым“ людям все чаще приходилось отступать перед „худородными“ дворянами. Это являлось следствием того, что „во второй половине XVI века вотчинное землевладение далеко отступало назад перед поместным“.

Дворянство. Дворянство, соответствовавшее мелкому вассалитету феодальной, т.-е. удельной, эпохи „по происхождению своему представляло собой совокупность различных социальных элементов“ (потомки „захудавших“ бояр и дружинников пришлых удельных бояр, называвшиеся обычно „детьми боярскими“, мелкие слуги московских князей, соответствовавшие „дворцовым слугам“ удельного времени, нередко выходцы из холопов, из крестьян, из татар и проч.).

По своему экономическому положению дворяне и дети боярские были средними или мелкими землевладельцами, пользовавшимися тем или иным „окладом“ (т.-е. размером) поместья (обыкновенно в той местности, где они служили). Вследствие своей хозяйственной неоднородности, они подразделялись на несколько „разрядов“ и „статей“: дворяне московские т.-е. подмосковные, дворяне „выборные“ („лучшие“), „дворовые“ дети боярские и „городовые“ дети боярские. Поместья некоторых „детей боярских“ были очень мелки и совсем не имели крестьянского населения, так что им приходилось самим обрабатывать свою землю (будущие однодворцы). Все эти разряды объединялись признаком службы, главным образом военной, которая заключалась в том, что в военное время каждый землевладелец должен был не только лично являться в поход, но и приводить с собой, соответственно количеству своей земли, определенное число снаряженных людей. Учет личного состава дворянства, его квалификация и определение размера его служебных повинностей производились посредством особых списков—„десятней“, которые составлялись при участии избиравшихся дворянами „окладчиков“. Прочное сохранение связи землевладения со службой в Московском государстве и разрыв ее в то время и даже ранее в Западной Европе, напр., во Франции, объясняется, по мнению Г. В. Плеханова, различием темпа развития денежного хозяйства. Во Франции, напр., оно развивалось гораздо быстрее, а „это уже рано дало французским королям возможность учредить постоянную армию (профессиональных солдат наемников), расходы на содержание которой покрывались их денежными доходами; ни о каком превращении дворянских земель в государственный фонд, составлявший экономическую основу системы народной обороны, во Франции не могло быть и речи. Наоборот, экономические условия Московской Руси („инертность народного хозяйства“, обусловливавшая недостаток денежных средств) настоятельно его требовали“. Это получило свое юридическое выражение в формуле: „земля не должна выходить из службы“; это повело к требованию отбывания службы от всех способных к ней вотчинников и к раздаче под поместья черных земель, части дворцовых и многочисленных областей, приобретенных посред-

ством завоеваний и конфискаций. Понятно, что в силу указанных условий должно было с течением времени все более и более стираться юридическое различие между вотчинами, которые признавались наследственною частною собственностью, и поместьями, считавшимися лишь обеспечением личной службы.

Действительно, хотя правительство смотрело на поместья, как на личное условное владение, и поэтому повышало или понижало оклад их в зависимости от исправности службы, а у лиц, вовсе неспособных к ней, и совсем отбирало их, тем не менее уже в XVI веке распространился обычай наследования поместий сыновьями. Еще при жизни отца взрослые сыновья делались его совладельцами; если же поместье не могло обеспечить всех сыновей, то некоторые из них „испомещались" самостоятельно. Даже „недорослю" (несовершеннолетнему сыну) выделялась часть отцовского поместья; вдова и дочери помещика получали часть имения в „прожиток" (т.-е. в качестве пенсии); иногда поместья отдавались на оброк неслужилым людям, жаловались или продавались в вотчину, т.-е. в собственность. Что же касается вотчин, то хотя они тоже сделались служилым владением, тем не менее не перестали считаться собственностью и, по распоряжению своих владельцев (напр., по завещанию), нередко выходили из службы. Правительство боролось с этим частичными мерами: оно стесняло до известной степени свободу завещаний, старалось ограничить переход вотчин в руки церковных учреждений. Но, с другой стороны, преследуя различные политические цели, оно само часто прибегало к насильственному дроблению, конфискации и принудительному обмену вотчин.

Итак, в Московском государстве землевладение связывалось со службой; дворянство представляло собой прикрепленный к ней класс („крепостное сословие, обязанное службой"), освобожденный от несения прямых податей. Это обусловливалось, как сказано, степенью экономического развития страны и, очевидно, отвечало потребностям класса, интересы которого все более выражала власть. Ясно, что дворяне были заинтересованы в землевладении. Но они были заинтересованы и в службе, так как последняя давала им столь необходимое жа-

лованье. Далее, обеспечивая своей службой военную силу государства, они тем самым обеспечивали себе сохранение и расширение (путем завоеваний) своего землевладения. Наконец, по мнению Н. А. Рожкова, дворянство, „устраивая и охраняя извне и внутри новое дворянское государство“, „связывало организацией службы феодальную аристократию, с которой оно боролось за власть“.

К половине XVI века дворянство уже осознало свои классовые интересы. Это доказывается несколькими очень яркими публицистическими произведениями, приписываемыми перу И. С. Пересветова. Очень видное место в них отводится экономике—заботам о расширении дворянского землевладения и щедром вознаграждении дворян денежным жалованьем. К экономическим и политическим соперникам дворянства „вельможам“-вотчинникам Пересветов относится с самою острою ненавистью и перечисляет все злоупотребления „ленивых богатин“. Всячески клеймя византийских вельмож, „укротивших“ (т.-е. ограничивших власть) своего царя и доведших свое царство до гибели, Пересветов сулит всякие беды и Москве, если Иоанн IV будет слушаться бояр и не выдвинет на место их „воинников“, набираемых из разных классов общества и возвышаемых по заслугам. Купечества он не долюбливает и рекомендует строгий правительственный надзор за ним и регулирование цен товаров. Отстаивая „грозное“ самодержавие, опирающееся на обеспеченных жалованьем „воинников“, Пересветов настойчиво предлагает царю целый ряд реформ—отмену кормлений, сосредоточение в казне всех доходов и судебных пошлин, назначение регулярного жалованья должностным лицам, составление нового судебника, установление в государстве „правды“ (т.-е. порядка) путем строжайших наказаний (почти за всякую провинность—смерть)—и убеждает расширять государство войнами, особенно, завоеванием Казанского ханства, чтобы „воинники“-дворяне могли получить новые „угодья“. Из новаторских идей Пересветова нужно отметить его несочувствие рабству, объясняющееся, вероятно, тем, что он признавал непроизводительность холопского труда в условиях денежного хозяйства. Такова идеология дворянства на заре его политической деятельности, во время штурма им боярских

позиций. С течением времени „крепостное бытие“ (т.-е. обязательная служба) все более и более определяло „холопскую“ идеологию дворян [1]).

Холопы. Дворянство было заинтересовано не только в землевладении и в жалованьи: оно, как сказано выше, весьма нуждалось в рабочих руках для барщины и в оброке. Первоначальной барщиной была холопская. В зависимости от характера работы, холопов можно подразделить на „деловых“ (отбывавших только барщину и получавших содержание от своего владельца), на „задворных“ (имевших свои дворы и клочки земли, обработкой которых они содержали себя, и обремененных не только барщиной, но и оброком) и „дворовых“ (представлявших собою господских ремесленников и слуг). В зависимости от характера „крепости“, следует различать холопов „полных“, „докладных“ и „кабальных“. Полные холопы не имели никаких прав и вместе со всем своим потомством являлись объектом наследственного права собственности своих „господ“. Однако в XVI веке некоторые источники полного холопства были уничтожены (напр., несостоятельность должника и плен, который обращал теперь только в пожизненную неволю), а другие—несколько ограничены (напр., продажа в холопы); к тому же холопы в некоторых случаях получали фактическую возможность приобретать

---

[1]) Кроме дворянства военную повинность несли еще, в качестве низшего служилого класса, разнообразные слои населения, составлявшие обычно пехоту и предназначавшиеся для сторожевой и осадной службы. Напр., во время осады города к защите его призывались и его неслужилые жители—купцы и посадские. Правительство «прибирало», т.-е. вербовало на службу, и крестьян и холопов. Из разнородных людей составлялись особые пехотные, вооруженные ружьями полки - стрелецкие, поселенные в пригородных слободах. Появилась и артиллерия—пушкари. На службу принимались также иноземцы, притекавшие на Русь вслед за знатными выходцами из Литвы и Орды. Наконец, правительство охотно пользовалось услугами «казаков».

К служилым людям можно отнести и дьяков, которые выступали преимущественно в качестве гражданских чиновников и пополнялись из людей весьма различного происхождения: отпущенных на свободу холопов, горожан и детей лиц из духовного звания. Мало-по-малу они, в качестве сотрудников бояр, заполняли все отрасли управления, привлекались ко всякому заметному государственному делу.

своим трудом кое-какое имущество и даже заключать сделки (напр., займы).

„Докладные“ холопы были также наследственными и потомственными, но это были люди, продавшиеся на „ключ“, т.-е. в ключники или приказчики, а потому занимавшие сравнительно лучшее положение. „Кабальное“ холопство возникало из обязательства должника „за рост (т.-е. взамен уплаты процентов) служить по все дни во дворе“ кредитора. Указы конца XVI века лишали кабальных права вернуть себе свободу возвращением долга (чего фактически они и не могли сделать, так как, отдавая весь прибавочный продукт труда в качестве процента, не имели возможности накопить нужную сумму), но ограничили время их неволи: после смерти заимодавца кабальный получал свободу без расплаты.

Ограничение полного холопства обусловлено было, по мнению Н. А. Рожкова, стремлением уменьшить возможность для богатых людей набирать себе полных холопов, сокращая тем самым доступное для рядовых дворян количество рабочей силы. Сверх того, на положении холопов должны были отразиться происходившие в это время перемены быта крестьян: по мере развития крестьянской „крепости“ холопская по своему характеру приближалась к ней.

Крестьяне. В удельный период крестьяне были свободными собственниками обрабатываемой ими земли (т.-е. мелкими вотчинниками), или прочно сидевшими на ней (старожильцы), или по тем либо иным причинам переходившими с места на место (свободной земли было много). Однако тогда же начался процесс постепенной экспроприации крестьян: либо князь „жаловал“ боярину или монастырю в вотчину землю, населенную крестьянами, которые таким образом из собственников превращались в „господских“ оброчников; либо сильный человек просто захватывал участки крестьян, изгоняя их, а нередко, завладевал вдобавок их имуществом; либо, что бывало чаще всего, мелкие разорившиеся вотчинники оказывались в экономической зависимости от более удачливых, к которым и переходили в конце концов их земли.

К XV—XVI в. экспроприация мелких собственников была, по словам М. Н. Покровского, совершившимся фактом.

К половине XVI века крестьяне почти всех областей, за исключением Северного района и отчасти Прикамского края, превратились в своего рода арендаторов уже „чужой“ земли. Как сказано выше, владельческие крестьяне, кроме тягла (которое они несли в меньшем, впрочем, размере, чем черносошные), отбывали еще различные повинности и уплачивали известный оброк в пользу собственника земли. Характер этих повинностей определялся „порядной записью“, т.-е. арендным договором.

Таким образом крестьяне были тяглыми свободными арендаторами. Свобода их выражалась, между прочим, в том, что они могли выйти из своего состояния, бросив обрабатываемый участок земли, или „отказавшись“ от данного землевладельца и уплатив „пожилое“ (т.-е. арендную плату за пользование двором), могли снять землю у другого.

В эпоху раздробления Руси крестьяне переходили не только от вотчинника к вотчиннику, но и из удела в удел. Но когда нужда в рабочих руках увеличилась (в XV в.), тогда стали появляться княжеские грамоты, которые, идя навстречу интересам вотчинников, страдавших от крестьянского „отказа“ и „выхода“, разрешали некоторым из них не отпускать крестьян в иное время, кроме как около „юрьева дня осеннего“ (26 ноября), когда сельско-хозяйственные работы прекращались. Но пока это были меры частные и местные. В XVI в., в связи с зарождением денежного хозяйства и развитием поместной системы, происходят дальнейшие изменения в положении крестьян. Эти перемены обусловливались интересами землевладельцев („земля должна быть живущей, т.-е. обрабатываемой, а не пустой“), поместной системы („земля не должна выходить из службы“) и казны („земля не должна выходить из тягла“). Естественно, что вотчинники и помещики прилагали все усилия к тому, чтобы удержать за собой сидевших на их землях крестьян и призвать „новоселов“. Для этого землевладельцы прибегали к разным средствам: 1) привлекали новоселов временными льготами, т.-е. освобождением от тягла [1]) или

[1]) Землевладельцы имели право, с разрешения правительства, временно освобождать своих крестьян от госуд. податей.

повинностей в течение одного, а то и нескольких лет, 2) включали с „порядную“ условие об уплате крестьянами неустойки в случае ухода ранее обещанного срока или неисполнения принятых обязательств, 3) ссужали крестьян „издельным“ или „ростовым“ „серебром“, т.-е. процентным займом, 4) неимоверно вздували „пожилое“. Главные стремления землевладельца и были направлены к тому, чтобы сделать крестьян должниками и тем поставить их в зависимость от себя. Крестьяне поневоле шли в расставленные сети, изнемогая под бременем возроставших повинностей.

Задолженность крестьян была одной из главных причин постепенного прикрепления их к земле. Пользуясь правом „выхода“, они в огромном большинстве случаев лишены были возможности осуществить его: чтобы „отказаться“ от землевладельца, нужно было расплатиться с ним, а задолжавший крестьянин, конечно, не имел на то средств. Задолжавшим крестьянам, лишившимся возможности выхода, представлялись поэтому четыре исхода: 1) или крепко сидеть за землевладельцем, 2) или пуститься в „бега“, не расплатившись с ним, 3) или ждать „вывоза“ другим землевладельцем, который согласился бы рассчитаться за крестьянина по всем его обязательствам, 4) или, наконец, облегчить себе бремя тягла и повинностей, бросив пашню, и, став „бобылем“ (т.-е. непашенным крестьянином) и даже холопом, работать на господском дворе. (Бобыльские повинности в XVI в. были очень невелики, а холопы считались нетяглым населением). Все четыре исхода испробованы были крестьянами уже в XVI веке.

Засидевшиеся на одной земле крестьяне, в противоположность новоселам, получали название „старинных“ или „старожильцев“. Им землевладельцы вовсе не давали „выхода“ и уже в XVI веке оправдывали свои притязания на их крепость ссылкой на „писцовые книги“. Эти книги составлялись московским правительством для упорядочения податного обложения. В них описывалось хозяйственное состояние известной местности, определялось количество обрабатываемой в ней земли и перечислялись сидевшие на ней крестьяне. Но, по установившемуся обычаю, в писцовые книги вносили не все крестьянское население, а лишь прочно осевших на своих участках

домохозяев. Для казны важно было прикрепление их к тяглу, для землевладельцев же также и их земельное прикрепление. В этом была заинтересована сама „волость“ (т.-е. крестьянская община), так как, в случае ухода „тяглеца“, его доля в тягле должна была выплачиваться оставшимися. Поэтому занесенные в писцовые книги сторожильцы не имели не только возможности, но, повидимому, даже права выхода: не выражая этого в общем законе, правительство, однако, в целом ряде отдельных и частных распоряжений, относящихся к XVI веку и даже к более раннему времени, запрещает „вывозить“ старожильцев, а в случае „вывоза“ разрешает их прежним владельцам возвращать их на старые места. Не внесенные же в писцовые книги родственники (напр., дети, неотделенные братья и племянники) старожильцев сохраняли право перехода. Они, вместе с выходцами из-за границы, отпущенными на волю холопами, беглыми крестьянами и другими почему-либо не приписанными к тяглу и не служащими людьми, считались „вольными“. (Впрочем, и старожилец мог вернуть себе волю, если находил когонибудь другого, кому мог передать свой участок и свои обязательства). Такие „вольные, гулящие люди“ могли поряжаться в крестьяне в качестве новоселов, „новоприходцев“, чтобы затем с течением времени также „застареть“.

Однако ни „старина“, ни содействовавшая ее возникновению задолженность не могли удержать все крестьянское население на местах его жительства и охранить землевладельцев от побегов крестьян и от „вывоза“ их другими искателями рабочих рук. Бежали крестьяне, главным образом, на вновь завоеванные земли и тем способствовали колонизации их.

Вследствие такого разброда крестьян, особенно усилившегося, как увидим ниже, по причине хищнического хозяйничанья помещиков, центр Московского государства стал пустеть. В конце XVI века пустели целые села и деревни; наступил землевладельческий кризис (см. ниже). Владельцы пустующей земли оказывались в „отчаянном положении“: для поддержания хозяйства и своей служебной годности они должны были всячески закреплять за собой крестьян „серебром“ или же „вывозить“ новых поселенцев на место ушедших. Но в „вывозе“ крестьян, в борьбе за рабочие руки, в погоне за беглыми

мелкие помещики и вотчинники не могли, конечно, соперничать с крупными; все выгоды оказывались на стороне последних.

Кроме побега и вывоза, у крестьян было еще одно средство облегчения своей участи, применявшееся издавна: это— освобождение от тягла путем поступления в кабальное холопство (см. выше). Довольно близко к кабальным стояли и „бобыли“ — непашенные, безземельные крестьяне — и некоторые другие категории сельского пролетариата.

Все указанные способы выхода из крестьянства ставили правительство и землевладельцев в большое „затруднение“: разброд крестьян и запустение земель (вследствие побегов и вывозов) делали непригодными к службе мелких вотчинников и помещиков, препятствовали осуществлению поместной системы и вели к сокращению тягла. Последнее обусловливалось также непомерным развитием бобыльства и кабального холопства. Однако правительство не шло на крупные преобразования в крестьянском вопросе. Все его распоряжения XV и XVI веков по крестьянским делам носили или местный или частичный характер, касаясь лишь одной какой-нибудь стороны сложных взаимных отношений землевладельцев и крестьян, и сводились в сущности к следующему:

1) Устанавливались правила для крестьянского выхода, определявшие его срок и выходные пошлины.

2) Принимались меры для прикрепления „старожильцев“ (отчасти для этой цели служили писцовые книги, из которых особенное значение имели составленные в 1592—3 г.г.).

3) Запрещалось тяглым людям вступать в кабальное холопство: Судебник 1550 г. разрешил давать на себя служилые кабалы только „вольным людям“; указы 1586 и 1597 г.г. установили надзор правительственной власти за записью в холопы и закрепили кабальных за их „господином“ до его смерти.

4) Затруднялся переход крестьян на льготные земли и „вывоз“ их из мелких вотчин и поместий в крупные.

5) Упорядочивалось делопроизводство по чрезмерно накопившимся искам землевладельцев о возвращении беглых крестьян. С этой целью в 1597 году был издан указ, которым предписывалось возвратить, по искам землевладельцев, только тех крестьян, которые бежали от них не раньше, как за пять

лет до издания указа, т.-е. не раньше 1592 года; если же крестьянин бежал до этого срока, и землевладелец не вчинил тогда же иска о нем, то дальнейшие притязания его на возвращение бежавшего не имели уже судебной защиты. Следовательно, указ 1597 г. устанавливал „урочные лета“ (т.-е. определенный пятилетний срок или пятилетнюю давность) для исков о беглых крестьянах.

Явившееся следствием указанных экономических условий (главным образом, задолженности и старожильства) и оформлявших их правительственных распоряжений поземельное прикрепление огромного числа крестьян было переходной ступенью к их крепостному состоянию.

Крестьянской публицистики, отражавшей интересы угнетенных земледельцев и холопов, не было, конечно, и в помине, но „крестьянский вопрос“ в публицистике уже существовал: его касается, напр., автор „Беседы“, желчно укоряя представителей монастырского землевладения в безжалостной эксплуатации монастырских „трудников“ (т.-е. крестьян), но не желая замечать такой же эксплуатации в боярских вотчинах. Другой публицист—автор „Слова к благохотящим царям“—также возмущается „ярмом тягости“, носимым „ратаями“, трудами которых производится хлеб—„главизна всех благ“, и нападает в особенности на замену натурального оброка денежным. Противником рабства является, как сказано, и Пересветов; о другом, обвинявшемся в „еретичестве“, служилом человеке-мистике Матвее Башкине, известно, что он не только теоретически осуждал рабство, но и „изодрал“ кабалы своих холопов и держал их „добровольно“.

Казаки. Характер крестьянской идеологии, конечно, не трудно угадать. Она должна была быть идеологией класса угнетенного, но не организованного, распыленного по одиноким дворам (крестьянская деревня того времени нередко состояла из одного или двух—трех домов) и потому неспособного к планомерной активной борьбе с угнетателями. Обычным средством борьбы с угнетением пока что являлся лишь побег, для которого нужна была по условиям того времени не малая активность. Из наиболее активных беглых крестьян и составилось казачество. Оно селилось на окраинах, занима-

лось там какой-нибудь хозяйственной деятельностью вперемежку с нападениями на проезжие торговые караваны, билось с татарами и турками и потому нередко использовывалось в качестве пограничной стражи тем же московским правительством, которое называло казаков „ворами" (т.-е. злоумышленниками), и к которому они сами питали только вражду. Эта враждебность к московскому строю, переходившая нередко в открытую борьбу, на первый взгляд, делает казачество своего рода революционным авангардом того времени. Однако назвать его так едва ли возможно: как указывает Г. В. Плеханов, казаки, восставая против Москвы, „в лучшем случае могли бы только разрушить существовавший общественно-политический порядок", но „они не способны были заменить его новым", так как не несли с собой нового способа производства. В случае удачи они очень легко проникались помещичьей идеологией. Вот почему казачество было не столько революционным авангардом, сколько, по словам Г. В. Плеханова, „чем-то вроде клапана, предохранявшего старый порядок от взрыва".

Казачество пополнялось не только беглыми крестьянами, а также и низшими слоями посадского, т.-е. городского, населения.

Посадские. Посадскими людьми назывались тяглые (обложенные по дворам) обыватели городских посадов и слобод, занимавшиеся преимущественно торгом, промыслами и ремеслами (впрочем, некоторые посадские, особенно в XVI в., не чуждались и сельско-хозяйственных работ, а потому мало отличались от черносошных крестьян). Торгово-промышленное население провинциальных городов (которое и называлось, собственно, посадским), по степени своей состоятельности (и, значит, по степени участия в тягле), делилось обыкновенно на людей „лучших", „средних" и „молодших"; состав московских купцов и промышленников был несколько сложнее. „Новые хозяйственные условия,—по словам Н. А. Рожкова,—сильно расслоили в классовом отношении городское население".

Верхним слоем его в Москве были три „чина": гости, торговые люди гостиной сотни и торговые люди суконной сотни; затем следовали черные люди московских слобод и сотен. Указанным „чинам", пополнявшимся из среды „лучших" москов-

ских черных и провинциальных посадских людей, поручалась податная „верная“ служба, т.-е. взимание податей в пользу казны. Они же являлись советниками правительства по экономическим вопросам; по его уполномочию заведывали казенным торгом и разными финансово-хозяйственными предприятиями государства; наконец, гости нередко ссужали казну деньгами. На посадской массе лежали также разнообразные служебные обязанности финансового и полицейского характера. Исполнялись они старостами, целовальниками и другими должностными лицами, избиравшимися „мирским или земским советом“. Привлекая посадских к финансово-хозяйственной службе, правительство видело, однако, в них прежде всего тяглецов. Поэтому в основе московского законодательства, поскольку оно касалось посадских, лежало стремление сосредоточить торги и промыслы преимущественно в городах или на ярмарках, обособить население, занимавшееся ими, в замкнутый класс и прикрепить его к посадам. Этими мерами облегчался контроль над тем, чтобы торг и промыслы не совершались „беспошлинно“, и учет плательщиков. К тому же они встречали полное сочувствие со стороны посадских: ведь посадский „мир“ страдал от ухода тяглецов, так как при общинной раскладке тягла, за „избылых“ (т.-е. ускользнувших от него) должны были платить оставшиеся члены общины. Поэтому посадские энергично боролись с уходом своих сочленов и с переходом посадских дворов (посредством продажи и заклада) в руки „беломестцев“ (т.-е. нетяглых людей). Такая борьба становится еще более понятной, если принять во внимание, что беломестцы не только не отбывали тягла, но к тому же занимались торгово-промышленной деятельностью, составляя конкуренцию посадским. Конкурентами их были не одни обитатели пригородных слобод, устраивавшихся монастырями и крупными вотчинниками, но и служилые люди. (См. ниже).

В XVI в. посадские, особенно верхние их слои, представители торгового капитала, были уже влиятельным классом общества, союза с которым искали как бояре, так и дворяне; этот класс, как увидим, вступал в коалиции то с теми, то с другими, четко осознал свои интересы и сумел добиться удовлетворения некоторых своих требований. Программою посадских

М. Н. Покровский признает те „вопросы“, с которыми Иоанн IV обратился к так называемому „Стоглавому собору“. Некоторые пункты этой программы были выполнены, другие, как, напр., проект отмены винной монополии и внутренних таможен, оказались чрезмерно „буржуазными“ для того времени, а потому неосуществимыми. Стоглавый собор, занимавшийся очень разнообразными вопросами, был, однако, по существу прежде всего церковным собором, принявшим несколько важных для московского духовенства постановлений.

Духовенство. В удельную или феодальную эпоху русская церковь была вполне феодальной организацией: 1) ее огромные вотчины представляли собой феоды, имевшие светских сюзеренов—князей, „жаловавших“ эти вотчины; с другой стороны духовные лица—митрополит и архиереи—являлись сюзеренами светских вассалов—митрополичьих и архиерейских бояр и дворян, сходных с княжескими, и выставляли в поход целые полки; 2) церковь пользовалась широчайшим иммунитетом, т. е. невмешательством мирской власти в ее управление и суд, и податными льготами; таким иммунитетом особенно щедро наделили ее татарские ханы, дабы она своим влиянием на народ поддерживала их власть; 3) церковное общество было именно иерархией, верхние слои которой состояли из „князей церкви“, выходивших из среды мирских князей и бояр, а низы—из рядового духовенства, пополнявшегося простолюдинами, причем сущность взаимоотношений выражалась главным образом в том, что высшие взимали разные поборы с низших.

По мере роста значения денег эти поборы увеличивались весьма заметно. Естественно, что рядовое духовенство питало к церковной аристократии не бóльшие симпатии, чем дворянство к боярству. Кроме этих поборов высшее духовенство обогащалось еще, как уже сказано, доходами от торговли, от финансовых операций (особенно ростовщичества) и от землевладения, которое церковь значительно лучше, чем другие вотчинники, сумела приспособить к новым условиям, обнаруживая в этом отношении, по словам М. Н. Покровского, „экономическую прогрессивность“. Понятно, поэтому, что монастырское землевладение было столь лакомым куском для светских землевладельцев (см. выше) и так ревностно доказыва-

лась недопустимость для духовенства владеть вотчинами. Любопытно, что религиозно-нравственные подпорки для доказательства этой недопустимости были созданы в среде самого же духовенства: разработкой их занималась небольшая группа оппозиционного, интеллигентски и мистически настроенного монашества—так называемые „нестяжатели“ или „заволжские старцы“, предвосхищавшие идею отделения церкви от государства и усматривавшие в монастырском землевладении главную причину „обмирщения“ ее. Эту теоретическую аргументацию затем широко использовали практики-дворяне, зарившиеся на монастырские вотчины, и бояре, настойчиво кивавшие на них в тайной надежде, что правительство, удовлетворившись монастырским земельным фондом, не тронет боярского.

Монастырское землевладение оказалось под страшной угрозой. Заинтересованная в сохранении его господствующая партия духовенства („иосифляне“) попыталась было отвратить удар методами запугивания: она стращала московское правительство небесными карами за покушение на экспроприацию вотчин, пускала в оборот западно-европейские папистские теории о главенстве духовной власти над светской, приводила „исторические“ данные о неприкосновенности церковной собственности. Однако при создавшихся условиях такая тактика оказалась негодной: ее пришлось перевернуть—от запугивания перейти к задабриванию. И вот, „иосифляне“ вступили на путь публицистического творчества, создавая теории, доказывавшие необходимость тесного союза церкви с государством, признававшие право царя на значительное влияние в церковных делах, утверждавшие, возвеличивавшие и обожествлявшие московское самодержавие и измышлявшие мировую роль Москвы и ее царя. Наиболее известною из них была теория „Москва-третий Рим“, провозгласившая Москву преемницей Константинополя, центром и оплотом православия во всем мире, а московского царя—правопреемником византийских императоров.

Эта тактика оказалась более действительной: если татарские ханы считали нужным пользоваться влиянием церкви на народ для укрепления своей власти, то, конечно, и московский царь не преминул воспользоваться этим. Спор о монастырском землевладении окончился компромиссом: церковь

сохранила свои вотчины, а государственная власть ограничила дальнейший их рост и распространила на них некоторую тяжесть служебного и податного бремени; сверх того, она подвергла своему контролю церковное управление (по постановлению Стоглавого собора), подчинила церковь себе, сделала из нее орудие для укрепления и расширения самодержавия. Такая зависимость нисколько не уменьшилась когда в конце XVI века вместо московского митрополита во главе церкви был поставлен патриарх. Князья церкви, за редчайшими исключениями, были вполне „послушливы" царю и своим авторитетом побуждали и народ к покорности. На чем зиждился этот авторитет? Западное католическое духовенство поддерживало его, как известно, между прочим, своим относительно более высоким образованием и особою системой обучения (схоластика). Русские иерархи в лучшем случае были бессистемными начетчиками, в худшем — еле грамотными; поэтому поддерживать свой авторитет они могли лишь поддерживанием народной темноты и невежества. Недаром русское „православие", исчерпывавшееся в народных массах смешением христианских терминов с гущей фетишистских языческих верований, а в господствующих классах—слепым выполнением обрядов и вызывавшее у иностранцев вопрос, христиане ли московиты, превозносилось творцами теории „Москва — третий Рим", как единственно-истинное и самое высшее. Отсюда делался вывод, что москвичи—лучший народ, а это давало идеологическое обоснование для охранения неприкосновенности московского „домостроевского" быта и для внушения недоверия и пренебрежения ко всему иноземному. Правда, и в Московской Руси того времени не все были покорны церкви: как и на Западе, здесь тоже встречались протестанты, „еретики", восстававшие против высшего духовенства и монахов; причем характерно, что в качестве „ересиархов" выступали обычно рядовые священники, возмущавшиеся „духопродавчеством", т.-е. поборами при поставлении. Угнетенному крестьянству, при всей его неприязни к экспроприировавшим его земли монастырям и эксплуатировавшим его архиереям, было не до „ересей", но в посадском населении таких городов, как Псков или Новгород, они

пускали иногда довольно глубокие корни. Однако, вследствие экономической отсталости Московской Руси от Запада, русские „протестанты“ были значительно слабее западно-европейских. Тем не менее для их подавления церковь обращалась к содействию государственной власти. Понятно, что протест против церкви связывался обычно с протестом против московского правительства: ведь в XVI веке церковь из феодальной преобразилась в дворянско-государственную, и именно она старательно подводила идеологические подпорки под московское самодержавие.

§ 6. Организация правительства в XVI веке.

Боярское правление и избранная рада.

До второй половины XVI века управление Московским государством носило феодальный характер: правил сюзерен — великий князь — совместно с советом крупных вассалов — боярской думой.

В годы малолетства Иоанна IV правившие бояре уже не чувствовали под собой твердой почвы и искали поддержки у других классов: Шуйские—у московского посада, с представителями которых их роднила оптовая торговля мехами; Бельские, — повидимому, у дворянства; Глинские не имели крепких подпорок и были сметены мятежем 1547 г. Образовавшаяся после этого „избранная рада“ представляла собой коалицию боярства (Курбский), торгового класса (Сильвестр) и дворянства (Адашев) и проводила компромиссную политику: 1) боярство поступилось „кормлениями“, но зато провело в новом Судебнике статью о том, что впредь законы могут издаваться только „по приговору всех бояр“; 2) посадские получили „излюбленных голов“ и выборных судей, которые не только заменили кормленщиков, но и несколько ограничили сферу деятельности дворянских выборных „губных голов“, занимавшихся „розыском“ разбойников и наказанием их (что давало материальные выгоды); сверх того, с тяглого населения были сложены недоимки перед кормленщиками и проценты по долговым обязательствам; 3) верхам дворянства была дана „подачка“ в виде испомещения тысячи „лучших“ дворян и детей боярских

в Московском и соседних уездах; с дворян были не только сложены проценты по долгам, но и предоставлена рассрочка по уплате их, а также особым указом запрещено обращение дворян в холопство за долги. Внешняя политика „избранной рады" велась в интересах дворянства, охваченного земельным голодом, и торгового капитала, искавшего новых рынков и путей. С этой целью была завоевана Казань (в 1552 г.), а затем и все Поволжье (1556 г.) и начата война с Ливонией, благоустроенные рыцарские мызы которой весьма соблазняли помещиков, а гавани на Балтийском море—купцов. Но именно по вопросам внешней политики и раскололась коалиция „избранной рады". Не поддававшееся скорому замирению Казанское ханство вовсе не оказалось такой „подрайской землицей", какой ее представлял Пересветов; Поволжье не скоро стало „раем" для помещиков, а пока оно только оттягивало от них крестьян, усиливая этим недостаток рабочих рук. Война с Ливонией, против объявления которой энергично протестовали бояре, тяготившиеся связанными с этим расходами (мобилизация боярских отрядов), приняла весьма плачевный оборот, когда в нее вмешались Польша и Швеция, и не сулила больше никаких „мыз". Крушение надежд на расширение землевладения путем завоеваний толкало дворянство к поискам земель внутри государства. Естественно, что от его взора не укрылись обширные боярские вотчины.

Опричнина. Для овладения этими вотчинами необходим был переворот — захват власти дворянством. Благоприятную для него атмосферу создавали неудачи ливонской войны, приписывавшиеся „изменам" не желавших ее бояр. В подготовке этого переворота, на ряду с дворянством, принимал участие, вероятно, и московский посад. В конце 1564 г. и был совершен этот переворот, известный под названием „опричнины", инсценированный со всякими эффектами: выезд Иоанна IV из Москвы, его патетические грамоты с перечислением боярских „измен", отречением от престола и апелляцией на бояр к народу, „смятение" московского населения, организация посольства к Иоанну, его согласие вновь принять „бразды правления" при условии учреждения „опричнины". Сущность последней заключалась: 1) в образовании для испомещения нуждающихся

в земле дворян особой территории в государстве — „опричнины“ (получившей впоследствии название „двора“), в которую были включены: 1) центральные области с находившимися в них вотчинами „родовитейших“ бояр, при чем последние либо истреблялись, обвиненные „в изменах“, либо „выводились“, т.-е. получали землю в других местах, обычно на окраинах государства, 2) Поморье с его промышленными посадами, 3) важнейшие торговые пути с расположенными на них городами; II) в изъятии опричной территории из ведения боярской думы, которая сохранила свои прежние права лишь в отношении к „земщине“, как стала называться остальная, не вошедшая в опричнину часть государства, не превышавшая половины его и потерявшая притом доходнейшие области; III) в образовании особого, весьма многочисленного штата царских приближенных, „опричников“, набранных преимущественно из дворян, со специальным заданием—бороться с „изменой“, испомещенных в первую очередь на территории опричнины, ведавших ее делами и представлявших весьма внушительную военную силу; IV) в предоставлении льгот купечеству городов, взятых в опричнину. Проведение опричнины сопровождалось широчайшим применением террора, выражавшимся не только в казнях отдельных бояр, но и в истреблении целых семей, в разгроме селений и городов (например, Новгорода в 1570 г.), причем имущество жертв террора поступало в пользу опричников. Как видно, опричнина представляла собой действительный переворот или революцию, потому что она разгромила экономическую базу боярства—его землевладение, терроризировала этот класс, ограничивала сферу влияния его уцелевших представителей лишь земщиной, привлекала к управлению новый класс, дворянство, обеспечивая его земельным фондом, создавала, по словам М. Н. Покровского, новый „классовый режим“. Так как опричнина была не личной прихотью Иоанна IV (как думали прежние историки), а именно „дворянской революцией“, подготовленной и проведенной дворянством при поддержке посадских, то, конечно, ей не могло оказать сопротивления боярство, ослабленное, как сказано выше, переживаемым им земельным кризисом. Его уцелевшим представителям оставалось утешаться

только тем, что на ряду с нарождавшимся „дворянско-помещичьим“ государством еще доживало старое „боярско-вотчинное“ в виде „земщины“, что сохранялись еще служебные и чиновные преимущества „родовитых“ людей. Утешаясь этим, боярству приходилось ждать „лучшего будущего“.

Московское самодержавие. Развитие дворянско-помещичьего государства вело к усилению московского самодержавия, пламенным идеологом которого явился сам Грозный. На царство он смотрит как на свою собственность, часто повторяет, что „русские самодержцы сами владеют всем царством, а не бояре и вельможи“; „противным разуму“ называет он порядок, при котором „царь обладаем рабами“, причем рабами он считает всех решительно и горячо отстаивает свое право „жаловать своих холопов и казнить их“. Он кичится перед правителями других стран полнотою и наследственностью своей власти, измышляет себе мифического предка Прусса, брата римского императора Августа, и приходит к горделивому выводу, что „не которое царство нам равно не бывало“. Вотчинный собственнический характер московской власти являлся наследием феодальней эпохи, и так как она, как и всякая власть, выражала волю класса, то поскольку интересы московского дворянства XVI века требовали самодержавия, в Москве усиленно насаждался взгляд, что „воля государя есть воля божия“, что суд и управление принадлежат царю лично, что никакие законы и никакие учреждения не должны ни в чем стеснять его, что эти учреждения существуют лишь в помощь царю и самостоятельного значения не имеют.

Боярская дума. Ближайшей сотрудницей царя считалась „государева“ или „боярская“ дума, состоявшая во второй половине XVI века не только из высших „думных“ чинов (бояр и окольничих), но и из неродовитых думных дворян, дьяков и даже приглашаемых в нее „детей боярских“, и представлявшая собою преимущественно законодательное учреждение. Впрочем, и состав думы и ее ведомство отличались такой неопределенностью, что некоторые исследователи (напр., В. И. Сергеевич) не хотят признавать ее вовсе учреждением.

Приказы. Большой неорганизованностью отличались и московские центральные учреждения—„приказы“, между которыми распределялись различные отрасли государственного хозяйства, управления и суда. Начало им было положено теми поручениями, которые давал — „приказывал“ — царь своим помощникам. Некоторые поручения имели случайный характер, другие—слагались в целый круг дел, и таким образом возникало учреждение. Понятно, что наибольшим значением пользовались приказы, ведавшие денежной частью (приказ Большого прихода), военно-служилыми людьми (Разряд) и их испомещением (Поместный).

Земские соборы. Боярская дума и приказы были обычными учреждениями. В исключительных же случаях для разрешения затруднявших правительство вопросов устраивались особые совещания, на которых присутствовали не только царь и бояре, но и высшее московское духовенство (составлявшее так называемый „Освященный собор“). Иногда сюда приглашали и московских служилых людей (не носивших думного чина) и богатейших московских купцов. Из таких совещаний мало-по-малу выросли „земские соборы“, известные у современников под названием: „советы всея земли“, „вся земля“ и т. д. Первое отчетливое известие о „земских соборах“ относится ко второй половине XVI века, но в зачаточном состоянии они существовали и раньше.

Первый земский собор был будто бы созван Иоанном IV в 1550 г. для ликвидации „неправд“ боярского правления в годы его детства. Однако известия о нем сомнительны. Достоверные сведения имеются о соборе более позднего времени. Именно, в 1566 г. царь предложил на обсуждение земского собора, продолжать ли ливонскую войну или заключить мир. На этом соборе участвовали преимущественно должностные московские лица, призывавшиеся не в силу народного избрания, а в силу своего служебного положения и звания, именно: 1) высшие духовные лица, 2) бояре и думные чины (обычные участники „государевой“ или боярской думы), а также начальники приказов и прочие чиновные люди, 3) московские дворяне, т.-е. столичные служилые люди, и представители московского, преимущественно богатейшего, купечества—гости. Чис-

ленно этот третий, „земский“, элемент преобладал (на 374 участника собора военно-служилых людей приходилось 55%, торгово-промышленных — 20%). Однако и он был не выборным от населения, а именно призванным правительством. Этот однодневный собор представлял собою в сущности совещание правительства с мелким вассалитетом (дворянством), на плечах которого лежала главная тягость войны. Собор 1598 г., избравший на царство Бориса Годунова, мало отличается по своему составу от собора 1566 г. Число его участников — 512. На ряду с „гостями“ приглашены были служившие по выборам старосты купеческих обществ (сотен); наконец, что особенно важно, в числе 267 военно-служилых людей на соборе оказалось около 40 выборных от провинциального дворянства. Привлечение дворянства к участию в земских соборах является одним из признаков роста его значения, обусловленного расширением помещичьего землевладения. Однако экономическое благополучие дворян было очень не долговечным: именно, к концу XVI века значительная часть их оказалась перед разбитым корытом, — с землями, но без рабочих крестьянских рук. Вслед за кризисом крупного землевладения наступил кризис мелкого, обусловленный иными причинами.

ГЛАВА II.

Землевладельческий кризис и классовая борьба конца XVI и начала XVII в.

§ 7. Кризис помещичьего землевладения и временное ослабление дворянства и торгового класса.

С 1570-х г.г. центральные области государства, где находились земли многих мелких вотчинников и помещиков, стали приходить в запустение, принимавшее местами грандиозные размеры (в Московском уезде количество запустевших деревень составляло от 76 до 96% всех поселений, во Владимирском, Суздальском и соседних с ними от 50 до 86%, в Тверском—около 50%). Такое обезлюдение края объяснялось отчасти нашествием крымского хана 1571 года, количество жертв которого было чудовищно (едва ли не десятая часть населения), отчасти естественной колонизацией окраин. Но этих причин недостаточно: основной причиной, гнавшей крестьянское население из центра, а затем и из западных областей государства (Новгородско-Псковского края), являлись невыносимые экономические условия, созданные алчным хозяйничанием большинства помещиков, утолявших свой „денежный голод" слишком энергичными средствами. Помещики - „предприниматели", по словам М. Н. Покровского, „переиспользовали" условия нового хозяйства. Не располагая средствами для правильной постановки дела в своих поместьях, дворяне спешили выжать из них доходы путем продажи построек, инвентаря, путем хлебной спекуляции; грабили своих крестьян, продавали их имущество, ухитрялись торговать ими самими.

Таким образом именно в то время, когда помещик одной рукой старался как можно крепче привязать к себе крестьян

„серебром“, другой рукой, алчущей этого „серебра“, он распугивал их, и они уходили либо на окрайны, либо в крупные вотчины, где эксплуатация была все же менее алчной.

Кризис поместного хозяйства выразился не только в запустении земель, в преобладании перелога над пашней, но и в упадке самой техники земледелия. Характерно также возрождение натурального оброка. В общем, по словам М. Н. Покровского, помещик, „раздавив во имя экономического прогресса феодального вотчинника, очень быстро сам становится экономически отсталым типом“. Соответственно этому должна была ослабнуть и дворянская диктатура опричнины (которая юридически умирает вместе с Грозным).

Напряженная колонизация и денежный голод служилой массы отразились и на торгово-промышленной жизни, способствуя перегруппировке ее центров и упадку некоторых из них. В конце XVI в. продолжало сохранять свое торгово-промышленное значение преимущественно Поморье. Такие города, как Холмогоры, Устюг Великий, Каргополь, попрежнему процветали, и некоторые из них (особенно Устюг) даже выиграли от завязавшихся торговых сношений с Сибирью. В средней полосе Московского государства замечалось соперничество тяглого посадского люда с пришлым военно-служилым, причем победа обыкновенно оставалась за последним. В лучшем для тяглых людей случае военно-служилое население оказывалось совсем чуждым интересам посада, в худшем—оно вступало в конкуренцию с посадскими, завладевало их промыслом и торгом. Таким путем в некоторых старых городах, по мере превращения их в крепости, посады совсем исчезали, в других экономическое господство переходило от посадского элемента к военно-служилому, пришлому. Конечно, это было не повсеместным явлением, и некоторые из центральных городов сохранили важное торгово-промышленное значение.

Экономический кризис последних лет XVI в., совпадавший с ослаблением центральных и западных частей государства за счет южных и восточных, содействовал обострению розни общественных классов, боровшихся между собою за землю, рабочие руки, за торг и промыслы. Результатом экономической реакции (кризиса поместного хозяйства), по словам М. Н. Покров-

ского, должно было быть хотя бы „частичное и временное возрождение политического феодализма“. И, действительно, уцелевшая „старая знать“ оправилась и, несмотря на то, что некоторые ее представители нередко терпели крушения и гибель в своей политической игре, она все же занимала очень видное положение и еще долгое время поставляла ответственнейших должностных лиц. Еще более крупное значение приобрела „новая знать“, „обоярившееся дворянство“ или опричное боярство, т.-е. лица, сопричисленные, благодаря своему богатству, служебным успехам и счастливому стечению обстоятельств, к старому боярству, но сохранившие прежние связи и с дворянством, которое в нужных случаях составляло их опору. Эти лица могли не только играть в политику, но и действовать вполне серьезно. Наиболее талантливому из них, Борису Годунову—богатейшему, но недавнему крупному феодальному сеньёру—очень скоро после смерти Грозного удалось одолеть своих родовитых недругов, самых опасных из которых (Шуйских) поддерживал московский посад, разошедшийся теперь с дворянством, вероятно, из-за неудачи ливонской войны. Борис сделался фактическим правителем государства, а затем и юридически занял престол. Избран он был земским собором, в состав которого входило значительное число дворян, очень щедро награждавшихся жалованьем в борисово правление. Посадские не противились его избранию, так как и их интересы учитывались Борисом, хотя и не очень ревностно. При таких условиях бояре не могли провести своего кандидата (Федора Романова), но от подпольной борьбы с Годуновым не отказались. Эта борьба пошла успешно с тех пор, когда все обострявшийся кризис лишил Бориса возможности утолить денежный и земельный голод дворянства, когда он сделал попытку пожертвовать на время дворянскими интересами и задержать разброд, создав для крестьян сносные условия существования в центре. (См. М. Н. Покровский, Русск ист., т. II). Этой переменой политики он оттолкнул от себя тот класс, на который опирался. Для крестьян же создались совершенно невозможные условия, порожденные чудовищным голодом, который явился результатом не только неурожая, но и хлебной спекуляции помещиков, и был использован ими для еще большей эксплуатации крестьян, при-

чем последние, по окончании полевых работ, массами выгонялись помещиками на голодную смерть. Измученное крестьянство, вступавшее частично в ряды казачества, было, конечно, настроено революционно и охотно подхватило лозунг, брошенный, вероятно, боярами, будто Борис царствует „незаконно", а законным претендентом на престол является младший сын Грозного Дмитрий, который будто только скрывается, а вовсе не погиб несколько лет назад, как о том сообщалось еще в борисово правление. Понятно, что при остром хозяйственном кризисе, при крайней возбужденности народных масс, при полном разочаровании дворянства в своем ставленнике, при враждебности к нему боярства и безучастии к его судьбе посадских, появление в 1604 г. лица, выдвинутого врагами Бориса и выдававшегося за Дмитрия, могло послужить сигналом к революции, которая должна была выявить все классовые противоречия.

§ 8. Классовая борьба начала XVII века.

Восстание было поднято прежде всего казачеством юго-западной, пограничной с Польско-Литовским государством, окраины и служилыми людьми этого края, которые „прибирались" частью из казаков, частью из принудительно „испомещенной" здесь дворянской мелкоты, а также из сосланных сюда за политические и уголовные преступления. Однако этим элементам общества и находившимся в стане Лже-дмитрия польским авантюристам удалось восторжествовать лишь тогда, когда на сторону последнего перешло более крупное дворянство в лице главной армии, убедившееся в нецелесообразности дальнейшей защиты годуновского порядка (самого Бориса уже не было в живых). Недолгое царствование Лже-дмитрия (11 месяцев) и представляло собой период восстановления дворянской диктатуры, сопровождавшейся „оргией земельных раздач и денежных наград", причем особенно ретиво обслуживались интересы именно служилой мелкоты южного района. Брошены были некоторые подачки и общественным низам. Напротив, землевладельческие верхи—родовитое боярство и духовенство—находилось под нажимом и под угрозой все большей утраты своих

вотчин. Ростовщические верхи торгового класса также были задеты некоторыми мероприятиями (напр., ограничением кабального холопства). К тому же денежная щедрость к дворянству опустошала посадский карман. Оппозиция этих классов, облегчаемая безтактностями польских выходцев, служивших Лжедмитрию, и его собственными промахами, повела к новому перевороту, произведенному небольшой группой заговорщиков под руководством кн. Василия Шуйского, который одной рукой крепко опирался на московский торговый посад, а другой держался за родовитое боярство. Через два дня после умерщвления Лжедмитрия московские посадские люди без всякого земского собора „выкликнули“ Василия Шуйского на царство, а бояре не преминули воспользоваться случаем, чтобы связать нового царя особою „записью“ (грамотою), предоставлявшей боярской думе право суда по политическим делам и гарантировавшей боярство от групповых опал и конфискаций. Такая же гарантия дана была и торговым людям, без капитала которых „знать“ не могла обойтись.

Ответом на установление посадско-боярского правительства было восстание классов, господствовавших при Лжедмитрии, а именно дворянства и казачества, которые при известных обстоятельствах могли действовать совместно, так как низы первого и верхи второго мало отличались по своей идеологии (см. выше). И действительно, к движению, возглавляемому беглым холопом Болотниковым, около которого сгруппировались не только казаки Северской земли, но и масса восставших крестьян и холопов, присоединились также дворяне. Но союз дворянства с угнетенными низами был непродолжителен: дворяне убедились в том, что казаки стремятся занять их место, а холопы и крестьяне не церемонятся с их усадьбами и не щадят помещиков, тогда как Шуйский, чтобы спастись от грозной опасности, готов на большие подачки вождям дворянства. Соблазненные „милостями“ Шуйского, эти вожди со своими отрядами отъехали из ополчения Болотникова, которое и было затем разбито. Однако уцелевшие его участники скоро примкнули к новому движению все в той же Северской земле, в котором участвовали не только казаки и служилая мелкота, но и около десятка тысяч хорошо вооруженных польских выходцев, иска-

вших в русской „смуте“ добычи и земель. Вождем этого движения считался человек, выдаваемый за вторично спасшегося Дмитрия, бывший на самом деле игрушкой в руках своих „слуг“. Доведенный ими до подмосковного села Тушина, он засел там на долгое время. Таким образом Тушино превратилось в центр, привлекавший всех недовольных правительством Шуйского, не исключая многих отдельных бояр и представителей духовенства (в том числе Филарета, бывшего Федора, Романова).

В то время, как организовывалась эта новая разнослойная столица, в большей части страны все сильнее разгоралась социальная борьба, представлявшая собою „восстание общественных низов против общественного верха“. Это движение в деревнях выражалось в разгроме помещичьих усадеб, а в городах—в ожесточенной борьбе бедноты с посадскими верхами. Отряды польских тушинцев поддерживали это восстание, но оно представляло страшную опасность не только для торгового капитала, но и для собравшихся в Тушине служилых землевладельцев, весьма встревоженных тем, что их „царек“ становился „холопским царем“. Вот почему посадские верхи, особенно богатое население Поморья, куда также понемногу докатывалась волна революции, энергично поддерживали Шуйского и организовали ополчение из крепких „северных мужиков“ в помощь нанятому им шведскому военному отряду. Тушинские служилые верхи (во главе с тушинским патриархом Филаретом Романовым) также стремились к восстановлению „порядка“, но другими средствами: они попытались „обезвредить“ поляков в политическом отношении, сохранив их только как военную силу, путем договора с польским королем об избрании на московский престол его сына на известных условиях. Эти условия, содержавшиеся в договоре, заключенном (в феврале 1610 г.) тушинскими боярами с польским правительством, сводились к 1) ограничению законодательной власти будущего царя боярской думой и земским собором, а его судебной власти—боярской думой; 2) к обеспечению имущественных и служебных интересов боярства и дворянства; 3) к предоставлению русским купцам свободной торговли в Польше и Литве и свободного транзита; 4) к самому энергичному подтверждению крестьянской и холопской крепости.

В общем, договор на первый план ставил боярские интересы, что свидетельствует об ослаблении в то время дворянства и посадских, вызванном упомянутою выше борьбой против них общественных низов. Что касается казачества, то самый вопрос о допустимости его существования был оставлен в договоре открытым.

Разгром главной армии Шуйского польским авангардом окончательно выяснил его бессилие в борьбе с поляками. Вследствие этого он был свергнут с престола, а под стенами Москвы оказались с одной стороны польская армия, а с другой — „тушинский царек“. При таких обстоятельствах московскому временному правительству, опять таки боярскому (семибоярщина), не оставалось ничего другого, как принять 17 августа 1610 г. договор, заключенный тушинцами (сделав в нем некоторые поправки в целях еще большего усиления боярства), предоставить польскому отряду занять Москву „для поддержания порядка“ и снарядить посольство „для приглашения на царство“ избранного царя. Однако боярство просчиталось в своей надежде прекратить „смуту“ таким избранием: анархия, поддерживаемая казаками и бродячими польскими отрядами, только усилилась и остановила всю волжскую торговлю; польские солдаты терроризировали московское население; польский король не торопился посылать своего сына, так как готовился сам сесть на московский престол, а пока что его агенты хозяйничали в Москве, нисколько не считаясь с боярами и беспорядочно раздавая своим клевретам поместья, что явилось уже прямым вызовом служилому землевладению.

Это и послужило стимулом для того движения против поляков, которое прикрывалось религиозно-национальным лозунгом, но по существу было чисто классовым. Первыми выступили дворяне (в 1611 г.), привлекшие в свое „земское ополчение“ и казаков, но закрывшие им доступ к должностям и вообще не считавшиеся с их интересами (особенно с нуждами казачьих низов), результатом чего и был распад ополчения после гибели дворянского вождя (Ляпунова), убитого казаками. Организацию второго ополчения, принял на себя торговый капитал, прежде всего в лице посадских верхов Нижнего-Новгорода (Минин), наиболее заинтересованного в прекра-

щении анархии для восстановления волжской торговли. На собранные торговыми людьми средства были наняты дворяне разных местностей, которые и составили посадско-дворянское ополчение (Минин и Пожарский). Оно шло не только против поляков, но и против казаков, которые стали забирать себе земли. Однако, когда под стенами Москвы, посадско-дворянское ополчение встретилось с казачьими „таборами", то вооруженного столкновения не произошло, так как казачество раскололось: низы его ушли из под Москвы на юг, а верхи договорились с дворянами и принимали участие как в „очищении" Москвы от поляков, так и в организации новой власти. Созванный для этой цели земский собор 1613 г., на котором участвовали выборные от 50 городов, и от некоторых черносошных крестьян, при избрании царя очень мало считался с скомпрометировавшими себя прежним договором боярами, но должен был прислушиваться к голосу казачества. Избрание Михаила Романова и объяснялось тем, что он был приемлем не только для дворян и посадских, но и для верхов казачества, установивших связи с его отцом во время пребывания последнего в Тушине. Новому правительству, в составе которого было не мало бывших „тушинцев", пришлось еще несколько лет вести борьбу с низами казачества, с польскими, бандами, с вмешавшимися в „смуту" шведами и поляками, и лишь около 1616 г. положение сделалось устойчивым. Выиграли от „смуты" те классы, которые преодолели анархию, а именно: дворяне, виднейшие представители которых образовали, как увидим, новое боярство, и торговые люди.

ГЛАВА III.

Закрепление политических позиций торговым капиталом.

§ 9. Сельское хозяйство и землевладение в XVII в.

Землевладение. Аграрный кризис, разразившийся в конце XVI века, конечно, должен был значительно усилиться в эпоху „смуты"; запустение сделалось еще более грозным: так, напр., в Московском уезде пашни стало еще меньше, по крайней мере, на одну треть; значительно возросло число бобыльских дворов за счет крестьянских („бобыли из ничтожного количества — 3 — 4% превращались в группу, равночисленную настоящему крестьянству"). Однако последствия пагубного влияния „смуты" на народное хозяйство были очень непродолжительными: уже с 1620-х г. г. оно стало оправляться; московские „пустоши" понемногу оживали, население увеличивалось, так что населенность центра достигала постепенно насыщенности; успешно колонизовался юг, где колонизация находила себе опору в „чертах", т.-е. в линиях крепостей; крестьянские дворы снова получали перевес над бобыльскими (так, напр., в 115 имениях нескольких центральных уездов за период от 1620-х до 1680-х г. г. число крестьянских дворов увеличилось в 2½, а население их—в 5 раз; число бобыльских дворов сократилось вдвое, причем количество их населения осталось неизменным; сельское население Замосковья возросло с 400 — 500 тысяч в 1620-х г. г. до 2—2½ миллионов в 1670-х г.).

В распределении землевладения в XVII веке произошли некоторые изменения по сравнению с „до-смутным" временем:

количество „черных“ и „дворцовых“ земель еще сократилось вследствие чрезвычайно широкого и щедрого земельного вознаграждения лиц, потрудившихся над „восстановлением порядка“ и содействовавших утверждению новой династии: раздавались миллионы десятин, целые волости, а то и уезды. Характерно однако, что, в отличие от XVI века, значительно преобладала раздача вотчин, а не поместий. Вероятно, вотчинное (наследственное) землевладение представляло форму, более приспособленную к условиям XVII века, чуждого того лихорадочного алчного предпринимательства, которое типично для второй половины XVI века. Частично наблюдалось даже возвращение к формам, характерным для эпохи натурального хозяйства: так, местами развивался оброк за счет барщины, причем иногда оброк натуральный; местами сокращалась барская запашка, тогда как крестьянский надел рос, увеличившись в первой половине XVII века до 6 десятин на двор, а во второй кое-где даже свыше 9 десятин. Вместе с тем, хотя и в XVII в. преобладало мелкое землевладение (по расчету Н. А. Рожкова „рядовое дворянство держало в своих руках более 80% всех служилых земель, из коих свыше половины было мелких“), однако возродились и крупные вотчины, т.-е. та форма, которая изживала себя во второй половине XVI века. Владельцами этих огромных, насчитывавших по несколько тысяч крестьянских дворов, чересполосных вотчин были однако в большинстве случаев не представители „старой знати“, а именно „новое боярство“, вышедшее из рядов дворянства, главным же образом, из царской родни. Общее распределение землевладения в последней четверти века имело следующий характер: 67% — служилых земель, 13,3%—церковных и монастырских, 10,4% — черных, 9,3% — дворцовых. На ряду с регрессивными признаками в сельском хозяйстве, намечались и прогрессивные: повышение техники, специализация и многообразие отраслей сельско-хозяйственой деятельности, успешное производство на рынок.

Удовлетворение земельных аппетитов дворянства и нового боярства шло, конечно, за счет дальнейшего закрепощения крестьян.

Происхождение крепостного права. Как было выяснено, уже к концу XVI века „право выхода“, не отмененное официально, сводилось на нет: землевладельцы, хватаясь за рабочие руки, закрепляли крестьян экономически, а правительство, в финансовых интересах, прикрепляло крестьян-домохозяев к их тяглому состоянию и к земле посредством записи в писцовых книгах; вместе с тем оно предоставляло помещикам право искать беглых в течение „урочных лет“. Естественно, что после „смуты“ увеличилась и погоня землевладельцев за рабочими руками и погоня правительства за плательщиками податей. Это, конечно, должно было способствовать дальнейшему закрепощению. Экономическая близость кабальных холопов и крестьян привела к тому, что последние, под давлением неблагоприятных обстоятельств (в частности, вследствие острой нужды в ссуде), стали включать в свою порядную или ссудную запись условие о невыходе („за государем своим, т.-е. за господином, жить во крестьянах по свой живот безвыходно“), которое и сделалось пожизненною крестьянскою крепостью, создавшеюся по образу „служилой кабалы“. Указанные, выработанные жизнью отношения, попрежнему, лишь утверждались и упорядочивались московским законодательством XVII в.

В царствование Михаила Романова правительство ввело десятилетнюю давность для исков о беглых крестьянах и пятнадцатилетнюю для исков о вывезенных насильно другими помещиками. При царе Алексее дворянам удалось облечь свои желания в форму законодательных постановлений Соборного Уложения, т.-е. свода законов, а именно:

I. „Урочные лета“ были отменены, и землевладелец получал право бессрочно искать бежавшего от него крестьянина. II. Крестьяне вместе со своими родственниками и потомством закреплялись за „господами“, на землях которых они были записаны. III. „Господам“ были предоставлены значительные права распоряжения как личностью крестьян, так и их имуществом; вместе с тем на землевладельцев падала и ответственность за исправное поступление тягла с крестьян.

Таким образом Соборное Уложение узаконило крепостное право (т.-е. право владения) „господ“ на крестьян

(иными словами, крепостную неволю или крепостное состояние крестьян) и юридически сблизило последних с кабальными холопами. Так крестьянин превратился из свободного арендатора по договору в подневольного крепостного по закону, которым торговали, которого по „господскому“ усмотрению подвергали телесным наказаниям, хотя по букве закона он, в отличие от холопов, пользовался гражданскими правами.

Фактическая же разница между крестьянами и кабальными холопами состояла лишь в следующем: 1) крестьяне, в отличие от холопов, были тяглыми людьми; поэтому им обеспечивался земельный надел, и предоставлялось право жаловаться на „господские“ поборы „через силу и грабеж“; 2) крестьянская крепость была потомственной, а кабальная — личной, пожизненной. Однако, и указанные различия были стерты после замены поземельного обложения подворным, которое привлекло к тяглу, на ряду с крестьянскими, также дворы холопов. С этого времени (с последней четверти века) между ними, с одной стороны, и крестьянами и бобылями с другой—нельзя провести никакой разницы, так как и кабальные сделались вечно крепкими своим „господам“, если проживали в особых дворах.

На положении прежних кабальных остались лишь „дворовые“ люди, т.-е. те из холопов и крестьян, которые были взяты на „господский“ двор.

Из изложенного видно, что в течение XVII в. владельческое крестьянство приближалось к холопству, холопство— к крестьянству. Встреча этих процессов образовала крепостных людей. Однако в Поморье, а отчасти и в средней России осталось значительное количество крестьян, сохранивших свободу перехода и известных под названием „половников“ (снимавших землю на определенный срок и вносивших за это известную часть, обыкновенно половину, ежегодного урожая) и порядчиков.

Половники, правда, все сокращаясь в числе, не утратили этой свободы и после Уложения. Что же касается черносошных крестьян, обитавших преимущественно в Поморье, то Уложение окончательно прикрепило их к земле. Конечно, в качестве

„крестьян государевых", они не знали гнета помещиков, но находились в кабале у тамошних городских капиталистов; к тому же их личная свобода была непрочной так, как по „государеву указу" черные земли, вместе со своим населением, в любой момент могли быть обращены в частное владение. Уложение оказало влияние и на экономическую деятельность черносошных крестьян, запретив им заниматься торговлей и промыслами.

§ 10. Торговля, промышленность и экономическая политика в XVII веке.

Общий характер торговли. Торговля, замершая, а местами и совсем остановившаяся во время бурь „смуты", подобно сельскому хозяйству быстро возродилась после нее: уже к 1642 г. сумма торговых оборотов возрасла в 10 раз. Центром внутренней торговли была Москва, на которую приходилась треть всех оборотов; за ней следовали поволжские города, особенно Ярославль, Нижний-Новгород, Казань; сохранили свое значение и северные города, напр. Вологда. Правда, внутренняя торговля, как и в XVI веке, отличалась ремесленным, мелочным характером: множество лавок (в Китай-городе еще в 1626 г. их было около 700, а в конце века во всей Москве—3000 торговых помещений) с весьма разнообразными товарами, но столь мелких, что, по словам одного иностранца из одной амстердамской лавки можно сделать десять московских; распространенность ярмарок; большая дешевизна московских товаров, объясняющаяся тем, что они являлись продуктами подсобного занятия кустарей; торговая безграмотность купечества, упорно державшегося средневековых приемов и возмущавшегося методами капиталистического обмена с его изучением рынка, торговыми агентами, коммерческой почтой и т. д.,— вот отличительные черты московской внутренней торговли XVII века. Однако внешняя торговля имела значительно более капиталистический характер. Общий годовой оборот внешней вывозной торговли составлял приблизительно $30^1/_2$ миллионов рублей. К прежним предметам вывоза (см. стр. 35)

прибавились и новые, напр., кожаные изделия: юфть поставлялась на всю Западную Европу, занимая первое место в вывозе и составляя в 1650-х г.г. около трети всей ценности его, равнявшейся приблизительно 15 миллионам рублей. Наиболее развита была торговля через Архангельск с голландцами, которые признавали ее столь же выгодною, как их прежняя торговля с Испанией и ее американскими колониями. Голландцы сумели оттеснить на второй план даже англичан и увлекались самыми грандиозными планами использования Московии. Один из этих планов заключался в том, чтобы монополизировать вывоз русского хлеба, организовав для этого даже специальные хлебные плантации в Московии, а за одно прихватить и другое прибыльное сырье. Голландцы упорно пытались склонить к этому московское правительство, соблазняя его огромной суммой вывозных пошлин, но оно не попалось на удочку: в Москве также додумались до монополий, и монополистом предпочел сделаться сам московский царь, „первый купец в своем государстве", по словам одного иностранца.

Монополии. Действительно торговля всеми выгоднейшими предметами сбыта за границу (рыбой, рыбным клеем, икрой, мехами и другими богатствами Сибири, а затем хлебом и многими иными товарами) была сосредоточена в руках царя, от имени которого действовали его агенты—гости, ведшие и самостоятельный оптовый торг, как с заграничными купцами, так и внутри страны. Из всех „царских монополий" особенное значение имела торговля персидским шелком-сырцом, представлявшая собою, по мнению одного немецкого путешественника, „самую важную из всех, которые ведутся в Европе". Справедливость этого мнения подтверждается многократными и чрезвычайно настойчивыми хлопотами перед московским правительством иностранных дипломатов и специальных посольств о пропуске иноземных купцов в Персию и обратно через московские владения: ведь по ним пролегал почти сплошной водный путь до самого Архангельска, более, чем вдвое, удешевлявший доставку шелка. Все эти домогательства неизменно отклонялись московским правительством. Его чрезвычайно ревнивое отношение к Персии объясняется тем, что, встречаясь в качестве монополистов в Астрахани с персидскими купцами, гости

назначали произвольные цены на свои привозные, частью русские (полотно, медь, меха), частью закупленные в Архангельске, товары и очень выгодно приобретали у персиян шелк-сырец, а также многие другие товары, доставлявшиеся сюда даже из Индии бухарцами и иными восточными купцами; затем гости перепродавали это с большою прибылью в Архангельске. Понятно, что приобретаемый в Астрахани, а продаваемый в Архангельске шелк-сырец давал не менее 50% прибыли, и персидская торговля представляла собой „самое крупное коммерческое предприятие Московской России“.

Из внутренних царских монополий особенно доходною была „питейная“: недаром правительство предпочитало винокурение торговле хлебом. О доходности „царевых кабаков“ свидетельствовали улицы, усеянные пьяными. Царское правительство, лицемерно скорбя о том, что „питухи пропивались, должали и нищали“, тем не менее предписывало „питухов от кабаков не отгонять“.

Московский меркантилизм. Царские монополии обогащали казну, а также гостей и откупщиков (в 1630-х г.г. гость Никитников владел четвертью капиталов всей Московской России, а годовой доход Шорина составлял 5 мил. рублей). Гости и распоряжались торговлей. Положение рядового купечества, всецело зависевшего от гостей, страдавшего от конкуренции нетяглых элементов (см. выше) и от привилегий иностранцев, обремененного податями и множеством таможенных сборов, являвшихся в значительной степени остатком феодальной эпохи, было далеко не завидным: на земском соборе 1642 г. посадские горько жаловались, что „оскудели и обнищали до конца“. Соборное Уложение предоставило посадским почти исключительное право занятия городским торгом и промыслом. Это избавляло их от конкуренции, но вместе с тем вело их к окончательному прикреплению (за переход из одного посада в другой грозила смертная казнь). Вскоре после Уложения проведено было несколько мер, улучшавших положение посадских (ограничение привилегий иностранных купцов, замена мелких поборов однообразною таможенною пошлиною и т. д.). Тогда же стала уже сознательно прово-

диться экономическая политика, которая может быть охарактеризована, как первая стадия меркантилизма и задачей которой являлось увеличение вывоза сырья для накопления металлических денег. Стремясь к такому накоплению, правительство предпочитало не столько покупать у иностранцев товары (ввоз получал также массовый характер, причем ввозились не только предметы роскоши, но и широкого потребления, напр., сельди, и даже средства производства—иголки, медь, железо), сколько обменивать их на свои, запрещало ввоз некоторых предметов роскоши и, напротив, пропускало беспошлинно некоторые материалы; вместе с тем оно прибегало к разным финансовым операциям. Так, напр., не добывая у себя драгоценных металлов и, следовательно, получая их только в виде уплаты за проданные за границу товары, оно перечеканивало иностранную звонкую монету, напр., „ефимки", искусственно вздувая их цену: именно, оно или вычеканивало из ефимка мелких монет на большую сумму, чем он стоил в целом виде, или же, не дробя его, просто ставило на нем особый штемпель и пускало его тогда в обращение по повышенной цене. Когда вследствие войны с Польшей и сокращения торговых оборотов с иностранцами, в начале второй половины XVI века стал ощущаться острый денежный голод, правительство решило чеканить медные монеты вместо серебряных, с тем, однако, чтобы они ходили по одинаковой цене с серебряными, но выпускало их слишком неумеренно; вдобавок должностные лица и гости стали чеканить деньги из своей меди. Вследствие этого деньги быстро падали в цене, так что к 1662 г. медная копейка равнялась $^1/_{15}$ серебряной; медью за товары брали втридорога, а некоторые купцы вовсе отказывались производить расчеты на медь. Само правительство подавало этому пример, взимая платежи с населения серебром, а выплачивая ему медными деньгами по их номинальной, а не реальной цене. Этим оно ставило в отчаянное положение и служилых людей, получавших жалованье, и купцов, поставлявших казне товары. Все это повело к тому, что в 1663 году в Москве вспыхнули волнения, истолкованные, как „бунт", при „усмирении" которого больше 100 человек было потоплено, множество изрублено, 7.000 казнено, а свыше 15.000 сослано.

Зачатки крупной промышленности. Та же жажда накопления денег путем обеспечения активного торгового баланса (т.-е. превышения вывоза над ввозом) привела Московское государство и ко второй стадии меркантилизма — всемерному покровительству „отечественной“ обрабатывающей промышленности. Она, как и в XVI веке, в огромном большинстве случаев отличалась ремесленным характером: так, напр., в Москве были тысячи ремесленников, среди которых преобладали металлисты. По мнению Н. А. Рожкова, тогда существовала цеховая организация, не отличавшаяся впрочем, средневековой принудительностью, что объясняется наличностью более обширного рынка. При господстве ремесленного производства и кустарничества, достигших довольно высокого развития, в XVII веке зарождалась, однако, понемногу и крупная индустрия, развивавшаяся, подобно капиталистическим торговым предприятиям, из царских промышленных заведений и своего рода иностранных концессий. Так, напр., стеклянное производство в дворцовом селе Измайлове, обслуживавшее потребности царского двора, превратилсоь мало-по-малу в стеклянный завод, работавший также на рынок. Появился царский завод около Клина, возникла крупная царская канатная мануфактура и т. д. Основанный еще в 1632 г. голландцем Виниусом, согласно данной ему привилегии, и перешедший затем к Марселису железоделательный завод, обеспеченный казенными заказами всевозможного оружия, выполнял это свое прямое назначение очень плохо, производя негодные пушки, но зато усердно занимался изготовлением предметов потребления, имевших спрос на внутреннем рынке. Другие иностранцы выхлопатывали себе разрешения на устройство суконных мануфактур (напр. Иоганн Шведен), бумажных „мельниц“ (напр. „мельница“ вдовы Шведена) и т. д. Имелись заводы и у русских гостей и даже у монастырей. На некоторых из этих мануфактур встречались наемные рабочие; приписанные к ним крестьяне также получали небольшую заработную плату, а царская канатная мануфактура обеспечивалась даровым трудом „нищих“.

---

§ 11. Взаимоотношения классов общества в XVII в.

Из изложенного видно, что хозяйственный кризис конца XVI века, обостренный „смутой", был изжит довольно быстро, но Московское государство в общем вернулось приблизительно к тем же хозяйственным формам, которые были характерны для до-смутного времени. Существенных изменений в состоянии ее производительных сил не произошло, следовательно, экономические отношения остались в главных чертах прежними, а это, по мнению Г. В. Плеханова, являлось источником „трагизма" „смуты", заключавшегося в том, что „народ, недовольство которого вызвало страшное потрясение московского социально-политического строя, по тогдашним условиям не имел объективной возможности заменить этот строй каким-нибудь новым, менее обременительным для него". Действительно, хотя общественные верхи несколько перегруппировались (дворянство возвысилось за счет боярства, которое к концу века стало „зяблым деревом" и примирилось даже с отменой местничества, гости — за счет посадской массы), однако в XVII веке лишь окончательно выкристаллизовались те социально-политические черты, которые намечались во второй половине XVI в. Первой чертой было еще усилившееся „закрепощение всех слоев населения, а в особенности трудящейся массы, для непосредственной или посредственной службы государству". Оно объяснялось, по мнению Г. В. Плеханова, тем, что Московской Руси, продолжавшей оставаться колонизующейся страной и экономически отставшей от Западной Европы, пришлось вести с ней продолжительные войны (борьба с Польшей и Швецией) и, следовательно, затрачивать все большую и большую долю своих средств и сил на поддержание органов самозащиты. (См. Г. В. Плеханов. Ист. русск. общ. мысли, т. I, гл. VI). Вторая черта — вновь пробудившийся острый антагонизм между помещиками, доившими из царской казны свое жалованье, и посадскими, предназначенными для пополнения ее. Этот антагонизм замирал только тогда, когда у обеих сторон был общий враг, как, напр., бояре-кормленщики в XVI веке, „меньшие" люди и поляки в „смутное" время. Но как только общий враг переставал быть опас-

ным, отношения между получателями из казны и плательщиками в нее чрезвычайно обострялись и принимали характер не только весьма откровенных взаимных попреков на земских соборах (напр., на соборе 1642 г.), но и гораздо более острые формы. Губные старосты (из дворян) были для тяглых людей, по словам М. Н. Покровского, „орудием классового гнета“; посадские челобитные так и пестрят жалобами на то, что старосты требуют таких „кормов“, „чинят такие насильства“ и „налоги великие“, что посадские „людишки“ от этого „разбрелися“ и дворы их „запустели“. Не лучше были и воеводы, представлявшие собою до известной степени воскресших „кормленщиков“, но только с более „государственным“ характером власти; нередки жалобы на то, что „бьет воевода без сыску и без вины и сажает в тюрьму для своей корысти... и многих приезжих торговых людей разогнал и торги разбил и таможенный сбор остановил и выборных людей (т.-е. верхи посадского общества) в конец погубил своей великой теснотой и налогом и убийством“. Некоторые должностные лица доходили до виртуозности в своем самоуправстве. Прославленное московское взяточничество и продажа должностей являлись лишь самым невинным административным приемом.

Горько сетуя на „неправды“ дворянской и приказной администрации, посадские в лице своих выборных заправил были едва ли лучше дворян. Посадское „самоуправление“ представляло собой яркую картину угнетения низов верхами, и эта разнослойность посадской общины, характеризующаяся тем, что верхний, богатый слой непременно угнетал нижние самым откровенным образом, является третьей характерной чертой московского общественного строя. Земские выборные из „лучших людей“ уклонялись от тягла, „расписывали“ между собой тягло, собранное с общины, захватывали чужие земли, прибегали к самым своеобразным для того времени приемам судопроизводства, а для себя выхлопатывали особую подсудность, обеспечивающую желательный приговор. Особая подсудность—своего рода иммунитет — и нередкая наследственность должностей являлись в XVII веке, конечно, пережитком феодальной эпохи.

Бытие определяет сознание. Понятно, что с установлением крепостного строя должны были быстро отмереть идеи,

выявившееся в „смутное“ время, напр., идея избирательной власти и ограничения ее „советом земли“. Избранный и, повидимому, избранный с ограничениями, Михаил превратился в „наследственного отчича и дедича“, Алексей не стеснялся называть своими „прародителями“ не только Владимира Мономаха, но и „Августа Цезаря“. Московские земские соборы, выдвинутые „смутой“, приобревшие до известной степени представительный характер (представительство от провинциального дворянства и посадских) и игравшие после „смуты“ крупную роль, очень быстро превратились в смиренных „мирских челобитчиков“, в „совещания правительства со своими собственными чиновниками“, а во второй половине XVII века и совсем замерли, будучи заменены комиссиями „сведущих людей“. В противоположность западно-европейским представительным собраниям, они не делали никаких попыток к ограничению самодержавия. Г. В. Плеханов объясняет это экономическими условиями, вызвавшими закрепощение всех классов общества: прикрепленные к службе дворяне выступали на соборах в качестве государевых „холопов“; их „политическая неволя“ объяснялась социальной неволей крестьян, требовавшей сильного вне-экономического принуждения; экономически слабые, по сравнению с западно-европейским „третьим сословием“, посадские чувствовали себя не гражданами, а „людишками“, „государевыми сиротами“; крестьяне и казачество, отодвинутое опять на окраины государства, вовсе не имели представительства.

Однако крепостническая идеология вовсе не обеспечивала государство от народных волнений. Напротив, вторая половина XVII века была именно „бунташным временем“. Целый ряд местных „бунтов“, напр., бунт 1648 г. в Москве, новгородско-псковский мятеж 1650 г., так называемый „медный бунт“ 1663 г. и многие другие, имели своим ближайшим поводом особенно тяжкие для широких масс правительственные распоряжения и направлялись в первую очередь против „приказных“, т.-е. должностных лиц московских приказов, число которых в XVII веке непомерно разрослось, и которые являлись очагами всяких безобразий. Целый ряд народных волнений связан был с так называемой церковной реформой Ни-

кона. Ее противники—„раскольники“—комплектовались из разнообразных оппозиционных элементов и, борясь с господствующей церковью, боролись и с государством, проникаясь пламенной ненавистью к самодержавию, уподобляя его антихристовой власти. В 1670—1671 г.г. московское государство было жестоко потрясено движением Разина, развивавшимся под лозунгами ненависти к приказному и крепостному строю, истребления боярства и установления такого порядка, чтобы, „всяк всякому был равен“; представлявшим собою грандиозную крестьянскую революцию и восстание бедноты и охватившим все Поволжье и окрестные области. Однако все указанные движения, даже разинское, подавлялись сравнительно быстро, так как восставшие не были организованы, не несли с собой новых способов производства, и так как боровшиеся с ними господствующие классы были технически более сильными, использовавшими технические заимствования из Западной Европы, к сближению с которой их неуклонно толкал развивавшийся торговый капитал.

ГЛАВА IV.

Развитие торгового капитализма и зарождение промышленного капитала.

§ 12. Влияние торгового капитализма на внешнюю политику.

Несмотря на свое замедленное по сравнению с Западной Европой развитие, московский торговый капитализм к концу XVII века достиг довольно высокого уровня. Царские монополии явились той почвой, на которой выростал крупный капитал „гостей“. Землевладение работало на рынок не только сельско-хозяйственными продуктами, но также изделиями крепостных кустарей. Вовлеченное в торговлю, дворянство связалось с торговым капиталом. Развивавшийся московский капитализм, конечно, должен был столкнуться с польским: борьба Москвы с Польшей в XVII веке, которая закончилась присоединением к Московскому государству большей части Украины (в период от 1653 до 1681 г.), приведшим Москву к столкновению также с Турцией (семидесятые и девятидесятые годы XVII века) и с Крымом (конец восьмидесятых годов), являлась, по мнению Н. А. Рожкова, „решением вопроса о том, кто будет гегемоном восточно-европейского торгового капитализма, русское или польское дворянство“. Естественно, что московский капитализм не только оборонялся, но и наступал. Наступление на восток, после завоевания в половине XVI века Казанского ханства, а в конце его—Сибирского, не встречало почти никакого сопротивления, и к концу XVII века русские „опытовщики“, захватили Сибирь на восток до Камчатки, а на юг до границ Китая. Сибирь явилась эксплуатируемой колонией, рынком сырья. Однако московский торговый капитализм,

конечно, нуждался в рынках сбыта, нуждался в гаванях на Балтийском море, так как внешняя торговля уже переросла Архангельск, отдаленность и климатические условия которого крайне замедляли торговые обороты. С другой стороны прибалтийские порты, Рига и Ревель, торговля которых питалась Латвией и близ-лежащими областями Московии, экономически тяготели именно к этим странам, а не к Швеции, которой они принадлежали, но которая, в интересах своего местного купечества, стесняла их торговлю. К этому присоединилось еще тяготение лифляндского дворянства к Польше, а равно давнишнее соперничество на Балтийском море между Швецией с одной стороны и Польшей и Данией—с другой. Все это вместе взятое создало предпосылки для так называемой „великой северной войны" (1700 —1721 г.), т.-е. для борьбы против Швеции России в союзе с Данией и Польшей, причем эти „союзницы", конечно, надеялись, что Москва ограничится скромными приобретениями: частью Финляндии и, самое большее, Ингерманландией (ныне Ленинградская губ.). Однако, в силу стечения разных обстоятельств, ведение войны главной тяжестью пало на русский народ: Дания уже в самом начале войны была вынуждена к заключению мира, Польша принесла существенную пользу Москве в том отношении, что на долгое время отвлекла силы шведов и тем помогла русским оправиться от страшного поражения под Нарвой и утвердиться на берегу Балтики. Однако важнейшие успехи—завоевание прибалтийских крепостей, разгром шведов под Полтавой (1709 г.), вытеснение их из их северо-германских владений и из Финляндии (1711-1715 г.г.)—достигнуты были Россией единолично. Война закончилась в 1721 г. Ништадтским миром, по которому Россия приобрела все Балтийское побережье от Риги до Выборга включительно уплатив Швеции крупную денежную сумму, как бы в возмещение за ее земельные уступки. Ценою колоссального напряжения народных сил и огромных жертв (за время царствования Петра I население сократилось с 16 до 14 миллионов) Московское государство, во славу торгового капитала, превратилось в „великую военную и морскую державу"—Российскую империю со столицей Петербургом (ныне Ленинград), из которого всеми силами создавали главный торговый порт. Укрепившись,

на северо-западе, торговый капитал ринулся на юго-восток: в 1722—23 г. г. предпринята была персидская экспедиция для захвата Каспийского моря. Однако эта экспедиция не дала пока существенных результатов.

§ 13. Накопление капитала и зарождение крупной промышленности.

Рост торговли. Результатом приобретения балтийских гаваней был огромный рост внешней торговли с Западной Европой: в 1701 г. в Архангельск пришло только 103 иностр. корабля (из них 50 голландских), в 1725 г.—в Петербург—242, в Нарву—170, в Ригу—386, в Ревель—44, в Выборг—72, в Архангельск—12, всего—926. Очень развита была также торговля с востоком: с кочевыми народами (напр., с калмыками), с Персией, с Китаем, причем русские купцы пробирались даже в Пекин, получая золото, шелк и бумажные ткани в обмен на свои меха. Рост внутренней торговли доказывается огромным количеством купцов, которых, напр. в 1727 г. насчитывалось свыше 112 тысяч, причем некоторые из них обладали весьма солидным капиталом. Успехам торговли способствовало улучшение путей сообщений, прорытие каналов, а равно разрешение заниматься торгом всем желающим, а не одним посадским.

Крупные предприятия. Торговый капитал явился тем базисом, на котором основалось крупное производство, зародившееся еще в XVII в. (см. стр. 65), но достигшее заметного развития лишь в первой четверти XVIII века, в так называемую „петровскую эпоху“, к концу которой в России было уже 233 фабрики (представлявшие собою в техническом отношении большие мануфактуры, каковыми были в то время и западно-европейские фабрики). Некоторые из этих предприятий были весьма значительными и по количеству рабочих и по размерам производства: сестрорецкий оружейный завод обслуживался 683 рабочими, тульский—508, к 9 пермским казенным заводам было „приписано“ 25 тысяч крестьян, на шелковых мануфактурах Евреинова работало—1500, на московской полотняной фабрике Тамеса и К°—841, на суконной фабрике Щего-

лина—730 и т. д. Крупными размерами отличалась металлургия: в 1720 г. на демидовских заводах было сковано около 141 тысячи пудов железа; в 1724 г. на унтусском заводе— $1^1/_2$ тыс. пуд. меди, литейный двор в Петербурге вылил в 1719 г. 20 пушек нового образца и т. д. Огромное большинство фабрик и заводов принадлежало, как указывает М. И. Туган-Барановский, представителям русского купечества и лишь незначительная часть их — иностранцам, дворянам и разночинцам.

Меркантилизм. Экономическая политика „петровской эпохи" представляла собой ярко выраженный меркантилизм второй стадии, что проявлялось: 1) в приглашении иностранных мастеров с тем, чтобы они учили русских людей своей специальности „без всякой скрытности и прилежно"; 2) в отправлении русской молодежи целыми пачками за границу на выучку, 3) в организации предприятий на казенный счет с передачей их затем в частные руки, 4) в предоставлении предпринимателям различных привилегий, в ограждении их интересов высоким обложением конкурирующих иностранных товаров (покровительственный тариф), в установлении монополий, субсидировании предприятий из казны и т. д. Однако эти меры не имели такого важного значения, какое им приписывали прежние историки. Так, напр., М. И. Туган-Барановский указывает, что большинство частных фабрик было оборудовано на средства своих владельцев, так что правительственные субсидии играли очень скромную роль по сравнению с частными затратами. Далее в своем меркантилизме Петр I перегибал через край: многие его протекционистские опыты приносили только крайний вред промышленности. Так, напр., он не только побуждал, но буквально принуждал русских капиталистов организовывать предприятия, придавал промышленной деятельности характер какой-то обязательной службы или крепостной неволи, и таким покровительственным террором лишь распугивал капитал. Очень вредна была также мелочная и опять-таки террористическая регламентация (напр., за выделку юфти по прежнему способу полагалась смертная казнь и конфискация всего имущества). Для поддержания крупных полотняных мануфактур была установлена обязательность вы-

делки холста и полотна такой ширины, каких ни в коем случае не могли производить деревенские кустари в своих избах, в результате чего разорялись и они и скупщики. Насаждались такие производства, которые, как напр., шелковое, обречены были на гибель вследствие иностранной конкуренции; высокие ввозные пошлины часто были также невпопад и т. д.

Рабочая сила. Помимо этих экспериментов, очень тяжко отзывался на промышленности недостаток рабочих рук. Правда, некоторое количество рабочей силы для найма имелось; однако, при закрепощении массы крестьян, оно ни в коем случае не могло удовлетворить спрос на рабочие руки множества вновь основанных предприятий. Поэтому их приходилось заполнять самыми разнообразными и случайными элементами (напр., „бедными и малолетними, которые ходят по улицам и просят милостыню", „убогими людьми", солдатскими детьми, беглыми крестянами), заполнять при том в значительной мере принудительно: так, на фабрики направлялись лица, отбывавшие наказания, „бродяги" и т. п. Между тем предприниматели нуждались в постоянном контингенте рабочих, продолжительное время пребывающих на фабрике, так как только это обеспечивало известный уровень их квалификации. В виду всего этого 18 января 1721 г. был издан указ, разрешавший фабрикантам и заводчикам не-дворянам, т.-е. не владевшим крестьянами, приобретать крестьян целыми деревнями для своих предприятий. Такие крестьяне-рабочие, прикреплённые именно к предприятиям, а не к личности их владельца, и предназначенные для индустриальной работы, получили впоследствии наименование „поссессионных". Количество их быстро росло, так что крупное производство, основанное на *принудительном* труде, сделалось на известный период времени господствующей формой индустрии.

Налоговая политика. Неблагоприятно отзывался на развитии капитализма также необычайно тяжелый налоговой пресс „петровской эпохи" (обусловленный в значительной степени военными нуждами). Этот пресс выжимал из широких масс населения все деньги, непрерывно увеличивал количество недоимщиков, до крайности ограничивал емкость внутреннего рынка, — покупательную способность населения. Основным на-

логом была введенная в 1719 г. прямая **подушная** подать, которая заменила подворную и взималась с каждой души мужского пола тяглого населения, „не обходя от старого до самого последнего младенца“. В конце царствования Петра она давала более половины ($53^0/_0$) всего государственного дохода (на довоенные деньги около 36 мил. рубл.). Другую половину приносили главным образом косвенные налоги, напр., поземельный, померный и весчий (при продаже), хомутейный, шапочный и сапожный (от клеймения хомутов, шапок и сапог), пчельный, банный, мельничный, ледокольный, погребной, водопойный, трубный (с печи), привальный и отвальный (с судов), с продажи овощей, фруктов и других съестных припасов, с найма домов и углов, с постоялых дворов и т. д Установлен был также особый налог на бороды, неодинаковый для разных сословий (даже крестьянин при каждом въезде в город и выезде из него должен был уплачивать по 1 коп. за свою бороду).

Вследствие подушной подати многосемейному крестьянину приходилось платить больше, чем малосемейному; крепостные крестьяне ставились в худшее положение, чем государственные, так как, хотя последние были обложены дополнительным сбором по 40 коп. (на копейку того времени можно было купить около 3 ф. хлеба) и платили поэтому не 74 коп. (размер подати с души), а 1 р. 14 к. (городские тяглые платили еще больше—1 р. 20 коп.); однако эта надбавка была ничтожна по сравнению с тем оброком, который взимали помещики со своих крепостных. По приблизительному подсчету, крепостная крестьянская семья в 4 души платила помещику свыше 7 р. (около 60 р. на довоенные деньги), что составляло чуть ли не упятеренную сумму дополнительного сбора, вносимого соответатвующей семьей государственного крестьянина. Вообще, подушнся подать, заменив собою все другие прямые налоги и сборы, на самом деле значительно увеличила прямое обложение.

Финансовые операции.

Широко практиковались также финансовые операции, особенно излюбленные в Московской Руси, а именно—установление казенной монополии на продажу всех прибыльных товаров и перечеканка монеты. Казна сосредоточила в своих руках торговлю не только

солью и табаком, но и всеми мало-мальски ходкими товарами; „русский двор,—по словам современника-англичанина,—превратился в купеческий“. Деньги, вырученные от продажи, казна перечеканивала в более легковесную монету, придавая последней повышенную стоимость. Вернулись и к медной операции: из пуда меди, стоившего 8 рублей, чеканилось монет на 20 рублей, иными словами, прибыль достигала 150%. Но, конечно, насколько выигрывала казна, расплачиваясь легковесной монетой, настолько же она и проигрывала, получая с населения налоги новыми обесцененными деньгами. Вместе с тем, вследствие такого обесценения денег, все товары вздорожали.

Путем неимоверного напряжения платежных сил народа ежегоднее поступление государственных доходов было доведено до 8½ с лишним миллионов рублей (на деньги того времени), но, несмотря на весь террор, не удалось искоренить ни колоссального накопления недоимок, ни колоссальных злоупотреблений должностных лиц (по мнению современников, чуть не половина средств, предназначавшихся для казны, в действительности не поступала в нее).

В конечном счете от экономических условий начала XVIII века и от протекционистской „дубинки“ Петра I выиграл только иностранный капитал, да так называемые „высокие персоны“, или временщики, т.-е. разношерстная петровская знать, соединявшая в своих руках и крупное землевладение и крупные торговые и промышленные предприятия. Что касается профессионального купечества, то оно к концу „петровской эпохи“ очень оскудело: по словам современника, „все торги отняты от купцов и торгуют оными товары высокие персоны и их люди и крестьяне“. Это весьма понятно: торговля сырьем находилась в значительной степени в руках дворян; привоз иностранных товаров сократился вследствие высоких пошлин, а дорогие и при том плохого качества изделия русских фабрик имели мало сбыта. Экономика первой четверти XVIII века определила собою, конечно, и социально-политические черты этой эпохи.

§ 14. Социально-политический строй первой четверти XVIII века.

Буржуазия. На рубеже XVII и XVIII в. в. русская буржуазия в лице купечества, особенно московского, играла очень крупную роль. Ярким показателем этого являлась реформа 1699—1700 г.г. Сущность ее заключалась в учреждении московской „ратуши" с выборными от купечества „бурмистрами"; она представляла собой высшее центральное учреждение по делам горожан, творила суд и расправу над ними, заведывала денежными сборами со всех городов и контролировала распределение сумм, проходивших через нее. В форме ратуши создавалась, по словам М. Н. Покровского, „буржуазная администрация", в ведении которой оказалась значительная часть государственного бюджета; дворянская—воеводская—администрация сохранилась в местностях, где преобладало служилое землевладение.

Столь почетное и самостоятельное положение русской буржуазии оказалось, однако, непродолжительным: очень скоро началось „растаскивание" ратуши, т.-е. лишение ее объединяющего положения и роли центрального казначейства, теми „высокими персонами", которые „расписывали" (т.-е. распределяли) города по своим губерниям (губернская реформа 1708 г.). Они в качестве полновластных губернаторов и командующих войсками данного округа, собирали доходы, тут же на месте расходовали их, отдавая центральной власти только остатки, получавшиеся лишь путем разорения края. При такой своеобразной децентрализации финансового управления, центральной власти приходилось специализироваться на эксплуатации Московской губернии и извлечении доходов из царских монополий. Вот почему учрежденный в 1711 г. „Правительствующий сенат", являлся, по мнению М. Н Покровского, прежде всего „собранием ответственных царских приказчиков", которому в первую очередь была подведомственна Московская губерния. Попытки сената распространить свое влияние и контроль на всю Россию и осуществить на практике ту полноту власти, которая принадлежала ему, по смыслу царского указа, как учреждению, „заменяющему царя в его отсут-

ствие, долго оставались тщетными. Небольшим утешением для буржуазии было то, что главное орудие контроля—обер-фискал с подчиненными ему фискалами—назначался в течение некоторого времени и из не-дворян. Когда же и в сенат проникли „высокие персоны“ и Петр I в конце царствования признал нужным учредить надзор за ними в лице генерал-прокурора—„государева ока“, то эта мера не дала ничего буржуазии. Мало коснулось ее интересов также открытие в 1719 г. сменивших прежние приказы и устроенных по шведскому образцу коллегий, которые представляли собой учреждения, ведавшие определенный круг дел во всем государстве и решавшие вопросы по большинству голосов. Хотя из 10 коллегий целых шесть руководили торговлей, промышленностью и финансами, однако с самого начала заправлять им стали те же „высокие персоны“. Правда, одновременно с основанием коллегий было восстановлено и городское самоуправление: были учреждены выборные „городовые магистраты“, подчиненные главному магистрату (приравненному к коллегиям), как органы суда и самоуправления торгово-промышленного класса. Однако, во-первых, в ведении магистратов находились только „регулярные“ граждане, распределенные на две гильдии (к первой из которых принадлежали промышленники, богатые купцы и мастера, ко второй—мелкие торговцы и ремесленники, расписанные по цехам); во-вторых, из ведения их был изъят сбор косвенных налогов; в-третьих, городское самоуправление подавлялось нажимом губернаторов и воевод (т.-е. начальников провинций—частей губернии). Итак, начатки политического расцвета буржуазии в „петровскую эпоху“ были не долгими.

Шляхетство. Что касается дворянства или „шляхетства“ (этими терминами были объединены вышедшие из употребления московские наименования бояр, дворян, и детей боярских), то его положение, как военно-служилого класса, определялось в значительной мере той долгой войной, которую вел торговый капитал, и которая предъявляла повышенные требования. Этим обусловливались: 1) обязательное обучение для дворян в возрасте от 10 до 15 лет, по достижении которых они, под угрозой „шельмования“ или „политической смерти“ (т.-е. лишения прав и имущества) должны были являться на

„смотр“; 2) обязательная бессрочная служба военная или гражданская, причем выбор той или другой не зависел от данного лица, а определялся начальством; 3) постепенность прохождения службы с самых младших рангов или чинов (на военной непременно с солдатских) и повышение только по заслугам (особая „табель“, т.-е. роспись, устанавливала 14 рангов). Поместья были сравнены с вотчинами, но землевладелец (как и вообще владелец недвижимости) мог завещать недвижимость только одному из своих сыновей (при отсутствии сыновей—одной дочери), наделяя других детей только движимым имуществом (закон о единонаследии). Фактически дворянство продолжало оставаться землевладельческим служилым классом, из среды которого в „петровскую эпоху“ комплектовался состав гвардейских (отборных) полков, командный персонал армейских, а также гражданская администрация. Впрочем, в эту эпоху доступ к должностям, даже самым высоким, был открыт для всех, почему-либо отмеченных Петром, а доступ в дворянство—для всех, дослужившихся до определенного ранга; с другой стороны, потребности войны распространили воинскую повинность, посредством рекрутских наборов, и на не служившие прежде классы.

Сельское население. Широкие народные массы были затронуты войной и в том отношении, что именно военные нужды послужили толчком к введению подушной подати, взимавшейся не только с посадских и крестьян, но и с холопов, которые вследствие этого окончательно слились с крепостным крестьянством. Последние уцелевшие промежуточные слои общества, напр., однодворцы и вольногулящие, были также, по словам В. О. Ключевского, „вдвинуты в два основных сельских сословия: государственных крестьян и крепостных людей“, результатом чего было „упрощение общественного состава“. Цепкие клещи торгового капитала, жадно искавшего пушечного мяса для питания войны, захватывали и казачество, „прибирая“ его на службу, ограничивая его вольности.

Оппозиция. Беспощадная и крайне расточительная эксплуатация народных масс, придавленных податным и служебным бременем, измученных войной, подгоняемых всевоз-

можными „дубинками“ и непрестанно взнуздываемых лихорадочной сменой „преобразований“; гнет административного аппарата, представлявшего собой наспех и кое-как сколоченную машину, колеса которой не столько работали, сколько портили друг-друга и давили население, а к концу эпохи почти развалились; безудержное взяточничество всяких „персон“, начиная с обер-фискала и кончая последним регистратором, — все это питало самую пламенную оппозицию режиму, воплощенному в глазах народа в образе Петра I. Эта оппозиция выражалась либо в заговорах против Петра, либо в создании самых фантастических вздорных легенд о нем (признание его „подмененным царем, басурманом“ или даже антихристом), заведомо превратном толковании его „преобразований“, либо в виде массовых выступлений и восстаний, развивавшихся под лозунгом „возврата к старине“, протеста против „нововведений“

Прелюдией к этим выступлениям были происшедшие еще в конце XVII века „бунты“ стрельцов, которые экономически были тесно связаны с отживавшим мелко-торговым и ремесленным укладом, а профессионально затирались конкуренцией полков „иноземного строя“ (т.-е. возникших еще при первых Романовых военных отрядов, обученных иностранными инструкторами), а затем петровских „потешных“ (будущих гвардейских) полков. В начале XVIII века вспыхнули один за другим мятежи в Астрахани (в 1705—1706 г.), казацкий „бунт“ (булавинский) на Дону (1707), башкирский „бунт“ (1708). Стрелецкие бунты закончились зверским истреблением почти всех стрельцов, другие движения были потоплены в крови и в пламени. Но, когда к концу „петровской эпохи“ обнаружился крах ее своеобразного меркантилизма, тогда из-за его развалин стала выглядывать старина, и показалась она не на фоне стрельцов или раскольников, а в окружении гвардейского дворянства, почему восстановившийся на время феодализм и получил новый характер. Правда, была сделана попытка не допустить этого восстановления: первые годы второй четверти XVIII в. были, по мнению М. Н. Покровского, теми годами, когда „волна буржуазной политики дала свой последний всплеск“, причем эта волна катилась далеко не в том направлении, какое ей было дано универсальной „дубинкой“ Петра.

Проводником этой буржуазной экономической политики являлась группа „высоких персон“. Однако их классовая опора была недостаточно сильна и, следовательно, не обеспечивала им сколько-нибудь длительного влияния.

§ 15. Попытка возрождения буржуазной экономической политики торгового капитала.

Экономическая политика верховников. После смерти Петра I у власти оказалось гвардейское дворянство, которое, получив от его вдовы (Екатерины) щедрое денежное жалованье, возвело ее на престол, нисколько не считаясь с тем, что ее „права“ оспаривались многими „высокими персонами“. Однако не успевшее еще очнуться от петровской служебной встряски, слишком поглощенное своими профессиональными интересами, удовлетворенное на первых порах такими подачками, как разрешение отпусков со службы или предоставление помещикам права собирать с крестьян подати, дворянство не сумело сразу и окончательно закрепить свои политические позиции. Вследствие этого руководство политикой перешло именно к нескольким „персонам“, которые, образовав небольшую группу, создали так называемый „Верховный тайный совет“. Этот совет, сильно прижав других „персон“, сидевших в сенате, не только ограничил самодержавие (никакой закон не мог быть обнародован без предварительного обсуждения и решения в совете), но и фактически присвоил его себе (Екатерина I занималась только „развлечениями“ и не вмешивалась в дела). „Верховный совет“ (особенно в следующее царствование — Петра II, внука Петра I, когда наиболее беспринципный временщик Меньшиков был сослан, и преобладающее влияние перешло к самому просвещенному верховнику Д. М. Голицыну) и стал проводить буржуазную политику. По словам М. Н. Покровского, протоколы и журналы совета „приобретают чрезвычайно своеобразную окраску: можно подумать, что мы находимся в государстве, где торговля — душа всего, и где всем правят купцы и заводчики“. Но эта политика была иного характера, чем при Петре I. Основной ее принцип — „увольнение коммерции“, т.-е. освобождение торговли и промышленности от стеснительной

регламентации, ограничение монополий. Так, напр., были уничтожены стеснения для внешней торговли чрез Архангельск, а, с другой стороны, привилегии Петербурга, как порта; были отменены монополии: соляная, табачная и некоторые другие; вдвое понижены пошлины на многие иностранные товары; сокращались казенные заводы; разрешалось свободное устройство горных заводов в Сибири; щедро сыпались милости на крупных купцов и промышленников. Несомненно, все эти меры не были продуктами „буржуазной грамотности“ верховников (хотя бы в лице европейски-образованного Голицына), а диктовались интересами определенного класса — буржуазии. Однако этот класс оказался в данный период еще недостаточно сильным. Фактически все предпосылки для господства принадлежали дворянству: в его руках находились и главнейшие производительные силы (земля и рабочие руки крестьян), и оружие; оно было организовано и владело всеми частями правительственного аппарата, за исключением самой верхушки. Господство верховников, проводивших буржуазную политику, объяснялось, во-первых, тем, что некоторые проявления ее, удешевляя товары, потребляемые дворянством, были выгодны и для последнего, а во-вторых, известной инерцией. Но, когда другие меры „верховного совета“, напр., увеличение прямых налогов на крестьян с отнятием у помещика права самостоятельно собирать их (но с сохранением ответственности за их поступление), затронули интересы дворянства, и когда новая смена на престоле нарушила установившуюся инерцию, тогда обнаружилась слабость того класса, интересы которого обслуживали „верховники“.

Борьба верховников с шляхством. Но они не сознавали этого. Напротив, смену на престоле они пытались использовать для полного оформления своего господства. Приняв исключительно на себя избрание и избрав в преемницы умершему Петру II его дальнюю родственницу — Анну, которая никак не могла рассчитывать на престол, „верховники“ (по предложению Д. М. Голицына) решили ограничить ее власть „пунктами“ или „кондициями“, т.-е. определенными условиями. Эти „кондиции“, представлявшие собою переработку шведской конституции, интересны для характеристики идеологии обломков рус-

ской родовитой „знати“, искавшей опоры у буржуазии, и, пожалуй, свидетельствуют о значительной для того времени политической грамотности их составителя. По существу же они сводили на нет права „носительницы верховной власти“, не допуская никаких ее самостоятельных проявлений, отрывая ее от войска и контролируя даже ее придворный персонал, а главное, они совершенно не учитывали роли „шляхетства“. Последнее усмотрело в этом прямой вызов и ответило „верховникам“ бурной оппозицией, своеобразными политическими митингами и дюжиной „конституционных“ контр-проектов, необычайно наивных и политически неграмотных, однако очень определенно протестовавших против полновластия Верховного совета и выражавших насущные интересы дворянства, а именно, требовавших сокращения и облегчения службы, отмены закона о единонаследии и т. под. (Некоторые проекты требовали также участия шляхетских представителей в выработке нового государственного строя и выборности членов высших учреждений). Притиснутые этой оппозицией, верховники попробовали итти на компромисс — выдвинули новый проект, привлекавший к власти большее количество „персон“ и украшенный декорациями в виде собраний „мелкого дворянства“ и купечества. Однако гвардия не пошла на такой компромисс, и при ее поддержке новая императрица (Анна) „изодрала“ подписанные уже ею „пункты“ и „учинилась в суверенстве“, т.-е. самодержавии. Подобно своему далекому предку—Пересветову (см. стр. 30) дворянство 1730-х г.г. предпочло самодержавие. Но для того, чтобы использовать его вполне, ему предстояло еще закрепить свои несколько поколебавшиеся экономические позиции. Это требовало известного срока, а пока дворянству пришлось еще 11 лет терпеть так называемую „бироновщину“, или „господство иноземцев“. Выражалось оно в том, что западноевропейский капитал (главным образом, английский) господствовал над русской внешней и внутренней политикой, а все выгодные должности замещались иностранцами. Дело дошло до того, что английской компании был предоставлен транзит в Персию, с чем так ревниво боролась московская дипломатия, а английскому правительству была обещана русская военная помощь для любой войны. Это, в связи с крайней жесто-

костью „бироновщины“, от которой не было избавлено и дворянство, вызвало новый переворот (возведение на престол в 1741 г. Елизаветы). С этого времени Россия стала на долгое время „дворянской“, причем полный расцвет „дворяновластия“ наступил после следующего переворота (свержения Петра III и возведения Екатерины II в 1762 г.), когда развитие крепостного хозяйства укрепило материальную базу дворянства.

ГЛАВА V.

Крепостное хозяйство

§ 16. Развитие барщинного хозяйства и дворянской фабрики.

Денежно-оброчная система.

Условия „петровской эпохи“, мало благоприятные в конечном итоге для развития промышленности и торговли, не способствовали также сельско-хозяйственному предпринимательству, хотя, конечно, и оно не было оставлено без „отеческого попечения“ (предписания разводить виноград, табачные плантанции; поощрение шелководства, усовершенствованного овцеводства и т. д.). Правда, введение подушной подати поневоле толкало к расширению запашки (чтобы добыть средства для уплаты ее). Однако огромное количество народного труда отнималось от сельского хозяйства прожорливой войной, связанными с нею общественными работами, казенными и частными заводами, а помещики, прикованные к службе так крепко, что иногда до самой смерти так и не видели своего поместья, конечно, не могли выполнять организаторской роли в хозяйстве, содействовать его интенсивности и обычно довольствовались получением оброка. По свидетельству современников, оброчные поместья в техническом отношении и по своей доходности стояли значительно ниже барщинных. Впрочем, и последние нередко отличались технической отсталостью: чересполосица барской запашки с крестьянскою и принудительный севооборот были довольно обычным явлением.

Развитие производительных сил.

Со второй четверти XVIII века наблюдалось довольно быстрое развитие производительных сил. Росло население: с 14 мил. в 1725 г. оно поднялось до 19—в 1763 и до 36—в 1796 г. (огромное увеличение населения между 1763 и 1796 г.г. в значительной сте-

пени объясняется присоединением новых обширных территорий), причем собственно городское население (купцы и мещане) составляло лишь ничтожный % (3,1 %) всего количества. Распределялось население очень неравномерно: так напр., колоссальная Сибирь отвлекла лишь 6% населения; очень пустынным был и юго-восточный край (Оренбургская область и Заволжье). Однако и редко-заселенные окраины были захвачены торговым капитализмом с характерной для него дифференциацией (расчленением) хозяйственной деятельности, расслоением населения, оживленным товарообменом, возникновением крупных торговых центров. Так, напр., Сибирь далеко не ограничивалась добыванием мехов: в ней развивалось земледелие и кустарничество; Урал, причислявшийся к ней, становился ядром горнозаводской промышленности; тобольские купцы добирались до Алеутских и Курильских островов, не говоря уже о торговле с Китаем. Немаловажные торговые центры имелись и в Оренбургском крае, в Нижнем Поволжье и в других окраинах. В Слободской Украине с ее развитым земледелием имели крупное значение специальные сельско-хозяйственные культуры, а также кустарное и ремесленное производство, которым было занято около 12% населения. В днепровской Украине наблюдалось еще больше признаков торгово-капиталистического строя. Но, конечно, наибольшего развития достиг он в центральной России, некоторые губернии которой (напр., Московская, Рязанская, Калужская, Владимирская и Тверская) являлись уже перенаселенными. Избыточное население либо уходило в город на работу и на фабрики (для которых оброчные крестьяне составляли главный контингент н а е м н ы х рабочих) и, выучившись там, занималось затем кустарничеством (фабрика была практической школой для кустарей), либо эксплуатировались в помещичьих промышленных предприятиях, которые, как увидим ниже, стали успешно конкурировать с недворянскими. Некоторые изделия помещичьих мануфактур составляли важный предмет торговли и шли на внешний рынок.

Вывоз. Общая ежегодная ценность русского вывоза в 1760-х и 1770-х г.г. составляла около 14 мил. р. на деньги того времени (продуктов сельского хозяйства—около 60 %, добывающей промышленности — 21 %, обрабатывающей — 15 %

с лишним, скотоводства — около 7%, причем главною статьей его была пенька, на втором месте стояло железо. Что касается хлеба, то он играл скромную роль во внешней торговле, так как в Западной Европе имелся спрос не на рожь, а на пшеницу, которая производилась в районе, очень отдаленном от балтийских портов, и транспорт которой был, следовательно, и дорог и затруднителен. Зато хлеб составлял очень важный предмет внутренней торговли (общие обороты которой со времени Петра I к 1760 г.г. возросли, по крайней мере, вдвое) и еще охотнее употреблялся на винокурение, дававшее 100% прибыли. Однако условия сложились так, что, вопрос о вывозе хлеба был поставлен в первую очередь. Важным толчком к этому был финансовый кризис начала 1760-х г.г., обусловленный в значительной степени расходами на так называемую „семи летнюю войну" (1756—1763 г.г.), т.-е. войну против Пруссии, в которую, в союзе с несколькими другими государствами, вмешалась и Россия для добывания незамерзающего против на Балтийском море.

Дворянство очень почувствовало этот кризис, так как в течение продолжительного времени гвардия не получала жалованья. Исправить положение можно было лишь посредством развития торговли и, естественнее всего, хлебной. Достигнуть этого можно было либо путем интенсификации (поднятия производительности) хозяйства и увеличения емкости внутреннего рынка, либо путем расширения внешнего. Первое требовало отмены крепостного права, при существовании которого внутренний рынок не мог быть емким, так как оно задерживало рост городского населения и промышленности; второе—требовало новых завоеваний. Возможность первого выхода предусматривалась некоторыми представителями дворянства, особенно столичными, применявшими денежно-оброчную систему, заинтересованными, следовательно, только в денежных доходах с крестьян, а не в их труде: ведь обеспечить себя таким доходом можно было и при ликвидации крепостного права. Недаром в первые годы царствования Екатерины II (она вступила на престол в 1762 г.) при дворе были модны эмансипаторские разговоры; не даром основанное тогда „Вольное экономическое общество" премировало одно сочинение, представлявшее собою восхваление выгод „вольного труда". О его

большей производительности умели разговаривать в нужных случаях и рядовые помещики. Однако предпочтен был другой способ обеспечения вывоза русской пшеницы: под эфектным лозунгом „изгнания турок из Европы, водружения креста на храме Софии и восстановления православного греческого царства“, были проведены две войны с Турцией (1768—1791 г. г.), давшие России огромные приобретения на юге — все Черноморское и Азовское побережье и Крым. Ценность этого края заключалась в его гаванях и в естественных богатствах, но его нужно было заселить и застроить. Одновременно с этим происходили войны с Польшей, приведшие к трем ее разделам (1773, 1793 и 1795 г.г.), которые дали России огромную и притом густо-заселенную территорию. В общем за вторую половину XVIII в. пределы России расширились более, чем на 10.000 кв. миль, а дворянское землевладение—более, чем на миллион десятин, причем свыше полутора миллионов государственных крестьян „пожаловано“ было в помещичье владение (напротив, монастырские крестьяне были обращены в государственных при отобрании правительством церковных земель).

Усиление барщины.

Расширение дворянского землевладения и приобретение портов на Черном море сделали пшеницу одним из главных предметов русского вывоза (вывоз ее в течение самого короткого времени увеличился в несколько раз) и побуждали помещиков черноземной полосы к интенсификации своего хозяйства, к наибольшему расширению барской запашки, к самому крайнему усилению барщины. Некоторые черноземные помещики доходили до плантационного хозяйства, до превращения поместья в „хлебную фабрику“, а крестьян в „месячников“, (т.-е. безнадельных батраков получавших содержание от своего владельца). Действительно, в черноземной полосе в конце XVIII века барщинных крестьян было 74%, а в некоторых губерниях их % доходил даже до 92 (в Тульской и Курской). В нечерноземной полосе, где помещика интересовали заработки крестьян, оброчные преобладали: их было 55%.

Кустарничество.

Усиленно занимаясь торговлей, землевладельцы поощряли также торговую деятельность крестьян и их кустарничество, которые принимали местами очень значительные размеры. Состоятельный крестьянин-оброчник

был выгоднее для помещика, чем бедняк, а конкуренция крестьян не была страшна дворянству: кустарное производство, если даже оно достигало крупных размеров (крестьянские „заводы“ во многих местах; село Павлово, где работало 3.000 кустарей), производило другие изделия и было рассчитано на иной рынок, чем фабрики, устройством которых очень увлекались дворяне.

Крепостная фабрика. Недворянские фабрики обслуживались, как сказано, в значительной мере принудительным трудом, который принял еще более широкие размеры с тех пор, как указ 1736 г. закрепостил за фабриками всех находившихся на них „обученных“ рабочих вместе с их семействами, предоставив владельцам предприятий право „наказывать“ рабочих, чтобы „другим был страх“. Условия труда в этих „рабочих домах“ были ужасны: четырнадцати-часовой, а то и 18-ти часовой рабочий день, отсутствие не только какой-либо „санитарии“, но даже „денного света“, рубище вместо одежды. Производительность труда была, конечно, очень низкой, но это возмещалось возможностью безграничной эксплуатации рабочего. Естественно, что помещики, в распоряжении которых имелась в избытке рабочая сила крепостных, додумались очень скоро до использования ее на своих „дворянских фабриках“.

Условия труда на них были еще хуже, чем на „поссессионных“: недаром крестьяне относились к открытию фабрик так же, как к появлению чумы; смертность среди рабочих была огромной, тем более, что широко применялся труд подростков. Но число дворянских предприятий все росло, и в общем количестве фабрик, увеличившемся за время 1762—1796 г.г. с 984 (не считая горных заводов) до 3161, дворянские — составляли все больший и больший процент, особенно, если вычислять его в отношении к крупным и обслуживавшим казну предприятиям. Так, в числе 98 суконных фабрикантов — поставщиков казны — было 12 купцов и 74 дворянина (из них 19 князей и графов). Естественно, что при таком увлечении дворянства промышленным предпринимательством должен был проявиться известный нажим на предпринимателей недворян в целях облегчения дворянам конкуренции с ними: начали отменяться привилегии, предоставленные ранее некоторым фабрикантам, и их

монополии; ограничивалась, а затем (указом 1762 г.) была вовсе запрещена покупка к фабрикам и заводам крестьян, как с землею, так и без земли и, наконец (в 1775 г.), устройство всякого рода промышленных заведений было объявлено свободным для всех. Все это создавало чрезвычайно благоприятную почву для роста дворянских фабрик, потому что собственниками рабочей силы были именно помещики. „Купецким" фабрикам все труднее было выдерживать конкуренцию с дворянскими, и для их владельцев весьма сомнительным утешением было официальное указание на то, что работу можно производить не только „покупными", но и „вольными" людьми, от чего может следовать не малая польза „простому народу" от найма на фабрики. При низкой производительности труда и низкой технике того времени был выгоден именно принудительный труд, а о том, что применение его обрекает технику на застой, тогда еще не задумывались. Положение фабрикантов недворян затруднялось еще тем, что от своей братии — купечества — они далеко не всегда видели поддержку, а очень часто терпели даже нападки. Купцам совсем не нравились привилегии фабрикантов, как юридические (освобождение от подушной подати и от повинностей, особая подсудность и т. д.), так и экономические, и их монополии, вследствие которых рынок наводнялся плохим, неходким товаром.

Соперничество дворянства и городского класса.

Однако в созванной Екатериной II „для сочинения проекта нового уложения" (т.-е. свода законов) Комиссии депутатов (1767 г.), куда депутаты явились с „наказами", излагавшими „чувствительные" нужды их избирателей, и где они весьма откровенно отстаивали свои интересы, — торгово-промышленный класс (городские депутаты) все же сумел образовать единый (хотя и несплоченный) фронт против дворянства (уездных депутатов). Дуэль этих двух классов и составляет главный интерес происходивших в комиссии прений. Борьба велась именно из-за торговли, из-за фабрик, из-за владения крестьянами. Купцы горько жаловались на торговую и промышленную конкуренцию дворян и крестьян, горячо хлопотали о предоставлении купечеству права владеть крепостными, ревностно доказывали „неприличие" для дворян заниматься торгово-промышленною деятельностью,

стремясь сделать ее своей монополией. В ответ на это дворяне не менее ревностно отстаивали свою монополию на владение крестьянами, причем, протестуя против разрешения купечеству приобретать крепостных и против ограничения торговли последних, выказывали самое лицемерное „отеческое попечение" о крестьянах. Некоторые дворянские депутаты, основываясь на том, что земля—дворянская собственность, а фабрики — обычно разрабатывают то, что находится в ее „недрах", пытались даже добиваться дворянской монополии на фабричные предприятия.

Налоговая и таможенная политика. Налоговая политика также диктовалась дворянскими интересами. Так как подушная подать фактически превратилась в подать, платимую помещиками за своих крестьян, то с елизаветинского царствования „для удовольствования помещиков" снимались недоимки и уменьшались размеры подушного оклада. Зато был повышен оброк и косвенные налоги на предметы широкого потребления, напр. соль и водку. Доходность винной монополии позволила открыть „Дворянский банк".

Таможенная политика согласовалась с интересами дворянской массы. Внутренние таможии были уничтожены (в 1753 г.), что пришлось, однако, возместить на первых порах значительным, в 2½ раза, повышением внешних таможенных пошлин. Однако последующие (екатерининские) тарифы отличались умереннопокровительственным характером и, следовательно, не вздували цен на привозные потребляемые дворянами товары. Строго-покровительственный и даже запретительный характер последнего екатерининского тарифа (1793 г.) объяснялся стремлением обеспечить активный торговый баланс (превышение вывоза над ввозом), что являлось необходимым для поддержания бумажного денежного обращения, которое было введено с учреждением (1769 г.) „ассигнационного банка". Активный баланс был достигнут: в 1790-х г. г. ежегодная ценность русского вывоза превзошла 39½ мил. рублей того времени, а ввоза было менее 23½ мил.; на золотые рубли начала XX века общий оборот внешней торговли составлял свыше 440 миллионов. (См. Н. А. Рожков. Русск. история, т. VII).

Львиную долю этого вывоза составляли предметы помещичьего сельского хозяйства. Превращение России в „житницу

Европы" окончательно обеспечивало социально-политическое господство дворян.

§ 17. Социально-политический строй дворянской России.

Дворянство.

Некоторые подачки дворянам были брошены вскоре после того, как они свергли „верховников": отмена закона о единонаследии, следовательно, разрешение свободно распоряжаться „недвижимым имением", учреждение кадетского корпуса, окончание которого открывало двери прямо в офицерские чины, ограничение дворянской службы 25-ти летним сроком (впрочем, плохо соблюдавшееся на практике). Золотая пора дворянства наступила с воцарением Елизаветы. Посадив свою „полковницу" на престол, а своих вожаков в сенат, который, по словам М. Н. Покровского, и стал „орудием социальной политики гвардии", дворянство монополизировало в своих руках право владения крепостными, на которых и правительство стало смотреть, как на „подданных" помещиков. В 1760 году „господам" предоставлено было право ссылать своих крестьян в Сибирь, причем такие ссыльные засчитывались помещику в число рекрутов, которых он обязан был поставить с своей земли. Это приводило к тому, что некоторые помещики безвинно ссылали в Сибирь крепостных, неспособных к военной службе и мало пригодных к полевым работам. Далее, чтобы не расстраивать помещичьего хозяйства частыми рекрутскими наборами, решено было производить набор не со всего государства одновременно, а лишь с одной из пяти полос, на которые оно было разделено для этой цели, и которые ежегодно чередовались. Вместе с тем правительство лишило крестьян единственного законного выхода из крепостной неволи, запретив им добровольно поступать в солдаты, что разрешалось при Петре I. Манифест 18 февраля 1762 года „о вольности дворянской" (изданный при Петре III) освобождал дворянство от обязательной службы и обязательного обучения.

Итак, ко времени Екатерины II дворяне получили важные личные и имущественные права, но они не имели объединяющей их организации. До манифеста „о вольности дворянской"

их объединяла служба: действительно, дворяне не раз выступали совместно — или как гвардия (при дворцовых переворотах) или в качестве чиновного шляхетства (напр., при воцарении Анны). Но когда дворянство освобождено было от обязательной службы, требовалось заменить профессиональную оргенизацию иной, тем более, что к этому времени дворянская идеология ярко выявилась. В лице своих идеологов в Комиссии 1767 г. дворянство признавало себя „благородным" сословием или „корпусом", отличающимся от „подлых" своими „прирожденными" свойствами и несущим традиции „знатных" предков. Оно требовало отграничения себя „правами и преимуществами от прочих разного рода и звания людей" (в том числе от выслужившихся из недворян), требовало сословного самоуправления и суда, привилегий на службе, освобождения от тяжких наказаний по суду („чтобы не лишиться знатных мыслей"), учреждения классовых дворянских учебных заведений и т. д. К тому же областная реформа 1775 г. (новое разделение России на губернии и уезды с передачей дворянам всей уездной администрации) прямо требовала организации. Ведь, чтобы избирать администрацию, уездные дворяне должны были съезжаться на собрания под председательством выборного предводителя дворянства. Дворяне целого уезда выступали здесь в качестве тесно сплоченного общества. Дальнейшим их успехом было предоставление им также губернской организации: именно, права съезжаться на губернские собрания, избирать губернского предводителя и делать через него представления о своих нуждах не только губернатору, но также сенату и верховной власти. Это признание сделано было „Жалованной грамотой дворянству", изданной в 1785 году, которая подтвердила и расширила права дворянства.

В силу этой грамоты, дворяне: 1) пользуются потомственно своим званием и могут лишиться его только по судебному приговору, утвержденному верховной властью, 2) судятся только равными себе, т.-е. дворянами же, 3) освобождаются от телесных наказаний, личных податей и обязательной службы, 4) имеют право заниматься промышленной и торговой деятельностью, 5) владеют на правах собственности всем находящимся в их имениях, следовательно и крепостными.

Крестьянство.

Естественно, что время самого пышного расцвета дворянских привилегий при Екатерине II должно было совпасть с периодом наибольшего развитя крепостного права. Так, в 1765 г. помещикам было предоставлено право ссылать крепостных „за продерзости" на каторгу или в любое время отдавать их в солдаты. Два года спустя (1767 г.) последовал еще более жестокий указ, — крестьянам, под угрозой строгого наказания, запрещено было даже жаловаться правительству на помещиков. Этим указом правительство как бы совсем отгородилось от крепостных.

Оно судило их только за важнейшие преступления, требовало от них, под ответственностью „господ", платежа в пользу государства и исполнения рекрутской повинности и ставило помещикам в обязанность прокармливать своих крестьян во время голода и не доводить их до разорения, исключающего возможность платить налоги. Все же ближайшее заведывание крепостными и право распоряжения их трудом, имуществом и личностью предоставлено было „господам".

Помещик, по своему усмотрению, мог наложить на крепостных любую повинность или работу, мог переводить их из одного разряда в другой (напр., из оброчных в барщинных или в дворовых), мог переселять их в другие свои имения, продавать и целыми семьями, и в одиночку, и с землею, и без земли; наконец помещику предоставлено было право судить крестьян и подвергать их целому ряду самых жестоких взысканий: сдавать крепостных в наказание в рекруты, заключать их в тюрьму, ссылать в Сибирь. Но, конечно, этим не исчерпывался перечень наказаний, применявшихся помещиками. Многие из них имели собственные „судебники", в которых по произволу устанавливали различные степени преступлений и соответствующих им кар, имевших обычно характер истязаний и причинявших нередко даже смерть наказываемому. У некоторых помещиков работали десятки палачей.

В таком безвыходном положении находились крепостные, которых при Екатерине II было свыше 6½ миллионов душ мужского пола.

Далеко „не благоденствовали" и государственные или казенные крестьяне, делившиеся на несколько различных катего-

рий; всего казенных числилось свыше $4^1/_2$ мил. душ м. пола. Во-первых, они страдали от произвола должностных лиц; во вторых, их свобода всегда висела на волоске: сегодня свободные, они завтра, по воле правительства, могли быть „пожалованы“ в частное владение; в-третьих, они были отягощены непосильным податным бременем и другими повинностями. Особенно можно сказать это о крестьянах, приписанных к заводам и фабрикам. Им не было никакой возможности совмещать заводские занятия с земледелием и иногда приходилось передавать свои работы за более высокую плату наемным рабочим.

Городской класс.

В очень угнетенном положении находились также низы городского общества. Последнее распадалось экономически на несколько слоев, высшими из которых были „капитальнейшие или первостатейные“ купцы-капиталисты, ведшие оптовую внутреннюю и внешнюю торговлю, владевшие нередко крупными фабриками и заводами, занимавшиеся откупами и, в обход закона, приобретавшие иногда населенные земли; вторым слоем—было „средостатейное“ купечество, владевшее лавками, занимавшееся скупкой у кустарей, устраивавшее иногда небольшие мануфактуры с наемным трудом; далее следовало „малокапитальное“ купечество (с капиталом в 40—50 рублей)—мелочные торговцы, ларечники и т. п.; затем ремесленники и, наконец чернорабочие, огородники и прочие профессии, близкие к крестьянству. Все эти слои объединялись 1) податным обложением, налагавшимся на всю посадскую общину, которая под своей ответственностью распределяла его между горожанами в зависимости от их имущественного положения, причем платеж за совершенно неимущих перелагался на „первостатейных“ купцов („навалка душ“); 2) бесплатным выполнением некоторых служб для казны (приемка, оценка и браковка казенных товаров); 3) участием в самоуправлении (магистрате), не распространявшемся, впрочем, на низы городского общества.

При такой разнослойности состава общества в городах наблюдался острый антагонизм его элементов, ярко выразившийся в комиссии 1767 г., в которой раздавались горькие нападки не только по адресу фабрикантов и заводчиков (см.

выше), но и „богатеев“ купцов, закабалявших ростовщичеством купеческую мелкоту, проявлявших самое дикое самодурство, ухитрявшихся освобождаться от прямых податей путем фиктивного компаньонства у фабрикантов или перехода в раскол и пользовавшихся полною безнаказанностью, так как местная администрация была у них на содержании.

Как видно, развитие денежного хозяйства разрушало посадскую общину с ее феодальными пережитками, расслаивая городской класс, ставя низы в полную экономическую зависимость от верхов. Законодательство только оформляло это разрушение: предоставление всем свободы промышленной деятельности (см. выше) уничтожало старую привилегию посадских (см. стр. 39); освобождение купцов от казенных служб и подушной подати (взамен чего они облагались 1% сбором с объявленного капитала); упраздняло юридическую скрепу общины—круговую поруку в несении повинностей (см. стр. 35), а распределение купцов, в зависимости от размера капитала, на гильдии с разными привилегиями для каждой и с выделением беднейших,—под наименованием „мещан“,—из купеческого общества узаконило его экономическое расслоение. Правда, была сделана законодательная попытка (в 1785 г.) организовать всесословное городское самоуправление (новое распределение всех городских обывателей на 6 разрядов отчасти по имуществу, отчасти по другим признакам; избрание ими „гласных“ в общую думу; выделение из нее исполнительного органа—„шестигласной думы“). Но при полном расцвете дворянско-самодержавного государства самоуправление оказалось фиктивным: оно было вполне подчинено дворянской администрации, а городские суммы расходовались на негородские нужды.

Классовая борьба.

Внутри-городской антагонизм принимал иногда грозные формы, напр., так называемый чумной бунт в Москве в 1771 г. Еще несравненно более грозный характер принимала борьба крестьян с дворянством, не ограничивавшаяся частыми случаями расправы с наиболее жестокими помещиками и составления „разбойных шаек“, но выражавшаяся уже с 1760-х г.г. в массовых волнениях. Самым грандиозным из них был так называемый „пугачевский бунт“ 1773—1774 г., начавшийся

в Приуралье в виде казацко-башкирского восстания и превратившийся затем в крестьянскую войну. Она охватила почти половину Европейской России, грозила перекинуться и в другую половину; сопровождалась разгромом усадеб и массовым истреблением помещиков, призывами к отомщению за „народные обиды", к установлению общей „воли", обеспечению всех землею и освобождению от всяких повинностей; была понята правительством как „бунт бедных против богатых, холопов — против господ, и потребовала от него мобилизации всех сил для борьбы. Пугачевское движение окончилось так же неудачно, как и разинское, и по тем же причинам (см. стр. 69). Перепуганное дворянство тесно сомкнулось под крылом самодержавия, ища его защиты и внеэкономического принуждения для дальнейшей эксплуатации крестьян. Среди дворян встречались пока только крайне редкие одиночки, настроенные революционно, как, напр., Радищев. Увеличение количества этих одиночек обусловливалось последствиями дальнейшего развития капитализма. Однако обусловленная инстинктом классового самосохранения и экономическими интересами покорность дворянских масс самодержавию вовсе не означала довольства всеми проявлениями его: еще при Екатерине II властные административные замашки ее фаворитов (особенно Потемкина) возбуждали, по словам современников, чувство ненависти. Когда же преемник ее (Павел I) перешел всякие границы „полицейского режима", угнетавшего в первую очередь гвардию, когда его деятельность приняла в полном смысле безумный характер, лишавший чиновную знать и даже членов царской семьи всякой уверенности в завтрашнем дне, тогда дело не могло ограничиться одними „чувствами". Но все же главным толчком к перевороту 11 марта 1801 г., произведенному гвардейскими офицерами, с ведома наследника престола, под эффектным лозунгом борьбы „за свободу" против жестокого деспотизма, и закончившемуся умерщвлением Павла I, были экономические интересы дворян, затронутые, как сейчас увидим, крутым переломом его внешней политики.

ГЛАВА VI.

Начало соперничества торгового и промышленного капитала.

§ 18. Россия на службе у иностранного капитала.

В XVIII веке в Западной Европе шла ожесточенная борьба английского и французского капитала, приводившая к войнам, которые возобновлялись несколько раз под разными предлогами. В конце века французский капитал, только что восторжествовавший в лице революционной буржуазии, которая низвергла монархию с ее феодальными пережитками, расширял рынок под лозунгом „перенесения революционных идей в соседние страны“, а английский капитал боролся с таким расширением „во имя торжества монархического принципа“. Англия, по своей традиции, вела войну при помощи других государств, военную силу которых она покупала своими субсидиями. Естественно, что в число таких наемников должна была попасть и Россия. Этого ожидали еще в „екатерининскую эпоху“, но осуществилось это лишь при Павле I. Вовлечение России в борьбу с Францией обусловливалось не только английскими субсидиями, щедро притекавшими в руки влиятельных лиц, и не только ненавистью самодержавия к „якобинскому духу“ и его страхом перед „революционной заразой“, но и более глубокими причинами. А именно, Россия экономически была теснейшим образом связана с Англией, так как последняя являлась главной потребительницей русского сырья и главной поставщицей фабрикатов, следовательно, имела верного союзника в лице русского торгового капитала. И вот Павел I, облекшись в тогу „восстановителя потрясенных тронов и оскверненных алтарей“, бросил русских солдат в Италию, чтобы

„спасать царей“ от „неистовой Франции“, которая возглавлялась теперь Наполеоном Бонапартом, обслуживавшим интересы ее капитала. Когда русская армия выполнила то, что было нужно английскому капиталу, она была перекинута в швейцарские ущелья, а английская и союзная с нею австрийская дипломатия чем-то раздосадовала Павла I. Со свойственной ему болезненною экспансивностью он круто перевернул свою внешнюю политику: заключил перемирие с Наполеоном, твердую власть которого считал гарантией для угашения „якобинского духа“, и разорвал с Англией, снарядив даже казачью экспедицию для „завоевания“ Индии.

Вот этот-то разрыв с Англией и вызвал вопли русского торгового капитала: влиятельные современники,—главным образом, представители крупного землевладения,—наперерыв твердили о том, что это —„неизъяснимый вред нашей заграничной торговле“, что „Англия снабжала нас произведениями и мануфактурными и колониальными за сырые произведения нашей почвы“, что „торговля с нею открывала единственные пути, которыми в Россию притекало все для нее необходимое“ и обеспечивала дворянству „верное получение доходов со своих поместий“, что „Англия — богатейший рынок“ и т. п. Готовившаяся война с нею, по мнению современников, более всего восстановила „общественное мнение“ против Павла и привела к его гибели.

Естественно, что первым шагом правительства Александра I было прекращение враждебных действий против Англии и соглашение с нею. А через четыре года, когда удалось договориться о размерах английских субсидий, России пришлось снова выступить в качестве „континентального солдата“ на службе у британского капитала в компании других его наймитов. Однако и русско-австрийское и русско-прусское выступления против Франции (декорированные опять-таки эффектнейшим и на этот раз очень оригинальным лозунгом „борьбы против тирании“ Наполеона, который изображался чуть не антихристом, для „освобождения“ угнетенных им народов) окончились катастрофически: первое—Аустерлицем (осенью 1805 г.), второе—Фридландом (летом 1807 г.). Английские субсидии прекратились, и Александру I пришлось итти на личное свидание

с „антихристом" Бонапартом и на заключение с ним мира, который и был подписан в Тильзите в 1807 г. Условия этого мира были очень подслащены: к России прирезывалась польская область (Белостокская), отрезанная от ее союзницы Пруссии, и Александру I предоставлялась „свобода действий" на востоке в отношении Швеции и Турции. Однако сущность условий была весьма горькой: Россия должна была заключить союз с Францией, предоставить ей „свободу действий" на Западе, т.-е. не препятствовать расширению ее рынка на весь континент, а, главное, должна была присоединиться к „континентальной блокаде", а именно, подобно другим континентальным государствам, находившимся в „сфере французского влияния", прервать всякие торговые сношения с Англией.

Закрытием для английских товаров всех европейских гаваней французский капитал, теперь уже не торговый, а промышленный, надеялся задушить своего старого соперника. Однако то, что казалось выгодным для французского промышленного капитала, наносило колоссальный ущерб, как сказано выше, русскому торговому капиталу. Вот почему разрыв Александра I с Англией произвел почти такое же „потрясающее" впечатление, как разрыв с нею его отца, и Александр I после Тильзитского мира очутился в более опасном положении, чем после переворота 11 марта 1801 года. Как увидим ниже, тогда можно было успокоить оппозиционные круги некоторым ослаблением крайностей павловского полицейского режима да туманными разговорами о реформах и „конституции"; теперь пришлось обратиться уже к проектированию ее, к попыткам искать опоры помимо дворянства.

§ 19. Континентальная блокада и ее значение.

Землевладельческое дворянство (аграрный капитализм) жестоко пострадало от разрыва с Англией и смотрело на закрытие гаваней ее кораблям, как на „запрещение, наложенное на все предметы русской земли", как на „бедствие, которое прямо затронет интересы народа". Еще бы! За пять лет цены на железо упали на 60, а на пеньку на 75%; курс рубля пони-

зился; Франция никак не могла заменить Англии, так как не имела в России сколько-нибудь крупных коммерсантов, да к тому же сухопутный транспорт в нее обходился неимоверно дорого; русская знать оказалась „в долгу, как в шелку".

Представление о „всеобщем ропоте", вызываемом Тильзитским миром, было, конечно, весьма преувеличено: имелся класс общества, который не „роптал", а, напротив, ликовал по поводу континентальной системы. Это были, во-первых, крупные купцы, выигравшие от выезда своих английских сотоварищей и бойко торговавшие контрабандными товарами, во-вторых, что особенно важно, русские фабриканты, избавившиеся от конкуренции старой, „непобедимой" английской промышленности. Русский промышленный капитал впервые почувствовал под собою твердую почву именно в эпоху континентальной блокады: появилось и быстро росло новое производство — бумагопрядильное (в 1808 г. — первая бумагопрядильня, в 1812 г. — в одной Москве — 11); число ткацких фабрик увеличилось с 199 — при производстве на 5 мил. рублей—в 1804 г. до 423—при производстве в 30 миллионов—в 1814 г.; русские ситцы, по мнению „патриотов", сравнялись с английскими, а некоторые продукты промышленности были доведены будто бы „едва ли не до совершенства". Чрезвычайно быстрый рост, при отсутствии какой-либо правительственной поддержки, бумаготкацких фабрик, поглощавших огромное количество привозного хлопка, объяснялся прежде всего дешевизною их изделий, доступностью их для широких масс на внутреннем рынке. К тому же и качество их было достаточно удовлетворительным, так как именно в этой молодой отрасли производства господствовал вольнонаемный и, следовательно, более производительный труд. Хлопчато-бумажная промышленность была наиболее „буржуазной" по своей организации и являлась, как и следовало ожидать, сильнейшей соперницей полотняному производству, на котором в значительной степени специализировались крепостные дворянские фабрики.

Как видно, „континентальная блокада" открывала радужные перспективы перед молодой промышленной буржуазией. Но она представляла еще слишком малочисленный, а потому слабый слой общества. О крайне скромной роли промышлен-

ности в хозяйственной жизни России этого времени можно судить по тому, что даже к 1825 г. рабочих было всего около $210^1/_2$ тысяч, из коих вольнонаемных менее 115 тысяч. Господином положения оставался все еще торговый капитал, в частности, его аграрный слой. Поэтому союз с Наполеоном висел на волоске, и этот волосок оборвался, когда вытекавшие из союза военные действия против Англии и Австрии нанесли новый удар торговле и внесли еще большее расстройство в финансы: ассигнационный рубль в 1811 г. равнялся 23 коп.; бюджет министерства народного просвещения пришлось сократить вчетверо.

Дальнейшее поддержание союза признавалось нетерпимым: в конце 1810 года французские товары были обложены очень высокой пошлиной; начались дипломатические препирательства по весьма второстепенным вопросам, а вместе с тем и приготовления к войне (впрочем, более дипломатические, чем стратегические), объявление которой было предупреждено так называемым „нашествием Наполеона" летом 1812 г. Так началась „отечественная" война. Эта война, унесшая множество жертв, опустошившая значительную часть западной половины государства, стоившая разгрома и сожжения таких городов, как Смоленск и Москва, была однако чрезвычайно популярна в среде дворянства, не жалевшего для нее ни жизни своих близких, ни материальных средств. Объяснялось это тем, что, как указывает М. Н. Покровский, борьба с „игом Наполеона" была борьбой с континентальной блокадой. Значительно менее популярно было продолжение „отечественной" войны, известное под названием „войны за освобождение Европы" (1813—1814 г.) и предпринятое под необычайно эффектным лозунгом „борьбы за веру против неверия, за свободу против тирании, за человечество против зверства". Менее популярна была она потому, что здесь дело шло уже не о блокаде, а об ограничении чрезвычайно распухшего французского рынка, от чего выигрывал в первую очередь английский, а не русский капитал.

Но вот Наполеон „низвергнут", Франция введена в свои „естественные" границы, английский капитал получил опять в свое распоряжение континентальный рынок для фабрикатов,

а Россия—заграничные рынки для своего сырья и, особенно, хлеба. Вследствие развития промышленности в некоторых государствах Западной Европы и соответственного роста городского населения, спрос на хлеб увеличивался, цены на него значительно поднялись (на лондонском рынке с 50 шиллингов за квартер во второй половине XVIII в. до 90 шиллингов к 1820 г.), и вывоз русской пшеницы и хлеба вырос вчетверо в течение четырех лет (а именно с 5 мил. пудов для пшеницы и для ржи в 1813 г. до 22 мил. пудов пшеницы и 20 мил. пудов ржи в 1817 г.). (См. М. Н. Покровский. „Очерки русского революционного движения"). Перед русскими помещиками встала задача наибольшего выкачивания хлеба путем интенсификации крестьянского труда. Итак, помещичьему хозяйству дан был сильнейший толчок, оно испытывало своего рода революцию. Что касается русской промышленности, то, окрепнув за время блокады, она после снятия последней не чувствовала себя столь беспомощной, как раньше, хотя, конечно, должна была защищаться от заграничной конкуренции покровительственными тарифами. (Исключением был лишь „либеральный" тариф 1819 г.). Судорожные толчки, испытываемые русским рынком в зависимости от его отношения к международному рынку, застой, а затем революционизирование помещичьего хозяйства, выступление промышленного капитала и столкновение его интересов с торговым капиталом, обострение вопроса о поднятии производительности крестьянского труда и о рабочей силе для промышленных предприятий,—все это налагало свои краски на картину социально-политического строя последних лет XVIII и первой четверти XIX века.

§ 20. Социально-политические отношения первой четверти XIX века.

Крестьянский вопрос. После „Пугачевщины" чрезвычайную остроту получил так называемый „крестьянский вопрос". Условия рынка, особенно в период развития торговли с Англией, побуждали к наибольшей эксплуатации крестьян путем усиления барщины, за которую горой стояло огромное

большинство помещиков. С другой стороны, усиление барщины грозило воскрешением „пугачевщины“, призрак которой не давал покоя, принимая нередко весьма осязательные формы. Отсюда необычайная нервность дворянства, переходившая в „оппозицию“; отсюда „внимание“ правительства к „крестьянскому вопросу“ и его метание между интересами торгового капитала, нуждавшегося в крепостном производителе, претензиями промышленного капитала на образование резервной армии труда (немыслимое при крепостном праве) и страхом перед крестьянским восстанием. Отсюда—различные, нередко противоречивые „течения“ и полумеры. Так, напр., Павел I, посылавший самого „фельдмаршала“ Репнина для усмирения крестьянских волнений и превзошедший всех своих предшественников щедростью раздачи государственных крестьян в частное владение (см. выше), в то же время в 1797 г. издал указ, рекомендовавший помещикам довольствоваться трехдневной барщиной в неделю. Этот указ, подсказанный страхом, в связи с некоторыми демагогическими приемами Павла (своего рода заигрыванием с „народом“), подсказанными также страхом, но уже перед дворянством, истолковывался последним, как признак „недворянской“ политики.

Александр I, заняв престол, рассеял, как сказано (см. выше), „общее негодование“ соглашением с Англией, а нервничавшую „знать“ старался успокоить дружескими беседами с некоторыми ее „блестящими“ представителями—своими „молодыми друзьями“ (интимный комитет). В этих беседах затрагивался вопрос о реформе „безобразного административного здания“, об „увенчании“ этой реформы „конституцией“ и, конечно, крестьянский вопрос. Потоки фраз дали очень незначительные результаты: вместо коллегий появились министерства, в которых „молодые друзья“ заняли влиятельное положение; учреждено было несколько учебных заведений; был издан (да и то не по почину „интимного комитета“) закон о „вольных хлебопашцах“ (1803 г.), разрешавший помещикам отпускать „на волю“ крестьян, наделяя их землей и требуя за это определенных повинностей; были запрещены газетные публикации о продаже крестьян без земли (но не самая продажа); прекратилась раздача государственных крестьян.

Попытка буржуазной политики

Бурная оппозиция против Тильзитского мира побудила правительство сделать попытку сближения с тем классом, который выиграл от континентальной блокады, а именно с буржуазией (преимущественно промышленной). Эту попытку можно видеть в составленном Сперанским (игравшим в ту пору роль первого министра) проекте конституции. Ограничивая самодержавие „Государственной думой“, без одобрения которой не может быть издан ни один закон, учитывая интересы „знати“ созданием для нее „Государственного совета“ и стараясь не раздразнить дворянство, эта конституция уделяла однако особое внимание промышленности, финансам, торговле, путям сообщения и т. п., проектировала постепенное освобождение крестьян и предоставляла избирательные права только владельцам собственности. Но промышленная буржуазия была еще слишком не оперившеюся в то время (см. выше); торговый капитал нуждался во внеэкономическом принуждении; рядовое дворянство устами Карамзина высказывало убеждение, что „не учреждения, а люди правят“, и усматривало залог всякого благополучия в наличности 50 „хороших“ губернаторов и в сохранении крепостного права. Что касается „знати“, то она была до известной степени удовлетворена учреждением „Государственного совета“, в котором нашли себе места виднейшие „сановники“. Только эта, как раз не буржуазная часть буржуазной конституции Сперанского и была осуществлена: все же прочее так и осталось в проекте, а его творец оказался в ссылке, когда, в интересах дворянства, война с Францией была предрешена.

Однако конституционные идеи не исчезли: совершенно независимо от проекта Сперанского, они стали вспыхивать именно после войны. Почвою, взростившею их, был упомянутый выше бурный подъем хлебного вывоза, революционизировавший помещичье хозяйство и требовавший капитала для правильного ведения его. Помещик, по словам М. Н. Покровского, превращался „во внутренне-противоречивое существо—европейского буржуа с одной стороны и азиатского феодала с другой“. В поисках способов интенсификации крестьянского труда некоторые, пока еще очень немногие, передовые дворяне (преимущественно из сравнительно просвещен-

ной для того времени гвардейской среды) осознали преимущества свободного труда по сравнению с принудительным.

Декабристы. Вот почему уничтожение крепостного права делается основным пунктом программ „тайных обществ“ (т.-е. политических организаций) с преимущественно офицерским составом, которые стали образовываться вскоре после, окончания войны с Францией и носили сперва оппозиционный, а затем революционный характер. В стремлении к отмене крепостного права и к введению конституции, конечно, ничего революционного не было: сам Александр I не раз кокетничал своим намерением „уничтожить рабство“, его ближайший друг и его правая рука Аракчеев, внушавший всем ненависть своею сверхъестественной жестокостью, разрабатывал проект отмены крепостного права, а помещики прибалтийского края (нынешней Эстонии и Латвии) и фактически „освободили“ своих крестьян от крепостной неволи, а вместе с тем и от земли (т.-е. отобрав у крестьян их наделы, отказались от своей юридической власти над ними, но поставили их в полную экономическую зависимость от себя). Равным образом „правительственные круги“ не только открыто говорили о конституции, не только составляли проекты ее (напр., Сперанский), но признавали конституцию Финляндии (присоединенной к России в 1809 г.) и ввели ее для той территории, которая, под названием „царства Польского“, была присоединена после „низложения“ Наполеона.

Однако члены „тайных обществ“, отвергнув крепостное хозяйство, как малопроизводительное, пошли не только дальше „правительственных кругов“, но прямо против них. По весьма понятным, так сказать, профессиональным побуждениям они возмущались господствующим положением иноземцев при дворе и в армии, негодовали на „военные поселения“ (так назывались деревни государственных крестьян, привлеченных к военному обучению и в то же время содержавших себя своим земледельческим трудом) не только потому, что в них свирепствовала самая варварская аракчеевская жестокость, но и потому, что на „военные поселения“ офицеры смотрели как на „особую касту“ (своего рода опричнину), которая может сде-

латься „орудием угнетения народа“ и угрозой для гвардии. К этому присоединилась и ненависть к Александру I за его реакционную политику, как внутри России („аракчеевщина“), так и в международном масштабе („священный союз“ монархов для борьбы с народными движениями). Члены „тайных обществ“ в огромном своем большинстве были республиканцами. Средством для установления республики и осуществления своей программы они признавали военный переворот, в котором активную роль должны были играть только офицеры, а солдаты лишь выполнять их команду. Некоторые из членов обществ высказывались за необходимость цареубийства и истребления всех лиц царской фамилии. Революционный характер получили те организации, члены которых сделали неудачную попытку переворота при вступлении на престол Николая I в декабре 1825 г., вследствие чего их принято называть „декабристами“. В зависимости от характера проектируемых конституций, а главное, аграрной программы, в движении декабристов нужно различать три течения, соответствовавшие трем „обществам“.

Идеология правого течения, преобладавшего в так называемом Северном Обществе, которое состояло преимущественно из материально-обеспеченных, а частью даже богатых и „знатных“ петербургских гвардейских офицеров, была буржуазно-помещичьей. Наиболее яркое выражение она получила в „конституции“, проектированной Н. Муравьевым. Эта конституция устанавливала для выборов в предполагаемое представительное собрание такой имущественный ценз, что все рабочие и крестьяне оказывались лишенными избирательных прав, и отдавала местное управление в руки богатейших собственников. Аграрная программа Муравьева сводилась к отмене крепостного права с наделением крестьян их дворами и двумя десятинами земли на двор (т.-е. к превращению их в батраков с ничтожным наделом). „Южное общество“, в которое входили, по большей части, малоимущие офицеры армии, квартировавшей в Подольской губернии, придерживалось мелкобуржуазной программы. Она была выражена в составленном руководителем этого общества Пестелем проекте „Русская Правда“. По-

литические настроения „Правды“ отличались большим радикализмом: во главе государства ставилась выборная коллективная власть (директория); члены представительных учреждений должны были избираться демократически, т.-е. без всякого имущественного ценза; сословия уничтожались и все граждане уравнивались в правах, причем им обеспечивалась неприкосновенность личности, свобода совести, слова и печати, право собственности, свобода промышленности, обставленная однако условиями, не допускающими скопления богатств в одних руках, и, наконец, право на известный земельный надел в размере, необходимом для существования. Обеспечение последнего права предусматривалось аграрной программой Пестеля, которая сводилась 1) к образованию земельного фонда путем национализации земли, отчуждаемой у помещиков частью безвозмездно, частью за вознаграждение, 2) к разделению этого фонда на две половины, из которых одна распределяется на участки, предоставляемые всем желающим в пользование, а другая—сдается частями в аренду или продается в частные руки и, следовательно, является почвой для образования буржуазного землевладения.

Таким образом Пестель проектировал полунационализацию земли и боролся с крупным землевладением и накоплением капитала, что характерно именно для мелкобуржуазного идеолога. Самым левым течением декабристов было состоявшее из бедняков-офицеров „Общество соединенных славян“, стремившееся к созданию федеративной республики славянских народов и придерживавшееся демократической и радикальной, но очень туманной программы. Революционность этого общества доказывается тем, что именно оно было организатором вооруженного восстания Черниговского полка 28—30 декабря ст. ст. 1825 г. Правда, восстание было поднято без всякой надежды на успех, но это было все же восстание, а не демонстрация, каковой являлось выступление 14 декабря членов Северного общества, не желавших и даже боявшихся превращения военной демонстрации в народную революцию. Буржуазная настроенность дворян-декабристов доказывается не только их проектами, но и их несомненными связями с некоторыми представителями купечества.

Дискуссия промышленного и торгового капитала.

Если от „революционных проектов“ декабристов обратиться к статьям легальных журналов и к официальным записке „сановников“, относящимся к первым годам после отмены континентальной блокады, то мы встретимся здесь с самой горячей полемикой промышленного капитала с торговым. Горячо обсуждался вопрос, „полезнее ли для России, яко державы, изобилующей пространством земель, упражняться в одном хлебопашестве и скотоводстве, или выгоднее, при сих двух начальных источниках народного обогащения, заниматься и различными рукоделиями“. В связи с этим велась пламенная дискуссия о пользе или вреде запретительного тарифа. Очень интересна, напр., записка Мордвинова, весьма популярного деятеля, которого декабристы прочили в члены временного правительства. Мордвинов придает огромное значение дифференциации хозяйственной деятельности („несчастнейший на свете тот народ, который, числом велик, упражнениями скуден“); первенство он признает за промышленностью, утверждая, что развитием ее обусловливаются и успехи земледелия, так как она снабжает его усовершенствованными орудиями („земледелец без ремесленника есть производитель грубый и неуспешный; обремененный игом трудов“) и создает для него рынок, в подтверждение своей мысли он ссылается на пример Англии, где „земледелие от того самого и в цветущем состоянии, что там фабрики и ремесла в совершенстве“. Соглашаясь, что „в цветущем состоянии народа нужен и земледелец, и ремесленник, и фабрикант, и заводчик и купец“, он настаивает, однако, что „фабрикант и заводчик полезнее гораздо купца“, так как они „путем искусственной обделки“ „придают высшую цену“ производимому землей, занимают изделиями своими множество рабочих рук“, „служат также и к самому умножению числа купечествующих“. Без промышленности, по мнению Мордвинова, не может быть ни „благоустройства“, ни богатства народа, ни быстрого культурного развития, ни просвещения, ни независимости от других стран, ни международного авторитета, ни политической свободы. Мордвинов перешагнул уже мануфактуру: в его записке—хвалебный гимн паровой машине, которая „сотворяет вдруг 1.000 работников,

кои не требуют ни пищи, ни платы, ни отдохновения, для коих в сутках—24 рабочих часа, в году 365 рабочих дней". Конечно, Мордвинов был защитником „запретительного" тарифа, оберегавшего дорогие для него интересы суконных фабрик, развитие которых должно „покрыть овечьими стадами пустопорожние степи, обширные, многочисленные"...

Другие сановники защитники „запретительной системы", ссылаясь на пример Англии, доказывали, что эта система основана „на истинных началах государственной экономии", и нападки на нее объясняли кознями иностранных агентов и „метафизическими рассуждениями новых писателей".

Итак, промышленный капитал переходил в наступление; торговому приходилось обороняться, и он выставил в журнальных статьях целую батарею аргументов. Чего тут только не приводилось в доказательство, что „хлебопашество, скотоводство и овцеводство—вот наши промыслы", и в пользу свободной торговли! Тут и ссылки на то, что „пространства в России земель неизмеримы, а мало рук для обрабатывания их надлежащим образом", что „несемейный крестьянин не может достать себе работника, чтобы обработать лишний кусок земли"; тут же утверждение, что быстрый торговый оборот и благоприятный торговый баланс обусловливаются вывозом русского сырья и ввозом иностранных фабрикатов; тут и указание на дешевизну привозных товаров по сравнению с русскими (путем кропотливых вычислений доказывается, что на одних фраках из русского сукна, вместо английского, Россия переплачивает в год 35 милл. р., а на русском сахаре 24 милл. и „единственно для обогащения фабрикантов"). Чрезвычайно характерны рассуждения о благосостоянии крестьянина и нищете рабочего: автор одной статьи находит в сундуках мужицких „жемчуг, штофные сарафаны с золотыми гасами и шубы", „в избе—тепло, обуто, одето, хотя и в лапти", „в хлевах—коня два-три и столько же коровок", а „у фабричного—бледно, бедно, босоного, холодно и голодно, ни кола, ни двора". Свое сравнение автор заканчивает меланхолической сентенцией: „Может ли такой человек быть счастлив и сохранит ли нравственность? он поневоле предается разврату и злодеянию". В качестве крайнего довода

у автора имеется и политический аргумент: он напоминает, что именно из мануфактурной Франции в 1789 г. поднялась „ужасная туча“, собравшаяся из „глаголов фабрик“ и разразившаяся над всей Европой; что только земледельческая Россия одолела то „фабричное царство, из которого истекали моды, вкусы и разврат“.

Итак, с середины второго десятилетия XIX века закипела борьба между промышленным и торговым капиталом. Во второй четверти XIX века, как сейчас увидим, условия международного рынка сложились неблагоприятно для русской хлебной торговли. Это должно было сделать торговый капитал более сговорчивым по отношению к промышленному, который тем временем закреплял свои позиции.

ГЛАВА VII.

Закрепление позиций промышленным капиталом и его компромисс с торговым.

§ 21. Низкий уровень сельского хозяйства и причина этого.

Идеологи торгового капитала были правы, утверждая, что „выпуск (т.-е. вывоз) хлеба, выпуск рогатого скота и т. под. за границу дает выгодный перевес российской торговле“. Действительно, в русском вывозе предметы сельского хозяйства занимали первое место: так, напр., в 1815 г. земледельческих продуктов было вывезено почти на $23^1/_2$ милл. р., продуктов скотоводства—почти на 18 милл., тогда как продукты обрабатывающей промышленности давали менее 11 миллионов, а добывающей—7 милл. с небольшим; что же касается годовой производительности земледелия, то, напр., в 1810 г. (т.-е. в эпоху континентальной блокады) она исчислялась огромной цифрой в 800 милл. рублей. Не даром русский торговый капитализм, как указывает М. Н. Покровский, „вырос и развился на хлебном вывозе“. Но несомненно правы были также идеологи промышленного капитала, утверждая, напр., в лице Мордвинова, что „земледелие в России получило самое малейшее усовершенствование, так как нет еще у поселянина ни порядочных орудий, ни прочих принадлежностей хозяйства“. В самом деле, техника его была крайне неразвита: встречались еще такие далекие архаизмы, как переложная или подсечная система (см. выше), преобладала попрежнему трехпольная—с очень недостаточным удобрением земли вследствие неразвитости скотоводства. „Плодопеременная“ (многопольная) система со специальными культурами

растений и скота, с сельско-хозяйственными машинами и прочими подражаниями „английскому хозяйству" являлась редким и притом скоропреходящим исключением, так как на такие новшества не хватало капитала, а главное, они не укладывались в рамки крепостного хозяйства. Сложившаяся к концу XVIII века организация хозяйства, которая характеризовалась преобладанием барщины на юге, в черноземных губерниях, и оброка—в центральных промышленных, где оброчные крестьяне владели большею частью (иногда до $^{4}/_{5}$) всей удобной для земледелия площади (см. стр. 88), изменилась в первое десятилетие XIX века в смысле уменьшения наделов, увеличения оброка, а частично и барщины. Наделы сократились как вследствие расширения барской запашки (см. стр. 88), так и вследствие роста крестьянского населения, потому что далеко не во всех имениях была запасная земля для наделения новых „тягол", т.-е. взрослых работников, и обычно для этой цели переделялись и, следовательно, сокращались наличные участки. Размеры наделов чрезвычайно колебались не только в зависимости от района, но и в зависимости от имения. В общем, по вычислениям Н. А. Рожкова, в нечерноземных губерниях надел на душу мужск. пола колебался от 2,5 до 8,7 десятины, а в черноземных—от 2,5 до 5,25. К 1825 г., по словам М. Н. Покровского, „крестьянские наделы составляли только $^{1}/_{3}$ всей площади пахотной земли", тогда как в XVIII веке они занимали $^{1}/_{2}$. Еще больше колебался оброк с постоянной тенденцией к повышению: там, где в конце XVIII века он равнялся 4 р. 75 к. с „души", в 1840-х г.г. он достиг 9 р. 74 к., а в другом месте оброк с 6 р. в 1827 г. поднялся до 12 р. в 1849 г.; в 1820 г.г. оброк в 12 р. 50 к. считался помещиками очень „скромным"; с крестьян, имевших хорошие заработки, брали неизмеримо больше, а с таких оброчных крестьян, которые, как увидим ниже, сделались капиталистами, заведя свои собственные фабрики и обзаведясь своими крепостными (юридически закрепленными за „барином"), взималась колоссальная сумма. Часто практиковалась смешанная система: часть крестьян—на барщине, часть—на оброке, причем иногда и для оброчных полагалось несколько барщинных дней или выполнение определенных работ. Харак-

терно, что, в дополнение к денежному, взимался также мелкий натуральный оброк.

Барщина была чрезвычайно разнообразна по своим размерам, по своему характеру и по своей интенсивности. „Просвещенные“ помещики считали наиболее целесообразным назначать каждому крестьянину определенное количество земли для постоянной обработки, напр., 1 десятину в поле, причем работы производились половинным числом работников, так что крестьянин половину рабочих дней отдавал „барину“, половину себе; или же, если в семье было два тягла, то один работал на „господской“, другой на своей земле. Практиковалась также „урочная“ барщина, когда крестьянину давалось определенное задание на каждый барщинный рабочий день (напр., вспахать половину десятины). Чаще же всего крестьян гнали на господские работы определенное число дней в неделю. Указ о трехдневной барщине (см. стр. 104), конечно, плохо соблюдался, и применялась не только 4-х или 5-тидневная барщина, а иногда и „сквозная“—все 7 дней, так что крестьянам для работы на себя оставались лишь ночные часы. Продолжительность рабочего дня зависела от „господского“ произвола: весьма „умеренным“ признавался 10-ти часовой рабочий день. Для „интенсификации“ труда прибегали иногда к таким варварским приемам, как недопускание питья воды во время жары, пока крестьянин не выполнит данного урока, или же надевание на шею рогаток, чтобы не могли прилечь на землю; обычными побуждениями к прилежанию были розги, палки и т. п. Не даром некоторые помещики сами смотрели на барщину, как на исправительную меру для плохих плательщиков оброка.

Естественно, что крестьяне предпочитали даже тяжелый оброк хотя бы легкой барщине. Что касается помещиков, то большинство их старалось уверить себя в выгодности барщины, хотя их и глодало уже сомнение в производительности принудительного труда: истина о большей продуктивности труда свободного становилась уже довольно азбучной, по крайней мере, для передовых людей той эпохи (см. выше). К тому же некоторые помещики пытались применять новые хозяйственные формы, переходные от принудительных к сво-

бодным, напр., поощрение барщинных дополнительным наделом за хорошую работу и т. д. Скептики вычисляли, что выгоднее, барщина или наем рабочего, и в итоге получали предпочтительность найма или оставляли задачу нерешенной. Оптимисты утешали себя тем, что „весьма бы было бедное то мечтание, что в России одно доставление свободы крестьянам может довести земледелие до лучшего состояния“, и прибавляли, что для этого еще „потребно знание хозяйства и капиталы“. Последняя мысль выражалась еще определеннее, напр., в таких словах: „работа наемными руками в России будет самым неосновательным и разорительным делом, доколе цена на хлеб не повысится“. Вот это-то и являлось решающим: крепостной труд, при всех уже признанных его недостатках (непроизводительность, несовместимость с применением машин и усовершенствований) имел огромное преимущество в том, что он был даровым, а для наемного труда и для поднятия сельского хозяйства необходимы были капиталы. Они могли рости, как сказано, преимущественно на хлебной торговле, а именно в ней в 1820-х и 1830-х г.г. и произошла заминка. Внутренний хлебный рынок (обмен между черноземной и нечерноземной полосами) не отличался большою емкостью, что объяснялось, как уже сказано (см. стр. 109), общими условиями крепостного строя, а также плохим состоянием путей сообщения, существенно отражавшимся на колебании цен в разных местах (в Курской губ. четверть хлеба продавалась по 1 р. 50 к., а в Псковской в то же время—по 15 р.). Особенно же фатальным для хлебной торговли был застой на внешнем рынке, наступивший после бурного подъема первых лет снятия континентальной блокады и вызванный падением хлебных цен.

Действительно, цифры вывоза пшеницы в черноморских и азовских портах южной России свидетельствуют, что эта торговля стояла приблизительно на одной точке с 1827 г., когда было вывезено 1.631.902 четверти, до 1843, когда вывоз равнялся 1.908.312 четвертей, и только изредка (в 1830, 1838 и 1839 г.г.) превышала 2 милл. Современники объясняли этот застой капризами английского тарифа, конкуренцией

придунайских областей, отпускавших пшеницу из Браилова и Галаца через порты Европейской Турции, конкуренцией Венгрии, развитием хлебопашества в Египте и т. д. Но от этих утешений капитал помещиков не возрастал, а при таких условиях приходилось мириться с крепостным трудом, хотя бы — как с неизбежным злом.

Итак, главной причиной низкого уровня, застоя и даже частичного регресса сельского хозяйства во второй четверти XIX века являлось применение крепостного труда. Основной же причиной его применения была не субъективная убежденность помещиков в его выгодности (а такая у рядового дворянства была), не экономическая и агрономическая неграмотность (она также несомненно была), а чисто объективные условия — низкие цены на хлеб. Они-то, по словам М. Н. Покровского, и являлись главным „оплотом“ крепостного права. При указанных условиях наблюдалась сильная задолженность дворянского землевладения и его сокращение: за время от восьмой до десятой ревизии число дворян землевладельцев сократилось со 109 тысяч до 100 тысяч, причем это коснулось главным образом мелкопоместных. Земля уходила в руки купцов, мещан и разбогатевших крестьян, так как эта новая буржуазия влагала свои капиталы и в сельское хозяйство.

Бытие определяло собой сознание: подобно тому, как московским боярам в период вотчинного кризиса было не до „конституций“ (см. стр. 24), так и помещики 1830-х г. г. чурались „конституций“ и даже „оппозиций“ не потому, что они были напуганы жестокой расправой с декабристами, а потому, что они испытывали тоже своего рода кризис, и самодержавие было им нужно для поддержания крепостного права, экономически-неизбежного для них в условиях этого кризиса. Однако в то время, как торговый капитал, в лице помещиков-„душевладельцев“, кряхтя, цеплялся за крепостное хозяйство, за „исконные устои“ и раболепно смотрел в глаза самодержавию, в то же время его „блудный сын“ — промышленный капитал — властно требовал от самодержавия отмены крепостного права.

§ 22. Развитие русской промышленности во второй четверти XIX века.

Влияние крепостного права на промышленность.

Крепостное право в двояком отношении тормозило развитие промышленного капитала: во-первых, прикрепляя к земле огромную массу населения, оно лишало его „резервной армии“ и тем самым возможности понижения заработной платы наемным рабочим и делало ненадежными рабочих из оброчных крестьян (так как они могли быть отозваны помещиком, что ставило в зависимость от него фабриканта); во-вторых, оно крайне сужало рынок. Ведь крепостное право не только замедляло рост городского населения, но и сильно понижало покупательную способность разоренных им крестьян, а также покупательные потребности помещиков средней руки, которые в значительной степени удовлетворялись крепостными ремесленниками или мануфактурами. Сверх того, обусловленный крепостным правом недостаток рабочих рук побуждал предпринимателей пока еще пользоваться поссессионными рабочими (см. стр. 89), непроизводительность труда которых была причиной того, что плохие их изделия не находили достаточного сбыта на притязательных заграничных рынках и продавались слишком дорого и на внутреннем. Исключение составляли, главным образом, хлопчато-бумажные ткани, производившиеся, как сказано, предпринимателями при помощи наемного труда: вследствие своей дешевизны они находили сбыт в народной массе и, как увидим, на азиатских рынках.

Рост промышленности.

Несмотря на все указанные неблагоприятные условия, русская промышленность, по крайней мере, количественно развивалась в 1820-х г. г. чрезвычайно быстро: к 1825 г. было уже 5261 фабрика с 210.568 рабочими, из них вольнонаемных 114.515 (см. стр. 102). Наиболее крупными производствами являлось старое суконное (324 фабрики с 63.603 рабочих, из коих вольнонаемных только 11.705) и молодое хлопчато-бумажное (484 фабрики с 47.021 рабочих, из коих огромное большинство 44.535—вольнонаемных). Потребление русскими предприятиями привозной „бумаги хлопчатой“ в 1820 г. определялось суммой 135.000 рублей, а в 1826—

суммою почти 2.325.000 р.; для „бумаги прядильной“ соответствующие цифры были 27 милл. и 40 милл., причем в 1826 г. значительное количество пряжи было изготовлено в самой России. Центром хлопчато-бумажной промышленности был Шуйский уезд, в одном из сел которого, Иванове, числилось 125 крупных ситцепечатных и бумаготкацких фабрик, причем некоторые из них имели свыше 1.000 станков и свыше 100 набивных столов. Характерно, что все эти предприятия принадлежали крепостным или бывшим крепостным богача Шереметева. Крепостные кустари, превратившиеся в фабрикантов, имевших своих крепостных дворовых и даже земли с крестьянами, были нередкостью в эту эпоху. Таким образом, развитие капитализма повело к тому, что „крепостные“ предприниматели „петровской эпохи“ (см. стр. 73) стали вытесняться предпринимателями из крепостных. Суконное производство количественно также сделало большие успехи: за пять лет (1820—1825 г.г.) производство тонких сукон увеличилось более, чем втрое. Производство шелковых тканей в 1820 г. оценивалось в $1^{1}/_{2}$ миллиона, а в 1826 г. в 6 милл. рублей. В последующие годы промышленность продолжала развиваться: так, число веретен на прядильных фабриках поднялось с 350.000 в 1843 г. до 1 милл. в 1853 г.; продукция металлургических заводов с 3 милл. пудов в 1825 г. поднялась до 15 милл. в 1850 г.

Некоторые современники приписывали это, главным образом, тарифу. По словам известного И. Аксакова, „никакая правительственная мера в России не произвела такого переворота в быту промышленном, как „знаменитый“ тариф 1822 г.: целое народонаселение получило иное, фабричное направление; сотни тысяч рук пришли в движение, сотни фабрик выбрасывали ежедневно массы произведений, требовавших сбыта“. Другие—усматривали причину роста русского производства в успехах техники. Так, напр., в одной статье, написанной в 1827 г., слышится не менее восторженный гимн ей, чем у Мордвинова. Автор очарован открытиями химии и механики, паром и машинами, „посредством коих возможно заменять бесконечное число физических сил или рук, домашних животных и других“, „распространять у себя мануфактуры посредством оных действователей, не опасаясь через то стеснить

успехи и процветание земледелия". И действительно машинная техника в России постепенно прививалась: с 1820 г. начали применяться прядильные машины; в 1823 г. в одном из московских предприятий была установлена первая машина Жакарда, купленная за 10.000 р., а к 1828 г. в Московской губернии было уже около $2^1/_2$ тысяч таких машин и они обходились по 75—85 р.; появилось химическое беление, стали устанавливаться паровые котлы... Очередной задачей становилось расширение рынка. На первых порах удовлетворял внутренний рынок, напр., Украина и Новороссийский край. Этот рынок питал купеческие и, в особенности, предпринимательские капиталы, так как фабриканты предпочитали продавать из своих рук без посредничества купцов и для „своих" покупателей держали в лавках не только „свои", но и „чужие", „купленные" товары.

Завоевание внешних рынков. Однако, скоро русской промышленности стало тесно на внутреннем рынке: потребовались внешние, и молодой русский промышленный капитал настолько осмелел, что стал дерзать конкурировать с английским ветераном, бесцеремонно вытесняя его с русского и очень успешно ограничивая его „сферу" на кавказском, персидском и турецком рынках с покушением даже на Трапезунд. Русское правительство, поскольку оно выражало интересы промышленного капитала, ссылаясь на обыкновение Англии и Германии выбрасывать на азиатский рынок свою заваль, выражало твердую уверенность, что „при настоящем усовершенствовании фабрик и мануфактур изделия наши могут начинать соперничество с иностранными, приготовленными собственно для азиатского торга, как в доброте, так и в цене". Что эта уверенность покоилась на твердом основании, видно из меланхолической статьи одного английского журналиста. Он ноет, что вывоз английских мануфактурных изделий в Россию сократился впятеро, что Россия закрыла для английской торговли Польшу, Бессарабию, Молдавию, Валахию, „Черкесию", Грузию, Персию, что „Каспийское море с тех пор, как оно перешло под власть России, потеряно для английских товаров", что она простирает свое влияние на Турцию и т. д. Статистика русского вывоза и ввоза также доказывает, что первый все увеличивался, а второй

сокращался (напр., в 1838 г. „отпуск“ превышал „привоз“ на 65.810.195 р.).

Ликвидация крепостной фабрики. Итак, техника постепенно развивалась, рынки завоевывались, но не было такого важного условия для дальнейшего расширения промышленности, как избыток свободных, именно „свободных“ рабочих рук. Поссессионные рабочие к этому времени совсем изжили себя в глазах предпринимателей, которые превратились в отличие от середины XVIII в., в страстных пропагандистов труда наемных рабочих, получающих „задельную плату“. Такая перемена фронта объяснялась не „упрямством и неповиновением“ поссесионных, на что нередко жаловались фабриканты, и не столько их волнениями, которые, как увидим ниже, не принимали еще „опасные“ формы, сколько чисто экономическими мотивами: „как духом времени изменилось фабричное производство“, писали предприниматели, „введен на оных механизм, заменяющий ручные работы, то и производство на фабриках работ поссессионными людьми не только неудобно, но и наносит постоянно важные убытки“. Итак, при низкой ручной технике XVIII века фабриканты добивались принудительного труда; при появлении машинной техники они тяготились им, и когда в 1840 г. был издан указ, разрешавший освобождать поссессионных, то предприниматели широко воспользовались им. Нечего и говорить, что при создавшихся экономических условиях крепостные дворянские фабрики неуклонно падали: за десятилетие 1830—1840 г.г. их процент понизился с 15 до 5. Промышленный капитал не мог дальше развернуться без „резервной армии“, т.-е. без отмены крепостного права, которое как сказано, было нужно торговому капиталу. Как же отражалось их соперничество в социально-политических отношениях эпохи?

§ 23. Социально-политические отношения перед „реформой“ 1861 г.

Буржуазная политика. „Первенствующим сословием“, по традиции, продолжало считаться дворянство (Николай I называл себя „первым дворянином“), но намечались уже „сумерки“ его. Одним из показателей их был так называемый

николаевский „бюрократизм“, т.-е. усиленное привлечение в административный аппарат разночиновной массы. Это объяснялось не недоверием правительства к дворянству после „декабрьского выступления“, как склонны были толковать современники и прежние историки, а трансформацией общества, обусловленной развитием капитализма. Недаром один из бесчисленных николаевских секретных комитетов пытался выработать новый закон о „состояниях“ (т.-е. сословиях). Правда, это так и осталось попыткой, но дань уважения буржуазии все же была принесена: в 1832 году было образовано новое сословие „почетных граждан, потомственных и личных“, наделенных некоторыми привилегиями. Конечно, это не существенно, и не в этом нужно искать признаков „буржуазной политики“ Николая I. А такие признаки, несомненно, были. Во-первых, обе первые войны Николая I, а именно персидская (1826—1828 г.г.) и первая турецкая (1828—1829 г. г., начатая якобы „во имя освобождения единоверной Греции от магометанского ига“), дали не только большие земельные приобретения, расширившие рынок, но и солидные торговые льготы в Персии и Турции; Ункиар-Искелесский договор 1833 г., обязавший султана закрывать, по требованию русского правительства, доступ иностранным военным судам в Черное море, превратил последнее в русское озеро. Во-вторых, была начата постройка железных дорог. В-третьих, министерство финансов было в руках идеолога промышленного капитала (Канкрина); уделялось большое внимание „мануфактурному совету“, мануфактурным выставкам, организации технических учебных заведений. В-четвертых, не удалось отвертеться и от некоторых начатков „фабричного законодательства“, выдвинутого нарождавшимся рабочим вопросом.

Предпосылки для зарождения рабочего вопроса.

Положение поссессионных рабочих в начале XIX века на многих предприятиях было поистине ужасным: при цене ржаной муки в 66 коп. за пуд взрослый рабочий получал от 8 до 14 коп. за 14-ти часовой рабочий день, или от 2 р. 50 коп. до 7 руб. в месяц; работница—не свыше 2 р. 67 коп.; дети до 7 лет—3 и $3^1/_2$ коп. в день, старше—4 или 5 коп.; нередки были случаи бесплатной эксплуатации жен поссессионных крестьян. Вольно-

наемные рабочие получали больше,—до 10 р. в месяц. В первые два десятилетия XIX века реальная заработная плата значительно повысилась (не менее, чем на 25%), но, конечно, далеко недостаточно, и жалобы на низкий уровень ее постоянно встречались в заявлениях рабочих.

Первые жалобы их—это стоны отчаяния забитых, задавленных нищетою страдальцев; так, напр., в 1803 г. рабочие одной мануфактуры „припадали пред всещедроотеческие стопы" своих владельцев „всемилостивейших государей и отцов со стоном вопля и плача", с перечислением творимых им обид. Довольно распространена была также подача жалоб царю: так, рабочие большой ярославской мануфактуры Яковлевых с 1803 до 1823 г. многократно и упорно посылали своих „поверенных" к Александру I, несмотря на то, что этих „поверенных" наказывали розгами и плетьми иногда даже публично на самой же фабрике, а начальство усматривало причину волнений рабочих, их „своевольных мыслей, беспрестанных сходок и совещаний"— в их „праздности и буйстве". С течением времени стали возникать и „беспорядки", выражавшиеся в прекращении работ в порче машин, в предъявлении требований, в угрозах расправы, и усмирявшиеся военной силой. Весьма характерно, что министерство внутренних дел, более близкое к торговому капиталу, признавало хоть иногда справедливость рабочих жалоб, тогда как министерство финансов—промышленный капитал—почти всегда становилось на сторону предпринимателей.

Тем не менее министр финансов (Канкрин) все же признал необходимым предложить мануфактурному совету „внушить" фабрикантам „с кротостью и нужною осторожностью", чтобы они приняли меры к улучшению условий работы на фабриках. Эти меры должны были касаться санитарии, пищи и забот о „нравственности" рабочих. Вопросам „нравственности" и религии (обязательное хождение в церковь под угрозой штрафа) отводится место и в разных „правилах" и „положениях", имевших целью „определить с точностью и с соблюдением взаимных выгод права и обязанности как мастеровых, так и владельцев". „Положение" 1835 г. устанавливало правила найма и расчета рабочих (предупреждение о расчете за две недели) и запрещало помещикам отзывать отпущенных на

фабричные работы крестьян до истечения срока найма. Приходилось побуждать и к повышению заработной платы. Да она повышалась и независимо от этого, просто из-за недостатка рабочих рук при крепостном праве.

Крестьянский вопрос.

Последнее пока не двигалось с мертвой точки несмотря на то, что в николаевское царствование было 556 случаев крупных, иногда грозных крестьянских „бунтов“, усмирявшихся военной силой; несмотря на то, что Николай I неоднократно „изъявлял намерение“ начать „процесс против рабства“, так как боялся этих волнений и сознавал вред крепостного права для торговли и промышленности; несмотря на то, что девять секретных комитетов обсуждали способы „ограничения“ его. От написанной этими комитетами горы проектов родилась в полном смысле мышь: определение повинностей, посредством „инвентарных правил“, сделано было только для „Западного края“ (где правительство пыталось найти в крестьянской массе „оплот“ себе для противовеса польскому дворянству); несколько упорядочена была продажа людей (не допускалась, напр., продажа с раздроблением семейств или без приписки к земле), ограничен круг лиц, имевших право владеть крепостными; дозволено последним, с разрешения „господ“, приобретать недвижимое имущество; предписано брать в казенное заведывание имения, в которых на крестьянина приходится менее $4^1/_2$ десятин земли; определены законом наказания, налагаемые помещиками на „провинившихся“ крепостных; наконец, издан в 1842 году „указ об обязанных крестьянах“, сходный с указом о „свободных хлебопашцах“, подобно ему не имевший обязательного значения и потому, в сущности, излишний.

Напуганное революционными событиями в Западой Европе (февральская революция 1848 г. во Франции и ее отражения в других странах, напр., в Венгрии, которую усмиряли русские войска), правительство Николая I в конце его царствования отказалось и от таких „частичных“ реформ, чтобы не „потрясать основ“, и ограничилось „устройством быта“ государственных крестьян.

Идеология.

Охарактеризованные выше явления должны были отразиться на идеологии николаевского общества тем более, что капиталистическая машина успела к этому времени

отслоить уже высоко-квалифицированную интеллигенцию, выходившую главным образом из Московского университета, который являлся в 1840-х г.г. центром русской культурной жизни. Тут-то и зародилась знаменитая горячая дискуссия „западников“ и „славянофилов“. Под толстым покровом глубокого и субъективно—вполне искреннего спора об истинности той или иной мудреной и туманной германской философской системы и о преимуществах романо-германской культуры или „самобытной“ славянской, под пышными фразами о величии Запада или о признании его „обширным кладбищем, где под нарядными мраморными памятниками спят великие покойники минувшего“, под неумеренной идеализацией надуманного „западного строя“ и еще большими восторгами по адресу вымышленной „русской старины“ и русских „начал“, подо всем этим можно вскрыть тот же самый спор промышленного капитала с торговым, правда очень осложненный и преломленный.

Весьма естественно, что при быстром развитии промышленности от „западничества“ ответвилось особое течение, которое можно обозначить, как русский утопический социализм. Первыми провозвестниками его были критик не только литературный, но и критик современности Белинский и, особенно, известный писатель Герцен, а впоследствии целый кружок молодежи, собиравшийся у Буташевича-Петрашевского, откуда и название „петрашевцы“. А. И. Герцен-Искандер, эмигрировавший (в 1847 году) за границу и издававший там журналы, из которых впоследствии наибольшую известность приобрел „Колокол“, был горячий приверженец пролетариата, пламенный поклонник народа. Он верил, что именно „с востока придет свет“, что русский народ призван сказать миру „новое слово“, что Россия „оправдает социализм перед лицом мира“, что „эта шестая доля земного шара со всеми своими народами, освобожденная от немецких колодок и лишенная воспоминаний, перекликнется с пролетарием-рабочим и пролетарием-батраком на Западе“.

При всем своем знакомстве с западно-европейским революционным движением и при всей своей революционной настроенности (от которой он, впрочем, в последний период своей жизни отказался) Герцен бы несомненным утопистом, так как

не усвоил классовой точки зрения и идеализировал русскую крестьянскую общину. Он считал ее ячейкой социализма, тогда как правительство поддерживало ее, как бронировку от социализма.

„Петрашевцы“ занимались изучением западно-европейской социалистической литературы, преимущественно Фурье, обсуждали вопросы об освобождении крестьян, свободе печати, преобразовании судопроизводства, нападали на строгости цензуры и административный произвол. Таким образом этот кружок, к которому принадлежал, между прочим, Достоевский, ограничивался лишь теоретическими рассуждениями о социализме и критикой существующего режима. Однако, безумно страшившееся социализма правительство усмотрело в нем „всеобъемлющий план общего движения, переворота и разрушения“. Петрашевцы были привлечены к суду и приговорены к смерти. Они должны были испытать все приготовления к смертной казни, и лишь перед самым приведением ее в исполнение им было объявлено о замене ее ссылкой.

Вообще интерес к социализму в России в 40-х г.г. был преимущественно теоретическим. Действительно, лишь очень немногие из русских критиков существующего строя решались перейти от слова к делу, да и то не у себя на родине, а за границей. К их числу нужно отнести М. А. Бакунина. Бурный анархист, участник германской революции 1848 г. и событий, связанных с Парижской Коммуной 1871 г., видный деятель и вместе с тем дезорганизатор I Интернационала, он резко отличался от своих русских товарищей теоретиков-одиночек. Даже самая выработка западнических идей досталась многим из них не без упорной борьбы. Так, напр., Белинский, под влиянием гегелевского положения: „все существующее— разумно“, которое он понимал в упрощенном смысле, проповедывал первоначально примирение с русской действительностью, долго уверяя себя, что „Россия без всякой политики может сделаться счастливейшей страной в мире“, и лишь постепенно выстрадал отречение от такого взгляда. В область теоретизирования загоняли русскую общественную мысль и цензурные условия: так, напр., ни в печати, ни на лекциях нельзя было касаться отношений между крестьянами и помещиками.

Однако этот цензурный запрет был снят экономическими условиями, которые поколебали даже торговый капитал в его приверженности к крепостному праву.

§ 24. Подготовка и проведение „реформы" 1861 г.

Революция хлебных цен.

Если изобразить русскую внешнюю торговлю хлебом в виде кривой, то эта кривая, как уже было сказано целый ряд лет имела ползучий характер, лишь изредка (в 1830, 1838 и 1839 г.г.) несколько вздрагивая вверх. Но в 1844, 1845, 1846 и 1847 г. г. она делает судорожные прыжки (вывоз пшеницы из черноморских портов 2.330.261 четвертей, 2.716.148 четв., 3.036.424 ч. и 5.066.183 ч.), они объясняются значительным поднятием хлебных цен (в 1844 году четверть ржи в Одессе продавалась по 4 р. 14 коп., в 1845 г.—5 р. 18 коп., в 1846 г.—5 р. 93 коп., в 1847 г.—8 р. 14 к.), что обусловливалось неурожаем в Западной Европе и особенно отменой в Англии хлебного закона (крайне стеснявшего ввоз туда иностранного хлеба). Естественно, что в связи с этим вспрыгнули и цены на внутреннем рынке. Обороты хлебной торговли оживились, увеличившись в течение трех лет (1851, 1852 и 1853 г.г.) в два с половиной раза.

Нападки на барщину.

Снова, как это было уже дважды (после приобретения черноморских портов, (см. § 16), и после снятия континентальной блокады, (см. § 19), забила хлебная горячка, снова стал во всей остроте вопрос об интенсификации сельского хозяйства, и на этот раз для маломальски мыслящих людей не могло быть сомнений, что при барщинном труде такой интенсификации не добиться. Факты вопияли против него: крепостное помещичье хозяйство давало дохода 8—10%, купеческое—с наемными работниками—15—20%, а иногда даже 50%; в черноземных губерниях земля, населенная крепостными крестьянами, ценилась иногда дешевле, чем ненаселенная; следовательно, крестьяне составляли не плюс, а минус (так как их все же необходимо было наделять землей, а ее было выгоднее эксплуатировать самому помещику наемными работниками). Далее, хотя цены на хлеб стояли высокие, хотя торговля им шла бойко, однако задолженность помещи-

чьих имений (притом наиболее хлебной черноземной полосы) не только не уменьшалась, но усиливалась. Это служило явным доказательством того, что промышлять хлебом нельзя, не влагая денежного капитала в хозяйство, тем более, что на международном хлебном рынке у русского торгового капитала появились соперники, в том числе, такой „буржуазный“, как Сев. Амер. Соед. Штаты. Итак, „денежный голод“ вновь, как в далеком прошлом (см. стр. 21), обуял русское дворянство.

Утолить такой „денежный голод“ можно было только путем продажи крестьянам „воли“ и клочков земли, которые не дали бы им возможности массами уйти на фабрики во славу промышленного капитала, а привязали бы значительную часть их к деревне для обеспечения землевладельцам дешевых работников и экономически-подневольных дорогих арендаторов. Так постепенно вырисовывались контуры будущей „реформы“. Они вырисовывались в официальных записках и в проектах некоторых помещиков, как коллективных, так и индивидуальных. Так, напр., еще в 1845 г. министр внутренних дел (Перовский) в своей записке утверждал, что „владельцы ныне уже не боятся утраты своего достояния от дарования людям свободы“. Около того же времени витебские, тульские и некоторые другие помещики составили свои проекты, в которых они, деликатно указывая на неудовлетворительность закона об „обязанных крестьянах“ (см. стр. 123), предлагали „дарование крестьянам совершенной свободы“, с предоставлением им очень незначительных наделов (обеспечивающим аренду земли у помещиков) и с установлением особого оброка за предоставленный надел, либо с выкупом его. Очень пространный проект финансовой операции по выкупу был представлен, напр., смоленским дворянином (Вонлярлярским) в ответ на предложение Николая I смоленской депутации „келейно“ обсудить крестьянский вопрос, так как, по его словам, „лучше нам отдать добровольно „свободу“ крестьянам, нежели допустить, чтобы у нас ее отняли“. Другой помещик, большой практик и делец (Кошелев), ретиво доказывал, что „охота пуще неволи“ (т.-е. вольный труд производительнее, чем подневольный), и настаивал, чтобы дворянство, для ограждения своих интересов, взяло на себя почин ликвидации крепостного права. Многие поме-

щики жаловались на „крайнюю обременительность“ прокорма крестьян во время неурожая.

Причины отсрочки ликвидации крепостного права.

Таким образом к 1850-м г.г. имелись налицо не только экономические предпосылки для уничтожения крепостного хозяйства, но даже некоторые проекты осуществления этого. И тем не менее дело затормозилось и даже на несколько лет замерло. Объясняется это тем, что оно натолкнулось на препятствие отчасти экономического, отчасти политического характера. Ведь торговый капитал мыслил ликвидацию крепостного права лишь в виде продажи крестьянам „земли и воли“. Однако он не был столь наивен, чтобы представить себе крестьян самостоятельными покупателями этих ценностей. Поэтому выход усматривался только в том, чтобы „выкуп“ произвела казна, которой затем предоставлялось взыскивать свои „затраты“ с „выкупаемых“. Но казна могла произвести такую грандиозную финансовую операцию не иначе, как при помощи „внешнего займа“, а этот заем был очень неприятен, так как он сулил известный контроль, грозил возможностью известных условий, тем более, что предполагаемый кредитор — западно-европейская буржуазия — был настроен весьма враждебно к „николаевскому режиму“. Не было у „правящих сфер“ также твердой уверенности и в полной „благонадежности“ своей буржуазии: глодало сомнение, как бы промышленный капитал, если он добьется „потрясения“ такого „устоя“, как крепостное право, не дерзнул бы покуситься и на иные „устои“. Противоречиво было также влияние крестьянских волнений: с одной стороны крайняя возбужденность крестьянства, принимавшая очень часто грозные формы, заставляла непрестанно вспоминать Пугачева и предпочитать, чтобы крепостное право было отменено „сверху“, а не „снизу“; с другой стороны, правительство опасалось, что „воля“ в том виде, в каком собирался наградить ею крестьян торговый капитал, вызовет еще большие волнения (еще в 1845 г. министр внутренних дел писал об „опасностях последствий свободы, зная необузданность народа, вышедшего однажды из своего обычного положения“).

Итак, промышленный капитал и экономически-передовые слои торгового капитала требовали ликвидации крепостного хо-

зяйства, найдя теперь, наконец, общие интересы, прежде всего, напр., в постройке железнодорожной сети, которая, требуя массы рабочих рук, должна была усиленно питать металлургию, а вместе с тем давала удобный транспорт торговому капиталу. Что же касается экономически-отсталых слоев, то они, по указанным причинам, смертельно боялись такой ликвидации. И вот снова, как почти сто лет назад (см. стр. 88), была сделана попытка подменить интенсификацию хозяйства экстенсификацией его, удовлетворить капитал и промышленный и торговый расширением рынка и опять за счет той же самой соседки Турции, во владения которой русский капитал привык прогуливаться всякий раз, когда ему было не по-себе. Найден был лозунг, конечно, очень возвышенный („восстановление прав православного духовенства в Палестине"), и в 1854 г. были оккупированы русскими войсками богатые турецкие провинции Молдавия и Валахия. Но, рассчитывая воевать с Турцией, русский капитал со всего маху налетел на коалицию сильных держав, оказавшихся союзницами слабой Турции. Полной неожиданности в этом не было: вмешательство Англии нужно было учитывать, так как со времени соперничества русского капитала с нею на азиатских рынках (см. стр. 119) и, особенно, со времени попыток России проникнуть в Афганистан и Среднюю Азию, в чем грезилась угроза Индии, Англия только и готовилась наброситься на Россию и не делала этого раньше лишь потому, что долгое время не могла найти традиционного „континентального солдата" (см. стр. 99). Теперь же такой солдат нашелся в лице Франции, промышленный капитал которой, после продолжительного соперничества с английским, примирился, наконец, с ним на некотором компромиссе. Совершенным сюрпризом для николаевской дипломатии была позиция Австрии. Николай I считал ее облагодетельствованной произведенным им „усмирением" венгерского восстания (см. стр. 123). Но Австрия свои торговые интересы на Дунае ставила выше чувств благодарности. Поэтому, когда на защиту Турции от Николая I устремились Англия, Франция и Сардиния (будущая Италия), Австрия не только не оказала ему поддержки, но, под угрозой своего вмешательства в войну, предъявила ряд ультимативных требований. Крымская или восточная война при

таких условиях приняла для России катастрофический характер: после чудовищных потерь (особенно под Севастополем) пришлось, по условиям Парижского мира 1856 г., отказаться от устьев Дуная, от права иметь военный флот и укрепления на Черном море и от преобладающего влияния в Турции. Вместе с тем Крымская война ярко обнаружила техническую отсталость крепостнической России и „политическую опасность" крепостного права: нельзя было бросить все военные силы на фронт, так как они нужны были внутри для „усмирения" крестьянских волнений; нельзя было прибегнуть к массовой мобилизации из опасения, что мобилизованные крепостные обратят свой штык против помещиков...

Итак, завоевание внешнего рынка не удалось, приходилось довольствоваться внутренним, да еще при тяжелых условиях, так как в придачу к тяжелому миру оказался еще „фритрэдерский" (т.-е. разрешительный) тариф. При таких условиях поднятие производительности народного труда было неизбежно.

Обсуждение крестьянской „реформы".

Вот почему с первого же года царствования преемника Николая I — Александра II началось „негласное" обсуждение способов отмены крепостного права, превратившееся в 1857 г. в „гласное". Оно происходило в ряде правительственных учреждений, в губернских дворянских комитетах (состоявших отчасти из выборных, отчасти из приглашенных правительством помещиков) и в печати. Лишь к началу 1861 г. были изготовлены „положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости", которые были утверждены 19 февраля ст. стиля.

Такая продолжительность обсуждения объясняется столкновением интересов не только промышленного и торгового капитала, но и помещиков разных районов, из которых одни особенно дорожили землей (черноземные губернии), другие — получением капитала в виде „выкупа" крестьян (промышленные губернии); одни предпочитали содействовать полной пролетаризации значительной части крестьян, другие стремились привязать их к наделам, чтобы не остаться без рабочих рук (малонаселенные губернии). Очень много было споров о размере надела, о способах предоставления его крестьянину, о „возна-

граждении“ помещика за прекращение крепостных повинностей, о юридическом положении крестьян после „освобождения“ и т. д. Большую путаницу внесло также то обстоятельство, что, в самый разгар обсуждения вопроса в губернских комитетах правительство изменило свои первоначальные „предначертания“ данные им в руководство, и стало проводить новую программу ликвидации крепостного „состояния“.

Содержание „положений 19 февраля“.

„Положения 19 февраля“ явились таким образом своего рода компромиссом между всеми указанными течениями. Содержание их сводится к следующему: 1) крепостные крестьяне (которых насчитывалось свыше 20 милл., из них муж. пола свыше 10 милл.) объявлялись „свободными сельскими обывателями“, т.-е. не представляющими более „господской собственности“, не подлежащими помещичьему управлению, суду и произволу, и имеющими по закону такие же права, как и остальное свободное население; они объединялись в „сельские общества“ (составлявшиеся из „освобожденных“ крестьян каждого помещика) и волости (из нескольких смежных сельских обществ), которые имеют свои собрания (сельский и волостной сходы) и своих выборных должностных лиц (сельский староста, волостной старшина, члены волостного правления и суда); 2) „освобожденным“ крестьянам предоставлялись в постоянное „пользование“ дворы и наделы полевой земли и угодий, отводимые на каждого крестьянина мужского пола в определенном для каждой местности размере; 3) за „пользование“ наделами с крестьян требовалась уплата определенного (также особого для каждой местности) денежного оброка (или отбывание барщины *); 4) крестьянам предоставлялось право „выкупать в собственность“ свои дворы, а сверх того, в случае согласия или требования помещика, также и наделы, причем последние могли выкупаться либо отдельными крестьянами-домохозяевами („подворное владение“, составляющее личную наследственную собственность), либо

---

* Обмер и отведение наделов и исчисление оброка должны были производиться в течение двух лет; до истечения этого срока крестьянам предписывалось пребывать в „прежнем повиновении помещикам“, власть которых была, однако, ограничена.

целыми сельскими обществами („общинное владение“, при котором общество распоряжается землей и разверстывает ее между домохозяевами); 5) правительство оказывает „содействие“ выкупу путем „выкупной операции“, состоявшей в выдаче помещику денежного капитала в таком размере, чтобы доход с него возмещал большую часть ($^4/_5$) оброка, который прекращался с выкупом двора и надела в собственность; 6) с крестьян, наделы которых выкуплены таким образом, требовалась уплата правительству ежегодно в течение 49 лет со времени выкупа „выкупных платежей“ в размере по 6 коп. за каждый рубль денежного капитала, выданного правительством при выкупе.

Истинная суть „воли“ и „положений“ не исчерпывалась указанными общими формулами и была гораздо более плачевной для крестьян. Во-первых, „освобожденные“ крестьяне превращались не в действительно свободных граждан, а в прикрепленных к сельскому обществу, главное назначение которого заключалось в том, чтобы отвечать круговою порукой за исправное выполнение всеми его членами их повинностей (напр., рекрутчины) и уплату податей; поэтому оно наделено было почти такою же властью над крестьянами, как прежде помещики; и должностные лица его (волостной старшина и сельский староста) являлись настоящими полицейскими начальниками над населением, вполне подчиненными начальству из дворян и обычно руководимыми волостным писарем,— в большинстве случаев,—плутом и хищником. Во-вторых, результатом „освобождения“ было крестьянское малоземелье и очень неравномерное распределение земли: „освобожденным“ крестьянам была отведена меньшая площадь земли (33.755.700 десятин), чем та, которою они пользовались при крепостном праве (35.197.000 десятин); к тому же были “отрезаны“ как раз те участки земли, без которых крестьяне не могли обойтись, и которые они, следовательно, должны были арендовать, „отрабатывая“ за это помещику; в различных местностях нечерноземной, черноземной и степной полос России был разный размер „душевого надела“, причем в первых двух полосах наделы были двоякого рода: высший и низший (равный одной трети высшего); в общем — размер надела на „душу“

колебался от 1 до 12 десятин, в среднем — $3^1/_3$ десятины на „душу“ или 8 десятин на семью; особенно сильное малоземелье произошло из-за того, что многие крестьяне соблазнились так называемым „дарственным“ наделом, т.-е. согласились взять у помещика даром (без выкупа) уменьшенный (равный одной четверти высшего), „нищенский“ надел; лесами крестьяне не были наделены, а бывшие „дворовые“ и вовсе не получили наделов*). В-третьих, крестьяне обрекались на самую жестокую эксплуатацию вследствие назначения чрезмерно высокого оброка (12, 10, 9, 8 рубл. за высший надел в разных местностях), значительно превышающего доходность надела, причем за низшие наделы приходилось платить не треть того, что полагалось за высшие, а гораздо больше**). В-четвертых выкупившиеся крестьяне обременялись очень тяжелыми выкупными платежами, которые, хотя и были несколько ниже оброка (напр., 7 р.20 к. вместо 9 р.), однако совершенно не соответствовали ценности выкупной земли (которая была оценена в $1^1/_2$ или 2 раза выше своей рыночной цены) и затратам правительства на выкуп (оно выдало помещикам процентных бумаг менее, чем на 600 мил., а получило с крестьян выкупных платежей за время с 1862 по 1906 г. на 1.541.204.500 рубл.); к тому же крестьяне сверх выкупных платежей платили еще подушную подать, „мирские сборы“, а также нередко и доплаты помещику (таких доплат не полагалось только в том случае, если выкуп производился по требованию помещика).

---

*) Из 10.531.600 крестьян мужского пола было наделено 10.050.200, из них 555.000 получили не свыше, чем по 1 десятине, 1.332.900 - от 1 до 2 десятин, 5.442 600—от 2 до 4 десятин, 2 239.200 —от 4 до 6 дес., 485.500—свыше 6 дес. В нечерноземной полосе высшие наделы колебались от 3 до 7 дес., в черноземной—от $2^1/_2$ до 6 дес., в степной от $6^1/_2$ до 12 дес.

**) Произошло это потому, что „освободители“ ухитрились изобрести такой способ вычисления оброка, при котором не все десятины надела облагались одинаково, а большая часть оброка падала на первые две десят. (в нечерноземной полосе за первую дес. нужно было платить половину оброка, за вторую четверть, за все остальные—последнюю четверть; в черноземной и степной полосе—за первую дес. 4 р., остальные 5 р. раскладывались равномерно на все другие десятины надела).

§ 25. Ближайшие социально-политические последствия „реформы“ 1861 года.

Крестьянские волнения. Весьма понятно, что крестьяне не могли быть удовлетворены объявленной им „волей“, тем более, что они ждали „полной“ воли с прекращением всяких платежей в пользу помещиков, с передачей им всей земли и лесов. Во многих местностях они отказывались нести барщину и оброк; производили порубки и дележ „господских лесов“. Правительство посылало войска для принуждения крестьян к „повиновению“ и для „усмирения“ их „волнений“, которых в течение двух лет (1861—1862 г. г.) было свыше 1.000 случаев (особенно крупные волнения происходили в селе Кондеевке Пензенской губ., куда собралась толпа в 10.000 человек под красным знаменем, заявлявшая, что „земля—вся наша“; страшное кровопролитие было в селе Бездна Казанской губернии, где волновавшихся из-за неправильного понимания „положений“ крестьян подвергли такому обстрелу что убитых и раненых оказалось 350 человек).

Тяжелое положение крестьян. Неорганизованным, в силу самих условий своего хозяйства (привязанность к индивидуально-обрабатываемому клочку земли), крестьянам пришлось надолго смириться и терпеть все тяжести своего положения. А оно было действительно до крайности тяжелым: „освобожденные“ крестьяне жестоко страдали от малоземелья, от податного бремени, от дешевизны своих рабочих рук и продуктов своего труда и от дороговизны нужных им фабричных изделий. Поэтому они оказывались в кабале у помещиков, у казны, у купцов и скупщиков, у фабрикантов. Владея меньшим количеством земли, чем при крепостном праве, терпя особенный недостаток в пастбищах, сенокосе, лесах, будучи лишены (до 1881 г.) права переселения, не имея средств на поднятие доходности своего хозяйства и на покупку земли, они вынуждены были арендовывать ее втридорога у помещиков и у кулаков или обращаться за ссудами в Крестьянский банк (учрежденный в 1883 г.), который брал огромные проценты и продавал землю по вздутой цене (напр., по 125 р. вместо 90 р.). К „земельной тесноте“ присоединялась тяжесть податей: оброк, а затем вы-

купные платежи (с 1881 г. выкуп был сделан обязательным), подушная подать, а после отмены ее (в 1886 г.)—новые земельные и земские налоги, поборы на содержание „мирских“ должностных лиц. Результатом этого было огромное накопление крестьянских недоимок, несмотря на самое жестокое „выколачивание“ их (наказание розгами целых деревень, отобрание имущества), что вынуждало правительство рассрочивать, пересрочивать и снижать платежи и неоднократно слагать недоимки, которых никакими мерами не удавалось собрать. Однако вместе с тем назначались новые поборы, так что в среднем на крестьянскую десятину земли падало в 6 или 7 раз больше прямых сборов, чем на десятину других землевладельцев (сперва 1 р. 33 к., а потом и 1 р. 51 коп. вместо 20 коп.). Крестьяне были обременены также косвенными налогами, т.-е. переплачивали за предметы широкого потребления, как заграничные, привозные (вследствие обложения их высокими пошлинами), так и русские; общая тяжесть всех налогов, падавших на среднюю крестьянскую семью, колебалась от 70 до 115 рублей. Отсюда вытекала необходимость для бедняков-крестьян кредитоваться у кулаков, торопиться продать хотя бы по самой дешевой цене свой хлеб скупщику, чтобы потом, в случае нехватки, купить его по более дорогой; вытекала необходимость за гроши наниматься на работу к помещику или искать хотя бы временного грошевого заработка в городе. Легко себе представить, как увеличивались еще страдания крестьян во время неизбежных, при низком техническом уровне их хозяйства, неурожаях, обрекавших огромные районы на страшный голод. (Так, во время голода 1891 — 1892 г. смертность в России повысилась на 400 тысяч человек).

Торжество торгового капитала.

Таковы были последствия „реформы“ 1861 г. для крестьянства. Это и неудивительно. Ведь указанная реформа явилась компромиссом между торговым и промышленным капиталом, нашедшими точку соприкосновения в своей общей заинтересованности, главным образом, в железнодорожной сети (см. стр. 129). Торговый капитал, несомненно, выиграл от „реформы“. В частности, значительная часть помещиков, сохранив за собой лучшую землю, обеспечив себя дешевыми рабочими руками крестьян, превратившихся

в „батраков с наделом“, и получив в качестве „выкупа“ солидные денежные капиталы, могла заняться интенсификацией своего хозяйства и извлечением из него прибыли. Да и вообще торговый капитал, действуя экономическим принуждением (в частности, налоговым прессом) в придаток к весьма еще заметным (при данном общественном строе крестьян) остаткам вне-экономического принуждения, мог даже успешнее эксплуатировать мелких производителей, чем при одном вне-экономическом. При том внутренний рынок все же расширялся. Далее, капитал выиграл и в другом отношении: „реформа“ 1861 г., разрушившая такой „устой“, как крепостное хозяйство, не могла остаться изолированной: она затронула также другие „устои“, повлекла за собой ряд буржуазных реформ.

„Буржуазные реформы“. Действительно, развитой капитал не мог больше терпеть прежнего, письменного, крайне неподвижного и насквозь пропитанного взятками и волокитою судопроизводства. И вот (в 1864 г.) проводится судебная реформа, 1) устанавливавшая гласность, устность и скорость судебного разбирательства, а также состязательность процесса (прения сторон обвиняющей и защищающей), 2) вводившая систему судебных учреждений с определенной подсудностью (мировые суды, съезды мировых судей, окружные суды, судебные палаты и сенат), причем в некоторых из этих учреждений активную роль играли не назначенные правительством лица, а представители общества, обладавшие определенным имущественным цензом, т.-е. представители крупной и мелкой буржуазии (мировые судьи, присяжные заседатели), 3) „провозглашавшая“ (но далеко не осуществлявшая) независимость суда от администрации и несменяемость судей.

Тогда же была проведена „земская реформа“, передававшая заведывание местными делами (к их числу относятся устройство и содержание местных путей сообщения, благотворительных и просветительных учреждений, продовольственное, медицинское, ветеринарное и страховое дело, заботы о развитии сельского хозяйства и промышленности, назначение и распределение повинностей и сборов на земские нужды, заведывание земскими капиталами и имуществами и т. п.) уездным и губернским „земским собраниям“ (с их исполнительными органами —

„управами“), состоявшим из выборных от частных землевладельцев, от городских избирателей (владельцев имущества в городе) и от уполномоченных, посылаемых крестьянскими волостными сходами. Конечно, и в „собраниях“ и, особенно, в „управах“ представители буржуазии (землевладельцев и городских собственников) безусловно преобладали над крестьянами.

Само собой разумеется, что торжествующий капитал потребовал финансовых реформ, а именно, централизации финансового управления, введения отчетности, принятия мер для установления равновесия бюджета (уравнения государственных расходов с доходами) и для перехода к твердому металлическому денежному обращению, а также реформ в области податного обложения.

Разочарованность промышленного капитала.

Главный выигрыш от „крестьянской реформы“ и ее „спутниц“ достался, однако, торговому капиталу, а не промышленному. Последний не получил от „реформы“ 1861 г. „свободного“, оторванного от земли рабочего, не получил и емкого внутреннего рынка. Вот почему непосредственно после реформы 1861 г. не наблюдалось быстрого развития промышленности. Так, напр., от 1867 до 1873 г. количество переработанного русскими фабриками ежегодно хлопка почти не увеличивалось оставаясь все около 3 мил. пудов. Быстрее развивалась металлургия, подняв выплавку чугуна с 19,8 мил. пудов в 1868 г. до 24 мил. в 1872 г., что объяснялось железнодорожным строительством, особенно оживившимся в период от 1868 до 1871 г. Внутренний рынок во всяком случае был неудовлетворительным и по исконной традиции пришлось искать счастья на внешнем. Границы России расширились путем окончательного покорения Кавказа (1864 г.), а затем путем многократных упорных экспедиций в область Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, которые привели к образованию колоссального Туркестанского генерал-губернаторства и к установлению фактического господства над Хивой и Бухарой. Туркестан с его хлопком сделался чрезвычайно важной русской колонией. Еще раньше русский капитал заглянул и на Дальний восток, оттягав от Китая Амурскую область и Уссурийский край. Нельзя было, конечно

забыть и излюбленного турецкого рынка, последняя прогулка на который окончилась плачевным Парижским миром. Правда, русская дипломатия аннулировала запрещение иметь военный флот и укрепления на Черном море. Но этого было мало: грезился Константинополь и проливы. И вот Россия готовится к новой войне с Турцией, которую и начинает в 1877 г. опять во имя „защиты и освобождения балканских единоверцев“. Но и эта война дала несравненно больше жертв, чем выгод. Русскому промышленному капиталу приходилось ждать лучших дней. Однако он достиг уже такой стадии развития, когда ему неизбежно должны были противостать обделенные и угнетенные им слои общества: с одной стороны, эта была разоряемая им мелкая буржуазия, с другой стороны — рабочие, слагавшиеся в мощный класс. Идеологически капитализму противостоял социализм. Как сейчас увидим, он должен был принять две формы: мелкобуржуазную утопическую и научную марксистскую.

ГЛАВА VIII.

Промышленный капитализм.

§ 26. Народничество и начало организованного рабочего движения.

Крестьянская страна, в течение веков знавшая не одно массовое крестьянское движение против угнетающих крестьянство производственных отношений, — такая страна должна была дать рано или поздно разработанную крестьянскую идеологию. Но запоздалое общее культурное развитие России, особенно же деревенская темнота, наложили на эту идеологию свою неизгладимую печать: идеологами явились не крестьяне, а далекие в своем большинстве от деревни интеллигенты. Если мы будем наблюдать психику крестьянина с XVII в. по 1917 год, то увидим в ней одну доминирующую, ничем не затемняемую красную нить: „земли и воли“ — вот чего мучительно жаждал русский крестьянин. Но как ее, эту „землю и волю“ добыть и удержать в своих руках, — этого он не знал. Правда, он бунтовал; правда, он мечтал об ином государственном строе. Однако его бунт направлен был против помещика, чтобы... самому стать помещиком; а „помещичий царь“ должен уступить свое место „мужицкому царю“... Производственные отношения в деревне, — несмотря на „мир“ и вопреки этому „миру“,—делали крестьянина индивидуалистом, т.-е. человеком, неспособным на длительную, организованную, массовую борьбу. Хлебный же рынок России, внешний и внутренний, принуждал его только завистливо глядеть на помещика и наиболее „способных“ из его среды продвигаться в мироедов, лишь своим количественным размахом отличавшихся от помещика и как две капли воды сходных с ним качеством.

Политическая революционность была чужда психике крестьянина, имевшего надел, и только полупролетарии и пролетарии деревни ждали толчка для революционного выступления.

Все перечисленные выше свойства крестьянской психики и деревенских производственных отношений были близки русскому интеллигенту 60—70-х годов XIX века. И интеллигент был индивидуалистом, и интеллигент был враждебно настроен против помещичьего (или буржуазного) царя, и интеллигент уже не раз бунтовал. Но интеллигент не имел под собой той незыблемой почвы в виде надела, какой обладал крестьянин; поэтому он являлся идеологом торгового капитала, промышленного капитала, наконец, социализма.

Народничество и было порождено одной из ветвей русской интеллигенции, будучи детищем интеллигентской и крестьянской психики. Но ни быстро развивавшаяся русская интеллигенция, ни русский крестьянин в своей массе не пошли по пути, указываемому народничеством. Оно осталось только неудачным опытом революции, стоившим много крови, закончившимся горьким разочарованием; оно привело вовсе не к той фантастической цели, какая представлялась его деятелям—к скачку из общины в полный социализм, — а послужило материалом для вполне реального течения: из его рядов вышли первые русские марксисты.

Уже в 1862—63 г.г. существовал основанный Серно-Соловьевичем тайный кружок интеллигентов „Земля и Воля“, название которого указывает на содержание его программы. Были кружки Чайковского, Долгушина и другие, занимавшиеся пропагандой. Роль пропагандистов-идеологов сыграли Чернышевский и Лавров. Появились последователи Бакунина (см. § 25), „бунтари“ или „вспышкопускатели“, как их называли. Вообще, 70-е годы породили ряд „хождений в народ“ интеллигентной молодежи, заканчивавшихся либо арестом „ходивших“, либо отходом от этого метода „революции“, как не дававшего никаких практических результатов. Пропаганда велась и в деревне и в городе, и везде она тесно связана с мыслью о спасительности для России деревенской общины (бывшей пережитком старины, обреченным на смерть, а вовсе не исходным пунктом,

способным разрастись в ячейку будущего общества) и с боязнью перед капитализмом, который Россия якобы может миновать в своем историческом развитии.

Первым крупным обществом народников была „Земля и Воля“ (1876—1879), расколовшаяся на „Народную Волю“ и „Черный Передел“. Здесь уже перед нами определенная программа, которую пытались провести в жизнь, и которая возбуждала дискуссии: из общины—прямо в социализм, перескочив через капитализм и пренебрегая политической борьбой. Разумеется, хождение в народ окончилось и у землевольцев неудачей: их речей о социализме деревня часто не понимала, вследствие своей культурной темноты. С одной стороны такая неудача, с другой—забрезжившее в сознании некоторых землевольцев понимание факта уже существующего в России капитализма привели к раздвоению „Земли и Воли“. „Народная Воля“ перешла к индивидуальному террору (покушений на одного Александра II организовано было семь). „Черный Передел“ занимался по-старому пропагандой, а затем распался, выделив из своей среды группу „Освобождение Труда“ (1883 г.; см. ниже). „Народная Воля“, неоднократно подвергавшаяся разгрому со стороны правительства, породила в конце концов (на рубеже XIX и XX в. в.) партию социалистов-революционеров.

Так отжило свой век старое народничество, пропитанное индивидуализмом (руководящая роль „критически мыслящих личностей“ Лаврова, анархизм Бакунина и Кропоткина, „герои“ среди „толпы“ Михайловского и пр.) и не сумевшее найти истинно-революционный метод борьбы, несмотря на весь беззаветный героизм и энтузиазм многих своих адептов. Крестьянство осталось глухо к его словам, а правительство не было им устрашено и не пошло на уступки, ибо народничество не было и не могло быть массовым движением, не опираясь на классовую борьбу, не признавая, что „всякая классовая борьба есть борьба политическая“. Составленное из индивидуалистов, действуя индивидуально, оно одиноко стоит в истории русского общественного развития на переломе двух эпох: помещичье-торгового и промышленного капитализмов.

Зато уже росший промышленный капитализм одновременно с народничеством породил и своего могильщика—рабочее революционное движение.

В течение двух пореформенных десятилетий численность русского пролетариата выросла в полтора раза. Последние три года этого периода (1878—1880) отмечены промышленным подъемом, а следующее затем десятилетие—застоем, постепенно переходящим с 1887 г. в пышный расцвет промышленности 90-х годов (см. след. §). Все это время положение рабочих было до крайности тяжелым: они на своих плечах выносили накопление промышленного капитала, давая до 60 % прибыли предпринимателям, живя в невероятно тяжелой обстановке и получая буквально гроши за 14—16 часовой рабочий день. Только в восьмидесятых годах появляется что-то в роде фабричного законодательства, запрещающего стачки, вводящего намек на фабричную инспекцию и в минимальных размерах охраняющего труд. В первые пореформенные полтора десятилетия стачек и забастовок сравнительно немного; движение происходит стихийно. Первая политическая демонстрация в Петербурге организуется при участии землевольцев (Плеханов) в 1876 г. Но на демонстрацию вместо ожидавшихся двух тысяч рабочих является всего 200 — 250 человек. Следующие затем стачки времени промышленного подъема связаны также с участием землевольцев. Годы депрессии вызывают уже бурные забастовочные волны, раскатывающиеся в различных промышленных центрах России, и побуждают правительство к фабрично-законодательному „творчеству“.

Параллельно создаются рабочие организации, частично связанные с народничеством, но уже нащупывающие правильные пролетарские методы классовой борьбы. Количество участников таких организаций все еще очень не велико: это только первые ласточки рабочего движения, предсказывающие скорую весну.

Как раз первая рабочая организация „Южно-российский союз рабочих“ стоит в стороне от народничества. Ее создатель, Е. О. Заславский, интеллигент, владелец типографии в Одессе, прекрасно понял пролетарскую психику и поэтому чуждался народников и оберегал от них организацию. Пер-

вые кружки рабочих были им созданы в 1872 г., а в самом конце 1873 г. они были объединены в союз. Заславский в уставе Союза близко подходил к уставу I Интернационала: „Рабочие могут достигнуть своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основою личного и общественного благосостояния... Мы, рабочие южно-российского края, соединяемся в один союз под названием „Южно-российского союза рабочих", поставляя себе целью: 1) пропаганду идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов, 2) объединение рабочих южно-российского края, 3) [организацию] для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком". Союз ведет пропаганду, устраивает ссудо-сберегательные кассы, библиотеки, кооперативы, организует несколько забастовок. В 1875 г. он был разгромлен правительством, когда число его членов достигло 150—200 человек. К суду было привлечено 39 человек, из них 35—рабочие и 2 интеллигента.

Один из членов „Южного Союза", слесарь В. П. Обнорский, после нескольких лет скитаний в России и за границей, оказался в 1878 г. в Петербурге и здесь, вместе со столяром-краснодеревщиком С. Н. Халтуриным, организовал „Северный Союз русских рабочих". Халтурин принадлежал к народовольческому кружку и, как народоволец, был деятельным террористом, вследствие чего и погиб в 1882 г. на виселице за участие в убийстве киевского прокурора Стрельникова. Но будучи народовольцем, Халтурин в то же время был одновременно и истинным пролетарием: он первый из народовольцев сознал необходимость и своевременность создания в России классовой пролетарской организации, первый подчеркнул основной ее метод борьбы — всеобщую забастовку.

Программа „Северного Союза" содержит такие места: „Сознавая крайне вредную сторону политического и экономического гнета... сознавая всю невыносимую тяжесть нашего социального положения... мы... пришли к мысли об организации обще-русского союза рабочих... В члены этого союза избираются исключительно только рабочие... Союз, тесно примыкая по своим задачам к социально-демократической партии Запада,

ставит своею программою: 1) ниспровержение существующего политического и экономического строя... 4) Правильную ассоциационную организацию труда... На нас, рабочие, лежит великое дело — дело освобождения себя и своих братьев... Знайте, что в вас заключается вся сила и значение страны, вы—плоть и кровь государства... За вами, рабочие, последнее слово, от вас зависит участь великого союза и успех социальной революции в России".

Северный Союз возник в несомненной связи с промышленным подъемом и развитием забастовочного движения. Подобно Южному, он успел привлечь около 200 членов, организовать библиотечную сеть и развить широкую пропаганду, когда в 1879—1880 г. г. сделался жертвой предателей.

Оба союза были первыми пролетарскими политическими организациями, в которых единичные интеллигенты тонули в сотнях рабочих. Даже чернопередельцы, по словам Плеханова, наблюдая Северный Союз, „оказались в положении высидевшей утят курицы".

Из среды чернопередельцев выходит первая марксистская организация, группа „Освобождение Труда" (1883 г.), созданная за границей Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, Л. Г. Дейчем, В. И. Засулич и В. Н. Игнатовым. В своей первой программе группа говорит: „Группа „Освобождение Труда" задается целью пропаганды социалистических идей в России и выработки элементов для организации русской рабочей социалистической партии... Совершаясь на началах „Международной Ассоциации Рабочих" [I Интернационал], организация эта имеет, однако, прежде всего в виду завоевание рабочими политического господства внутри каждого из соответствующих государств... Она должна немедленно взяться за организацию рабочих наших промышленных центров... [Группа] задается целью пропаганды современного социализма в России... Признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства... Ни мало не игнорирует крестьянства". Два последние цитируемые положения тесно связывают группу с народовольчеством, зато остальные—уже результат новой идеологии. В своих последующих программах группа отчетливо переходит к марксизму.

В конце того же 1883 года в Петербурге создается „Партия русских социал-демократов“ во главе с Д. Н. Благоевым, студентом университета. В течение 1884 г. эта группа вырабатывает свою программу, а в начале 1885 г. выпускает газету „Рабочий“. В своей программе благоевцы пишут: „Необходимо устремить усилия на то, чтобы... подготовить путь грядущему воцарению социализма, что возможно лишь путем вмешательства государственной власти в экономические отношения... Отмена частного землевладения и переход всей земли в государственную собственность; переход фабрик и заводов в руки рабочих ассоциаций... Организация политических форм государства на федеративных началах“. Как видно уже из этих пунктов программы, благоевцы стоят от марксизма дальше, чем даже первая программа группы „Освобождение Труда“

Между тем по всей России шло стачечное движение. С середины 60-х годов до середины 70-х около 20 т. рабочих принимало участие в забастовках, за годы промышленного подъема—около 35 т., в 80-х г. г.—свыше 80 т. Забастовочная волна растет все выше и выше, принимает все более определенные очертания политического выступления против царизма, тогда как раньше забастовки поднимались только из-за экономического гнета и невыносимой жизненной обстановки рабочих. При этом 80-е годы и в другом отношении дают иную картину по сравнению с предыдущим периодом: увеличивается количество случаев разгрома фабрик и учащаются вызовы войск для „усмирения“, сопровождающиеся, разумеется, кровопролитием. Рабочие самотеком устремляются в разнообразные кружки, даже секты. Одним словом, пролетариат настойчиво стучится в двери всякой организованности. Очевидно, наступил для него момент, когда сознание его передовых слоев начинает отливаться в твердые формы пролетарской идеологии, потому что бытие успело уже достаточно отстояться. Теперь не хватает только общего руководящего, направляющего начала в виде пролетарской политической партии. Мы увидим, что промышленный подъем 90-х годов приготовил все для этого необходимое—и расцвет промышленности, и численный рост пролетариата, и окончательное сформирование на этой почве идеологии.

Остановимся пока на наиболее ярком примере рабочего движения 80-х годов — на забастовке в Орехове-Зуеве на фабрике Т. С. Морозова в январе 1885 г. Текстильный кризис предыдущего года фабриканты решили возместить уменьшением расценок заработной платы и общим ухудшением положения своих рабочих путем повышения штрафов и понижения качества пряжи. На прядильно-ткацких фабриках Морозова уменьшение расценок с весны 1884 г. по январь 1885 г. производилось шесть раз, а штрафы доходили до 50% заработка. При средней заработной плате в 8—13 рублей в месяц на руках рабочего таким образом оставалось 4—6 рублей. 7 января с утра началась забастовка, в которой приняли участие 8 т. ч. и которой руководили рабочие П. А. Моисеенок (раньше член Северного Союза) и В. С. Волков. Несмотря на уговоры руководителей, бастующие портили материал и сырье, разгромили несколько квартир администрации фабрик и некоторые подсобные фабричные строения. 10 января около тысячи рабочих во главе с Волковым явились к приехавшему в Орехово владимирскому губернатору и предъявили ему требования рабочих: штрафы не выше 5% заработка, наем и увольнение рабочих согласно закону, выдача для рабочих доброкачественного сырья, „учредить государственный контроль, который уравнял бы заработную плату“, выдача жалованья в определенные сроки, увольнение нескольких служащих и мастеров и т. д. На следующий день было арестовано 53 рабочих, в том числе Волков. Когда толпа рабочих бросилась их освобождать, по ней открыли стрельбу войска. Было арестовано и выслано несколько сот рабочих. Привлеченные к суду присяжных рабочие были оправданы, так как вскрылась вся вопиющая картина эксплуатации их.

Этот приговор в связи с известиями об ореховской забастовке заставил правительство пойти на уступки рабочим против фабрикантов, особенно потому, что забастовочное движение в разных местах России в течение 1885 г. все ширилось. Как мы видели выше, появляется фабричное законодательство В законе 3 июня 1886 г. ясно просвечивают требования морозовских текстилей, предъявленные Волковым губернатору. Плеханов по этому поводу писал: „Рабочие должны благода-

рить за облегчение не начальство, а своих товарищей, которые добивались и добились отмены безобразных притеснений".

Таким образом к промышленному подъему 90-х годов рабочие уже научились „своею собственной рукой" бороться с капиталом и самодержавием. От Обнорского и Халтурина, через Моисеенка и Волкова русский пролетариат, еще почти неорганизованный, продвигается к Российской социал-демократической рабочей партии.

§ 27. Промышленный подъем 1890-х г.г.

В 1890 г. г. Россия окончательно становится страной промышленного капитала. Для этого была подготовлена вся необходимая почва: рост туземного и приток иностранного денежного капитала, соответствующая политика государственной власти, абсолютный и относительный рост количества наемной рабочей силы и т. д.

Посмотрим сначала, каких результатов за этот период достигла индустрия, отметив, что особенно заметным ее подъем делается с 1893 года.

Добыча каменного угля с 367 м. п. в 1890 г. повысилась до миллиарда пудов в 1900 г., при чем повышение это шло с неуклонной правильностью*). Добыча нефти выросла с 230 м. п. в 1890 г. до 610 м. п. в 1900. Таким образом увеличение весового количества потребляемого промышленностью топлива произошло немногим менее, чем в три раза. Железной руды добыто в 1890 г. 100 м. п., в 1900 г.—370 м. п. Выплавка чугуна, претерпев заминку в 1892 г., отливается в цифру 177 м. п. (изготовлено железа и стали 130 м. п.), в 1900 г. из цифры 55 м. п. в 1890 г., т.-е. достигает за десятилетие объема в $3^1/_2$ большего. Жел. дороги протянулись за это время на новые 2 т. в., дойдя до 50 т. в.; подобным же образом расширяется водный транспорт. Переработка хлопка с правильной постепенностью вырастает вдвое (с 8 до 16 м. п.); сырец рус-

---

*) При упоминаниях об угле, нефти, чугуне, хлопке, приросте жел. дор сети, хлебе — см. приложенную диаграмму.

ского производства понемногу вытесняет привозный (потребление русского хлопка достигает 38% с 27%). Если в 1890 г. бумаги было изготовлено на 19 м. р., то в 1900 г.—на 40 м. р.; сахару—30 м. п. и 48 м. п. и т. д.

Разумеется, растут в объеме и количественно и предприятия: число фабрик возросло на 26%, сумма производства—на 113%, численность рабочих—на 59%; всего к 1900 г. насчитывалось 38 т. промышленных заведений с 2.300.000 рабочих и 3.400 м. р. производства. Одних новых акционерных компаний было открыто 600; максимальная цифра за год (325 комп. с капиталом 363 м. р.) падает на 1899 год; прилив иностранных капиталов особенно усиливается с 1896 года, достигнув 69 иностранных акционерных компаний за 1899 г. Таможенный тариф 1891 г. во многих отношениях явился запретительным и был постепенно понижен, но русская промышленность успела его использовать.

Плодами промышленности (правда, главным образом, сельской) пользуется торговля: в рассматриваемое десятилетие вывоз в среднем за год в первое пятилетие оценивается в 625 м. р., во второе — 700 м. р.; ввоз — 470 и 600 м. р. Активный торговый баланс, таким образом, в среднем равнялся 125 м. р. в год, что дало, между прочим, возможность казне перейти в 1897 г. к золотому монометаллизму и прочно стабилизовать рубль, т.-е. поставить на твердое основание хозяйственный оборот.

Большой спрос на продукты сельского хозяйства стал предъявляться и со стороны быстро растущих фабрично-заводских центров, получавших хлеб из центрального и украинского районов, тогда как новороссийский и юго-западный снабжали внешний рынок. Этот последний постепенно делается менее выгодным, так как частью увеличивает свое собственное сельское хозяйство, частью перестает удовлетворяться низко-сортным русским хлебом.

Торговля фабрикатами развивалась в зависимости от тех же условий русской жизни, каким был подчинен сельскохозяйственный рынок. Высшим развитием торговли явилась биржевая торговля, когда в 1893 г. разрешены были сделки для всех бумаг, за исключением валюты.

Картина, на первый взгляд весьма „отрадная“: всякие хозяйственные блага обильно сыплются на рынок из шахт и заводов. Но не такой „веселой“ станет эта картина, если посмотреть на нее внимательнее и ознакомиться с тем, как она создавалась.

По подсчетам Ленина („Развитие капитализма в России“), занятия населения по данным общей переписи 1897 г. распределяются таким образом:

непроизводительного населения	6,9 м. ч.
полупроизводительного „	12,7 м. ч.
производительного „	125,6 м. ч.

Эти суммарные сведения разбиваются, в свою очередь, на следующие:

сельско-хозяйственное население	97,0 м. ч.
торгово-промышленное „	21,7 м. ч.
непроизводительное „	6,9 м. ч.

Далее, по классовому строению население таково:

крупная буржуазия, высшие чины и проч.	3,0 м. ч.
зажиточные мелкие хозяева	23 1 м. ч.
беднейшие „ „	35,8 м. ч.
пролетарии и полупролетарии	63,7 м. ч.

Наконец, не лишнее отметить, что за период 1863—1897 г.г. города росли вдвое быстрее, чем остальное население: все население увеличилось на 53 %, сельское—на 48 %, городское же на 97 %; в городах к 1900 году жило 13 %, в деревне — 87 % населения. „Развитие общественного хозяйства“, заключает Ленин, „при капитализме придется признать чрезвычайно быстрым“.

Остановимся еще раз на человеческом материале, попавшем к концу XIX в. в капиталистический котел, а затем перейдем к сельскому хозяйству, где также увидим внедрение капитализма.

„Отвлечение населения от земледелия выражается в России в росте городов (затемняемом отчасти внутреннею коло-

низацией), пригородов, фабрично-заводских и торгово-промышленных сел и местечек, а также и в неземледельческом отходе. Все эти процессы, быстро развивавшиеся и развивающиеся и вширь и вглубь в течение пореформенной эпохи, являются необходимой составной частью капиталистического развития и имеют глубоко прогрессивное значение по отношению к старым формам жизни" (Ленин).

Численность наемных рабочих (выше в цифру 63,7 м. ч. включены семьи) представляется, по Ленину, в следующем виде:

сельско-хозяйственные	3,5 м. ч.
фабрично-заводские, горные, железнодорожные.	1,5 м. ч.
строительные	1,0 м. ч.
лесное, земляное, железно-дорожное и т. п. дело	2 0 м. ч.
на дому	2,0 м. ч.

Итого около десяти миллионов наемных рабочих.

Откуда же взялись эти миллионы? В незначительном сравнительно проценте это—потомки таких же наемных рабочих предыдущей эпохи, и в огромном большинстве—невольные выходцы из деревни. О размере экспроприации крестьянства можно, между прочим, судить по количеству лошадей, бывших в обладании хозяйств разных размеров: за рассматриваемое десятилетие мелкие хозяйства (1—2 лошади) потеряли в пользу крупных (от 3 лошадей) 5%; кроме того, процент безлошадных поднялся с 27,3 до 29,2. Всматриваясь же вообще в положение крестьянства, мы видим, что уже резко намечено его расслоение на зажиточного крестьянина, ведущего товарное хозяйство, среднего крестьянина с крайне малым развитием товарного хозяйства и наемного рабочего с наделом. „Разложение крестьянства создает внутренний рынок для капитализма. В низшей группе это образование рынка происходит за счет предметов потребления. Сельский пролетарий, по сравнению с средним крестьянином, меньше потребляет, но больше покупает" (Ленин). Таким образом дифференциация крестьянства, будучи сама следствием развития капитализма, в свою очередь с двух сторон работает на капитализм: поставкой наемных рук и потреблением промышленной продукции.

Само по себе сельское хозяйство представляется в таком виде (данные независимо от рода землевладения). Сбор по 50 губерниям Европейской России:

	Пшеница	Рожь	Ячмень	Лен	Конопля	Табак
1890 г.	330 м. п.	985 м. п.	200 м. п.	38 м. п.	19 м. п.	3,2 м. п.
1895 г.	485 „ „	1110 „ „	280 „ „	59 „ „	36 „ „	3,3 „ „
1900 г.	530 „ „	1285 „ „	250 „ „	52 „ „	32 „ „	4,0 „ „

Средняя урожайность за десятилетие с десятины по четырем хлебам (пшеница, рожь, ячмень, овес) была на частновладельческих землях 47 п., на крестьянских—39 п. Из предидущей таблички вытекает следующий вывод: сбор всех указанных злаков возрос на 1/3; но зато цены на пшеницу и рожь (см. диаграмму) претерпели два резких скачка, первый из которых объясняется неурожаем, а второй—неурожаем, отливом населения в города в связи с промышленным подъемом и вывозом за границу. Потребление сельско-хозяйственных машин вырастает в $3^1/_2$ раза (с 8 до 28 м. р. в год), причем растет как собственное их производство, так и ввоз заграничных. Это обстоятельство с несомненностью свидетельствует о капитализации сельского хозяйства, превращая русскую ниву в хлебную фабрику. Растут и цены на землю, дойдя в среднем до 80 руб. за десятину при покупке через Крестьянский банк.

Прежде чем переходить к каким-либо дальнейшим выводам относительно русского сельского хозяйства, сделаем некоторые сравнения.

Потребление хлеба и картофеля в пудах на человека в год было во Франции 33,6, в Германии—27,8, в Англии—26,4, в Австро-Венгрии—23,8, а в России—17,1. Если при этом принять во внимание, что главным пищевым продуктом в России является именно хлеб, которого нужно для нормального питания 18 п. на человека, и что совершался большой вывоз хлеба (напр., 420 м. п. в 1900 г.), то вывод ясен: русский человек сильно не доедал, а порой (1890—92 г.г.) и основательно голодал.

Интенсивность русского хлебного хозяйства рисуется в таком виде. Средний сбор главных хлебов с десятины в год составлял в Англии 123 п., в Дании—110 п., во Франции—80 п.,

в Германии—78 п., а в России—45 п. Следовательно, русский землепашец не только хуже питался, но и больше работал из-за низкого состояния техники, получая за свой труд гораздо низшее вознаграждение, чем иностранец.

Итак, перед нами в деревне—господство товарного хозяйства. Крестьянин прочными нитями привязан к рынку, куда сбывает „излишки“ своего хозяйства для уплаты податей и приобретения фабрикатов. „Строй общественно-экономических отношений в крестьянстве“, пишет Ленин, „показывает нам наличность всех тех противоречий, которые свойственны всякому товарному хозяйству и всякому капитализму: конкуренцию, борьбу за хозяйственную самостоятельность, перебивание земли, сосредоточение производства в руках меньшинства, выталкивание большинства в ряды пролетариата, эксплуатацию его со стороны меньшинства торговым капиталом и наймом батраков“.

С одной стороны наблюдается задержка разложения крестьянства из-за распространенного влияния на деревню ростовщического и торгового капитала, а также из-за пережитков барщины — отработков. Однако, с другой стороны, отработки мало-по-малу исчезают: они заменяются вольнонаемным трудом, т.-е. вытесняются торжествующим все сильнее денежным хозяйством, а промышленный капитал ведет неустанную борьбу с торговым. Что же касается помещичьего хозяйства, то уже к началу рассматриваемого десятилетия в нем преобладает капиталистическая система. Оно стоит накануне превращения в хлебную фабрику. В крестьянстве мы видим также переход к предпринимательству: приблизительно половина батраков нанимается крестьянами.

Вообще, земледелие принимает торговый характер, что видно не только из роста сельского предпринимательства, но и из специализации его. Земля подвергается постоянной мобилизации, уходя из рук дворян (напр., в 1892 г. в 47 губерниях Евр. России дворяне владели 63 м. д., а через 10 лет—53 м. д.) главным образом к крестьянам (для того же периода цифры—16 м. д. и 23 м. д.); характер новых землевладельцев, разумеется, в огромном большинстве—мелкобуржуазный. „Рост торгового земледелия создает внутренний

рынок для капитализма“ (Ленин), а капитализм, в свою очередь, сильно поднимает аграрную технику.

Все землевладение в Евр. России к концу XIX в. распределялось так (Ленин. „Аграрный вопрос в России к концу XIX века“):

	Владений.	Десятин.
1) Разоренное крестьянство, придавленное крепостнической эксплуатацией . . .	10,5 м.	75,0 м.
2) Среднее крестьянство	1,0 „	15,0 „
3) Крестьянская буржуазия и капиталистическое землевладение	1,5 „	70,0 „
4) Крепостнические латифундии	0,03 „	70,0 „
Всего . .	13,03 м.	230,0 м.
Не распределено по размерам владений . . .	—	50,0 „
Итого . .	13,03 м.	280,0 м.

Но разложение крестьянства влечет за собою также рост мелких промыслов, находящих все необходимые предпосылки готовыми: свободные рабочие руки, денежные средства, рынок. Эти промыслы отливаются в формы мелкобуржуазных мастерских, очень скоро помимо семьи промышленника-крестьянина занимающих и наемных рабочих, причем численность этих последних постепенно возрастает. Крестьянские промыслы с неизбежностью нуждаются в „услугах“ скупщиков, т.-е. торгового капитала. Таким образом охват деревни торговым капиталом делается все прочнее.

Для довершения картины деревни 90-х г.г. упомянем о голоде 1891 г. и правительственных мероприятиях. Голод только подчеркнул тягость положения послереформенной деревни: он был необходимым выводом из малоземелья и из низкой степени состояния русской агрикультуры. На фоне же привычного недоедания крестьянина он был углублением этого состояния, а для промышленности дал большую резервную армию труда.

Из правительственных мероприятий укажем лишь некоторые, так как вся деревенская политика правительства строи-

лась под углом зрения интересов казны и дворянства, „опоры трона“. В 1889 г. создана должность участкового земского начальника, замещаемая обязательно дворянами. Земскому начальнику поручался надзор над крестьянским самоуправлением, с подчинением мещан, живущих в деревне, и крестьян, торгующих по купеческому свидетельству. Кроме административных обязанностей земский начальник нес и судебные. Крестьянское самоуправление сошло на-нет. В 1890 г. переформировано и земское самоуправление в духе преимущественного представительства интересов крупного землевладения. Волостной бюджет получал свои доходы только с крестьян, расходы же были всесословными. Крестьянские земли были обложены натуральными повинностями, по казенной расценке равнявшимися 4 — 22 копейкам с десятины взамен чегос помещичьей земли взималось $^1/_2$ — $1^1/_2$ копейки с десятины. В общем, обложение крестьянской земли равнялось в среднем 35% ее доходности, а частновладельческой — 5%.

Такова экономика последнего десятилетия XIX в. в России накануне мирового кризиса 1900 года. Промышленность быстро и пышно развивается, но на горизонте уже намечаются тучи. Торговля расширяет внутренний рынок и ищет новых внешних. Сельское хозяйство стоит на низкой ступени развития и пока удовлетворяет не хуже, чем раньше, потребностям внутри страны; но хлебные цены не могут быть названы устойчивыми, и это заставляет нервничать товаропроизводителей. Обнаруживается недовольство существующим положением не только со стороны пролетариата городского и сельского, но и со стороны крупной, средней и мелкой буржуазии. Но пока еще классовая борьба проявляется разрозненно, неорганизованно, с перерывами. Традиционные, привычные формы жизни прочно оковывают русское общество, и только отдельные единицы и небольшие группы его предвидят неминуемую схватку. Но когда и даже как разразится она — этого еще никто сказать не может. Первыми составляют свой боевой отряд рабочие, часть населения, наиболее придавленная торжествующим экономически капитализмом.

§ 28. Рабочее движение 1890-х годов.

В 90-х г.г. рабочее движение уже во многих случаях оказывается под руководством социал-демократов, пока еще не объединенных в партию, но неуклонно проводящих свою точку зрения, поскольку сами они не распадаются на различные течения (см. ниже). Спор между марксистами и народниками по основному вопросу о капитализме в России был окончательно решен в пользу первых после книг Плеханова „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“ и Ленина „Развитие капитализма в России“. Разумеется, и массовое движение пролетариата, выходящее из условий его быта и сознания, продолжает расти и шириться. Оно все более и более принимает облик „красного призрака“, ходящего по всей России и знаменующего собою формирующееся общеклассовое сознание. Если ранее спорадически попадались случаи поддержки рабочими разных предприятий друг друга (напр., в 1879 г. во время огромного столкновения ростовских рабочих с властями углекопы соседних копей в количестве 200 человек пошли помогать своим товарищам), то теперь пролетариат понемногу превращается из „класса в себе“ в „класс для себя“.

Эпоха кружков сменяется эпохой союзов и социал-демократических местных организаций. Уже к концу 1889 г. относится первая попытка такого общегородского союза в Петербурге, но в тот момент количество членов кружков исчислялось всего десятками. Длительной и деятельной организацией явился петербургский „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“ (1895—1897 г.г.), ведущий уже работу в массах. В 1894 г. возникает „Московский рабочий союз“, затем союзы по промышленным центрам России: в Н.-Новгороде, Иваново-Вознесенске и др. Точно так же раскидываются повсеместно и социал-демократические организации. И союзы и организации поддерживают между собою связь.

О превращении пролетариата в „класс для себя“ свидетельствует также празднование 1 мая, начавшееся в 1890 г. забастовкой в Варшаве и выпуском листка в Петербурге,

а с 1891 г. принявшее характер массовок и из года в год захватывавшее все большее количество мест и участников (исключение составляет один 1894 г.).

Что касается стачечного движения, то здесь мы увидим такие цифры: за 1890—1895 г.г.—245 т. ч., за 1896—1900 г.г.—415 т. ч., т.-е. вторая половина 90-х г.г. дает почти удвоенное число бастующих. Причины забастовок главным образом экономические, так как положение рабочих по сравнению с предыдущим десятилетием улучшилось весьма немногим. Для примера стачек 90-х годов остановимся на июньских „коронационных" забастовках 1896 г. в Петербурге. Забастовка началась 23 мая из-за отказа предпринимателей уплатить рабочим за дни коронации Николая II, когда предприятия стояли. Это было поводом: как сейчас увидим из листка, только и нужен был повод. 30 мая „Союз борьбы" выпустил листок: „1) Мы хотим, чтобы рабочий день у нас продолжался от 7 ч. утра до 7 ч. веч., вместо теперешних от 6 ч. у. до 8 ч. в. 2) Чтобы обеденное время длилось полтора часа, и таким образом весь рабочий день продолжался $10^1/_2$ ч., вместо 13 ч. 3) Чтобы расценки были повышены так, чтобы наши заработки не уменьшились бы" и т. д. А в листке 1 июня говорится: „Товарищи, будем помнить, что взоры рабочих всего мира обращены теперь на нас... Покажем и мы, что рабочий народ умеет добиваться исполнения своих требований". Эта забастовка охватила 35—40 т. ч. Вообще 1896 год дал 67 т. стачечников, 1897 г.—102 т.

Это нарастание стачечного движения, подобно морозовской стачке 1885 г., принесло с собой новый фабричный закон 1897 г., устанавливавший продолжительность работы днем в $11^1/_2$, ночью—10 ч., сверхурочной—120 ч. в год (фактически в разных местах существовал уже $9^1/_2$ и $10^1/_2$ ч. рабочий день). Но закон этот был позднее „разъяснен" циркулярами и инструкциями, понятно, в сторону ухудшения положения рабочих. Социал-демократическое движение рассматриваемого десятилетия разветвляется на три крупные линии: экономизм, революционное течение и легальный марксизм. Между идеологами этих течений идет ожесточенная дискуссия, не вполне примиренная и созданием в 1898 г. Российской социал-демо-

кратической рабочей партии. Но зато партия явилась уже ядром и авангардом пролетариата в его классовой борьбе с буржуазией, помогла пролетариату осознать свое положение в капиталистическом обществе и через огонь революции 1905 г. привела его закаленным бойцом к 1917 году.

§ 29. Кризис 1900—1903 года и подготовка русско-японской войны.

С осени 1898 г. в Зап. Европе стал намечаться денежный и кредитный кризис. Вздорожание на Западе денег отозвалось в России прежде всего на том, что русские банки повысили процент по ссудам, сузили последние; процентные бумаги понизились в цене. Но настоящий промышленный кризис в России начался с середины 1900 года. Быстро сокращается прилив в русскую промышленность иностранного капитала. Шедшая до тех пор круто вверх, кривая металлургии вдруг опускается в течение трех лет до своего положения в середине 1899 г. Добыча угля и нефти еще повышается в течение года, но затем замирает. Если в отношении абсолютных весовых цифр добычи в России нефти сокращение на протяжении 1900—1904 г.г. не особенно заметно, то в процентах к мировой добыче дело обстоит иначе: в 1901 г. у нас добывалось больше половины (53%), в 1902 г.—46%, в 1903 г.—42% и в 1904 г.—39%: нефтяники искусственно задерживают добычу, поднимая цены на нефть. То же самое наблюдается в области железнодорожного строительства: в 1899 г. было построено пять тысяч верст, в 1900 г.—3700 в., в 1901 г.—3000 в., в 1902 г.—1000 в., в 1903 г.—600 в. В хлопчато-бумажном производстве 1901 г. дает несколько меньшую цифру (16.123 т. п.), чем 1899 г. (16.126 т. п.), а 1900 г. стоит ниже (16.000 т. п.) предыдущего и последующего. Но зато повысились цены и на сырец и на фабрикаты, а предприниматели усиленно стали искать иностранных рынков. В металлургии выход был найден в виде организации (1902 г.) знаменитой „Продаметы“ — „Первого акционерного общества для продажи изделий русских металлургических заводов“. Русские заводчики приступили к использованию

заграничного опыта в деле монополизации рынка ради сохранения и повышения своих барышей за счет потребителя, кто бы он ни был—казна или частные лица. Примеру Продаметы следуют не вошедшие в нее металлурги, затем транспортники, угольные и текстильные промышленники и т. д.

Помимо синдицирования, промышленность успела заручиться содействием правительства. Министерство финансов называет кризис „только временным затруднением“ и усиливает ссуды промышленникам „по высочайшим повелениям“, вопреки уставу государственного банка и без полного отчета в них государственному контролю; казенные заказы предоставляются небольшой группе предприятий. В результате, несмотря на кризис, накопление туземного капитала обгоняет накопление иностранного, работавшего в России, обратно тому, как это было раньше: в 1893 1900 г.г. накоплено туземного капитала 215 м. р., иностранного—595 м. р., а в 1901—1904 г.г.—210 м. р. и 180 м. р., т.-е. в конце XIX в.—по 101 м. р. в среднем в год, а в начале XX в.—по 97 м. р. для обоих видов капитала вместе. Другими словами, промышленность в только что указанных мерах нашла противоядие против опустошительной работы кризиса.

В сельском хозяйстве шедшие к концу XIX в. вниз хлебные цены вследствие недорода 1900 г. и неурожая 1901 г. поднимаются, причем подъем для пшеницы продолжается всего 1 год, для ржи—главного продукта питания голодающей деревни—два года, и остаются низкими до 1904 г., когда возникает резкий подъем, завершающийся с 1908 г. не менее резким упадком. Вывоз хлеба, несмотря на внутренние события этой эпохи, растет: в 1900 г. было вывезено 420 м. п., в 1905 г.—почти 700 м. п. Растут потребление сельско-хозяйственных машин, цены на землю, средняя урожайность, сахароварение, табаководство, винокурение и т. д.

В такой экономической обстановке Россия ввязывается в печальную дальневосточную авантюру: в феврале 1904 г. начинается русско-японская война. Правда, честь первых выстрелов принадлежит японцам. Но в России все подготовлялось к войне, и об этом не могли не знать в Японии, а ждать, пока Россия достаточно подготовится, разумеется, не захотели.

Все войны России, включая XIX век, были продиктованы торговым капиталом: они шли ради рынков сбыта предметов потребления и получения потребительного сырья.

Промышленные войны характеризуются стремлением к захвату рынков производственного сырья и сбыта средств производства, а империалистические—рынков импорта капитала и монополизации всей (или главных частей) экономики завоевываемой территории; эта монополизация является для империалистической эпохи совершенно необходимой: это вопрос жизни и смерти, так как дальнейшее существование без расширения монополии грозит неизбежным крахом. „Империализм — та стадия развития капитализма, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел территории земли крупнейшими капиталистическими странами“ (Ленин. „Империализм, как новейший этап капитализма“). Таким образом русско-японская война типичная — и единственная в истории России — промышленная война, подготовленная индустриальным под‘емом конца XIX в. и стремлением возможно скорее ликвидировать кризис 1900—1903 г.г. „Капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства“, пишет Ленин („Развитие капитализма“). Следовательно, расширение границ свойственно всем видам капитала.

§ 30. Русско-японская война.

К началу войны на будущем театре военных действий у России было около 100 т. сухопутной армии, одна не вполне оборудованная крепость (Порт-Артур) и флот более сильный, чем японский, но разделенный на три эскадры и плохо подготовленный. Одна эскадра была уничтожена японцами в корейских гаванях в момент объявления войны, а две другие не могли помешать Японии перебрасывать войска в Корею. Русская армия получала пополнения крайне медленно и в малом

количестве по двум причинам: во-первых, сибирская ж. д. не была вполне закончена постройкой, во-вторых, правительство, боясь „внутренних волнений“, держало войска наготове в Европейской России. Кроме того, качество русской армии было во много раз ниже японской. Япония сразу бросила на войну свои лучшие войска, а Россия надеялась справиться с „макаками“ при помощи второсортных войск, укомплектованных запасными. Наконец, в течение нескольких месяцев сражения происходили в тех же местах, где десятью годами раньше японцы разбивали китайцев; поэтому японская артиллерия стреляла по заранее измеренным дистанциям, и вообще их армия прекрасно была знакома с местностью. Превосходство японцев сказывалось еще в постоянном численном перевесе на полях битв (за одним исключением: 15 июня на Вафангоу) и отличном укрытии артиллерии и пехоты. Таким образом, японская стратегия и сухопутная и морская оказалась гораздо выше русской.

В мае 1904 г. японцы отрезали Порт-Артур от полевой русской армии, а в январе следующего года он капитулировал и освободил блокировавшую его японскую армию для усиления главных сил врага. Крупнейшими битвами были поражение русских под Ляояном и на Шахе (сентябрь—октябрь) и под Мукденом (март 1905 г.). Последнее сражение оказалось решающим: Россия лишилась важнейшей стратегической базы, и войну следует признать с этого времени проигранной. Уцелевшая часть порт-артурского флота была сдана японцам; владивостокские крейсера, оставшиеся в половинном составе, были сильно потрепаны; балтийская же эскадра почти целиком погибла под Цусимой (27 мая 1905 г.). Русские укрепления на Вафангоу японский командующий назвал игрушечными; от Мукдена армия отходила по коридору из расстреливавших ее японских войск, ярко освещаемая по ночам пылающими интендантскими складами города и окрестностей и преследуемая на расстоянии более полутораста верст.

Портсмутский мир, подписанный 5-го сентября и ратифицированный 14-го октября 1905 г., явился с одной стороны результатом русских поражений, а с другой—невозможности для Японии использовать эти поражения, так как ей не уда-

лось заключить иностранных займов на продолжение войны: возможные кредиторы—великие державы были вполне удовлетворены ослаблением России и не желали большего усиления Японии.

По этому миру Япония получила южную половину Сахалина, Ляодунский полуостров, более 1000 верст железной дороги, проведенной русской казной, и денежное возмещение за содержание русских пленных. Об остальных „деталях" договорились в 1907 г.: Японии уступлена ст. Куан-Чензы с обширными копями прекрасного угля, питающего всю ж. д. и японский военный флот; по рыболовной конвенции Япония добилась не только права рыболовства в русских территориальных водах, но и добычи всех „продуктов моря, за исключением котиков и морских бобров", при чем эти продукты могли беспошлинно вывозиться в Японию в сыром и обработанном виде. Другими словами, русское тихоокеанское побережье превращалось в сплошную (за исключением 36 бухт) полосу японских поселений, шириною в одну версту, где японцы имеют право селиться и промышлять в неограниченном количестве. Договор о торговле и мореплавании предоставил русским и японцам одинаковые права. Безобидность этого договора только кажущаяся: широко развитая японская экономика обеспечивалась всеми средствами для вытеснения русской с Тихого океана.

Так „блестяще" русское правительство справилось с задачей овладения незамерзающими портами Тихого океана и уничтожения соперничества Японии в овладении Кореей и Китаем. Подобно Крымской кампании, русско-японская война поставила перед русским промышленным капиталом на очередь вопросы удовлетворения внутреннего рынка, ибо борьба за расширение границ оказалась России не по плечу. Да и внутри „победа" была, как известно, весьма проблематичной.

§ 31. Влияние русско-японской войны на хозяйство.

Война обошлась России в 300 т. ч. убитыми, пропавшими без вести, ранеными и 1.300 м. р. деньгами, не считая потерянного имущества и территории. Количество кредитных билетов возросло на 26%; внутренний заем дал всего 150 м. р.,

а внешние пришлось заключать с повышением учета на 2%. Торговля сильно пострадала вследствие подъема цен: напр., рожь, стоившая в 1903 г. 61 к. за пуд, в 1904 г. стоила 64 к. п., в 1905 г.—78 к. п.; пшеница: 80, 81 и 88 к.; нефть в Баку: 9 к. п., 15,2 к. п. и 18,4 к. п. Многие фабрики и заводы закрылись. Из окраин главным образом пострадали Сибирь и Польша: в первой наблюдается общий упадок хозяйства, во второй—фирмам был затруднен заграничный кредит. Необходимость обеспечить „дружественный нейтралитет" Германии заставила Россию заключить с нею торговый договор (1904 г.), обесценивший русский хлеб—главный предмет вывоза: в течение 10 лет этот договор обошелся России в несколько миллиардов рублей. „Услуги" С.-А. Соединенных Штатов в деле заключения мира понизили русские таможенные пошлины на ряд американских товаров.

Положение пролетариата в Петербурге было таково. Рабочий день в среднем продолжался 10 ч. 20 м. при средней же заработной плате 18 р. в месяц; к высшим ставкам заработной платы можно отнести около 20% рабочих, к низшим—около 50%. В провинции дело обстояло хуже.

12.300 т. крестьянских дворов владели 137 м. д. земли; больше половины дворов (6.200 т.) были обеспечены и землей и домашним скотом в недостаточном размере и только 2.200 т. дворов принадлежали к зажиточному крестьянству, но богатыми из них можно было назвать лишь 5% общего количества дворов.

Частное землевладение Ленин („Аграрный вопрос в России к концу XIX в.") характеризует так: „Технический прогресс капиталистического земледелия по сравнению с отработочным и мелким крестьянским намечается во всех направлениях вполне определенно. Но прогресс этот необыкновенно медленен для современной капиталистической страны".

Урожайность в 1891—1900 г.г. была на крестьянских землях 39 п. с десятины, на частновладельческих—47 п., в 1901—1910 г.г.—43 п. и 54 п., т. е. урожайность крестьянской земли повысилась на 10%, а помещичьей на 15%, при чем по абсолютной цифре среднего урожая крестьянин за 10 лет не достиг на 4 пуда прежнего уровня урожая помещичьих земель.

Война выхватила с фабрик и заводов сотни тысяч рабочих подорвала сотни тысяч крестьянских хозяйств, наложила на большинство населения новое бремя уплат по государственным займам и затрат на восстановление погубленного военного имущества. Вздорожание жизни шло рука об руку с только что указанными явлениями, будучи осложняемо безработицей. Крупная буржуазия в свою очередь не могла быть довольной перспективой поисков новых внешних рынков, не опираясь при этих поисках на военные силы государства, только что наглядно показавшие свою „подготовку" к нападению и обороне.

Так война осложнила хромавшую русскую экономику и выдвинула на поверхность общественного внимания вопросы социального и политического порядка. Скрытая, подавляемая до того времени классовая борьба, еще правильно не оформившаяся, покидает фабричные цеха, крестьянские избы и конторы предпринимателей, чтобы разыграться на улицах и полях по всему пространству России. Старый режим получил первую трещину, усилившуюся вследствие революции 1905—1906 г.г. и связанных с нею издержек. Правительство вынуждено искать новых опор, новых „опекаемых". Перейдем теперь к „конфликту производительных сил и производственных отношений", поскольку он проявился во-вне.

§ 32. Рабочее движение 1900—1905 г.г.

Кризис 1900—1903 г.г., как всякий кризис, отразился на положении пролетариата весьма печально: закрытие ряда предприятий и сокращение работы на незакрывшихся, разумеется, связывались с расчетом рабочих. Напр., в одном южно-металлургическом районе 20% действующей армии труда перешли в резервную. Наблюдается падение заработной платы. В результате разрастается и расширяется недовольство рабочих, а вместе с тем все прочнее укладывается в их сознании недостаточность и беспочвенность одной экономической борьбы. На очередь ставится борьба политическая.

Число бастующих неуклонно идет в гору: в 1900 г.—29 т. ч., в 1901 г.—32 т. ч., в 1902 г.—36 т. ч., в 1903 г.—87 т. ч. Помимо стачек устраиваются повсеместные и многолюдные

уличные демонстрации. Из стачек этого периода особенно крупной была осенняя стачка 1902 г. в Ростове на Дону, когда на 22 дня стали железнодорожные мастерские, и рабочие быстро перешли от экономических к политическим требованиям.

Подъем промышленности сопровождается первой всеобщей забастовкой юга России летом 1903 г., начатой бакинцами, подхваченной Кавказом, Крымом, Украиной и продолжавшейся в общей сложности без малого два месяца. Среди разнообразных голосов этой забастовки уже громко звучит политический голос: „Долой самодержавие!".

Бакинцы же в конце 1904 г. во время своей забастовки выставляют требования Учредительного собрания, „свобод", права праздновать 1 мая, восьмичасового рабочего дня и т. д.

К рассматриваемому периоду относятся опыты „полицейского социализма". Начальник московского охранного отделения Зубатов, с разрешения соответствующего начальства, в целях отвлечения пролетариата от социал-демократической пропаганды и получения руководства рабочим движением, создал в 1901 г. „Общество взаимного вспомоществования рабочим в механическом производстве" Москвы. Зубатов составил такой план: рабочие должны были получать минимальное удовлетворение своих экономических требований через „Общество"; для них организованы были кассы взаимопомощи, спектакли, лекции и т. д. 4 марта (19 февраля) 1902 г. состоялась манифестация членов „Общества" перед памятником Александра II и подан был всеподданнейший адрес. В манифестации участвовало до 50 т. ч. Такая внушительность манифестации, несмотря на ее цель, совершенно понятно, испугала буржуазию. Уже ранее недовольная „Обществом", она добилась у правительства закрытия его и отставки Зубатова (1903 г.).

Еще горшую участь пережил достойный ученик Зубатова Шаевич. Ему, создавшему в Одессе „Союз рабочих по металлу", пришлось участвовать в организации всеобщей забастовки летом 1903 г. После этого Шаевич был властями выслан.

Третий крупный опыт „полицейского социализма" привел к Кровавому Воскресенью. Вот как рисует его „Отделение по охранению порядка и общественной безопасности в С.-Пе-

тербурге": „Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга возникло из небольшого кружка рабочих, которые задались целью проявлять разумную самодеятельность честно, открыто и на легальной почве. По предложению организатора кружка о. Георгия Гапона было законтрактовано... помещение,... где с 30 августа 1903 г. и была открыта чайная... 11 апреля 1904 г. Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга официально открыло свою деятельность, согласно уставу, утвержденному министром внутренних дел 15 апреля 1904 г." К началу 1905 г. „Собрание" имело 11 отделов по несколько сот членов в каждом; оно привлекало к себе рабочих теми же средствами, что и зубатовская организация в Москве. Как оно закончило свое существование, мы увидим в следующей главе.

Положение рабочих в рассматриваемый период было очень тяжелым. Фабричные законы постоянно и повсеместно по всем статьям предпринимателями нарушались, и управы на них рабочим было найти негде: забастовки подавлялись войсками, а вести судебные процессы пролетарию было не по карману. Заработная плата, как мы видели в предыдущем параграфе, в среднем была от 15 до 30 р. в месяц, при чем высшую ставку получала приблизительно $^1/_5$ часть рабочих.

ГЛАВА IX.

Первая Русская Революция.

§ 33. Первые шаги революции.

Расчет на Путиловском заводе в декабре 1904 г. четырех рабочих по представлению мастера и отказ администрации принять их обратно на службу послужил поводом к забастовке на заводе, начавшейся 16-го января 1905 г. и привлекшей все 16 тыс. рабочих. На следующий день забастовал Нарвский район, 18-го — Невский, 19-го — Василеостровский и Выборгский, а к 20-му была готова всеобщая забастовка в 375 заведениях с 105 тыс. рабочих (офиц. сведения, на самом деле—до 150 т.). Конечно, причины забастовки были гораздо многочисленнее и глубже ее повода. Затянувшаяся неудачная война, связанные с нею кризис и дороговизна, общее тяжелое положение рабочих, связь последних между собою, благодаря гапоновской организации, и т. д.—вот те силы, которые создали Кровавое Воскресенье.

Однако, несмотря на всю эту группу причин, надо признать рассматриваемое событие явлением стихийным, так как оно было, во-первых, лишено правильного руководства, во-вторых, привело вовсе не к тем результатам, на которые рассчитывали его участники, в-третьих в заготовленной петиции к царю сплетаются самые разнохарактерные мысли, поспешно и неотчетливо формулирующие все, что наболело у каждого рабочего на сердце. Стоит ли, наконец, говорить о том, что с пролетарской идеологией событие почти не связано: приемов классовой борьбы в нем не видно. Это мечутся исстрадавшиеся люди, хватающиеся за любое средство, чтобы утолить свою боль, и не могущие еще определить ни причины болезни, ни лекарства против нее. И тем не менее Кровавое Воскресенье — первый момент революции 1905 года по

своему объективному значению; от него **ведет свое начало революционная классовая борьба.**

Шествие к Зимнему дворцу подготовлялось следующим образом. Еще в начале зимы Гапон, толкаемый различными силами внутри своей организации, а может быть и вне ее, предполагал устроить обращение к царю в день падения Порт-Артура. И хотя этого дня ждали давно, тем не менее даже петиция была изготовлена только 20-го января, т. е. за двое суток до шествия, а падение Порт-Артура (2 января) так и осталось неотмеченным каким-либо выступлением. Дело в том, что сам Гапон, разумеется, вовсе не мог, по своим личным качествам, играть роли революционного вождя-организатора, а большевики и меньшевики пользовались еще слишком незначительным авторитетом в широких рабочих массах. Поэтому наладить шествие в заранее намеченный момент было некому, и оно совершилось, как уже сказано, почти стихийно, в несомненной связи с происходящей забастовкой. О нем было известно в Петербурге всем заранее: рабочие отнюдь не скрывали своих намерений, а Гапон постарался во-время оповестить, кого следовало. Сделал он это, вероятно, по двум причинам: во-первых, „по долгу службы" в охранке, во-вторых, думая подействовать на правительство одной угрозой, при чем, в случае удачи этого шага, он сохранил бы, а может быть и увеличил свой авторитет среди рабочих. Различные круги населения Петербурга готовились к „9-му января" каждый по своему. Царь сидел в Царском Селе; гражданские власти уступили к воскресенью свое место военным; военные же составили план оборонительных и наступательных действий против шествия; группа „общественных деятелей" и писателей безуспешно пыталась предотвратить расстрел, обратившись к министрам внутренних дел и финансов с просьбой запретить шествие—их „петиция" была для „начальства" так же неприемлема, как и рабочая. С.-д. предупреждали рабочих о готовящемся расстреле и неизбежной бесполезности предстоящего шествия. В одной из своих прокламаций большевики писали: „В воскресенье перед Зимним дворцом—если только вас туда пустят—вы увидите, что вам нечего ждать от царя. И тогда вы поймете, что со стороны вам не принесут помощи, что

только сами вы сможете завоевать себе свободу". Однако, рабочие твердо решились на выступление, в огромной массе уверенные в том, что „он" (т. е. царь) не позволит стрелять в мирную безоружную толпу.

О чем же просили царя рабочие? „Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются... Нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол... Настал предел терпению: для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук... Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жалко этой жертвы—мы охотно приносим ее".

Петиция указывает „меры против невежества и бесправия русского народа", „меры против нищеты народной", „меры против гнета капитала над трудом", т. е. требует созыва Учредительного собрания, передачи земли народу, амнистии, гражданских свобод, отделения церкви от государства, нормальной заработной платы, восьмичасового рабочего дня и т. д.

Наступил солнечный, с легким морозом день—и уличный снег в нескольких районах столицы запестрел бесчисленными алыми пятнами. Убито было 1216 человек, ранено свыше пяти тысяч. Правительство поспешило похоронить убитых в рогожных мешках в братских могилах на загородном кладбище и занялось арестом всех „подозрительных", в том числе и нескольких лиц из „общественных деятелей", просивших его о воспрещении шествия.

В понедельник 23-го января с.-д. выпустили прокламацию, в которой писали: „К оружию, товарищи! Захватывайте арсеналы, оружейные склады и оружейные магазины... Свергнем царское правительство, поставим свое. Да здравствует революция, да здравствует Учредительное Собрание Народных Представителей!". Но власть была еще настолько сильна, а организованность рабочих слаба, что вооруженного восстания произойти в этот момент не могло. Ленин („Начало революции в России") оценил Кровавое Воскресенье следующим образом: „Пролетариат восстал против царизма... Самые неподготовленные, самые отсталые слои рабочего класса, наивно верившие в царя и искренно желавшие мирно передать „самому

царю“ просьбы измученного народа,—все они получили урок от военной силы, руководимой царем... Революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни... Правительству, может быть, удастся отсрочить час расплаты, но отсрочка только сделает более грандиозным следующий шаг революционного натиска... Лозунг геройского петербургского пролетариата: „Смерть или свобода!“ эхом перекатывается теперь по всей России“.

Действительно, в течение двух месяцев по всей России вспыхивают забастовки протеста, охватывающие около миллиона рабочих и местами переходящие в открытые кровавые столкновения с полицией и войсками. Учащается и террор (напр., 17 февраля в Москве убит с.-р‘ом Каляевым вел. кн. Сергей Александрович).

Правительство попыталось найти новые точки опоры, ища их в разных направлениях. Этим обстоятельством объясняется противоречие трех актов, опубликованных 3-го марта: в манифесте население призывалось „соединиться в подвиге одоления упорного врага внешнего, в искоренении в земле нашей крамолы“, в рескрипте на имя министра внутренних дел говорилось о решении правительства „привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений“, а указ сенату предписывал возложить на совет министров „рассмотрение и обсуждение поступающих от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния“.

Параллельно рабочим забастовкам, аграрные волнения, начиная с февраля и достигая максимума в июне, охватывают в течение весны и лета до 100 уездов (т. е. около 15% Евр. России). Крестьяне жгут и громят усадьбы, забирают из них хлеб, лес и т. д., требуют прирезки земли. 13—14 августа состоялся в Москве конспиративный учредительный съезд Крестьянского Союза, на котором присутствовало 100 представителей от 22 губерний, определивших задачи Союза следующим образом: „Настоящее бедственное положение крестьян

вследствие малоземелья, непосильных поборов и налогов со стороны администрации, неграмотность населения, его бесправие не могут быть исправлены настоящим чиновничьим государственным управлением, а для достижения всех намеченных благ народа и впредь до уравнения крестьян с остальными сословиями учреждается Всероссийский Крестьянский Союз".

Начинает все сильнее шевелиться и буржуазия. Если рабочие и крестьяне были недовольны существующим порядком по вполне понятным причинам, то недовольство буржуазии объяснялось, во-первых, неудачной войной, а, во-вторых, неумением правительства справиться с рабочими и крестьянами.

С проектами или требованиями реформ выступают различные слои буржуазии. Но и о них приходится сказать то же, что только что говорилось о пролетарской идеологии по поводу „9 января": идеология буржуазии тоже еще далеко не успела откристаллизоваться, и буржуазия не умела еще построить своих отрядов для выступления на поле классовой борьбы.

Начнем с крупной буржуазии. 8 февраля московские, а 9 февраля петербургские фабриканты обращаются к власти с указанием на „необходимость политического преобразования России", которое „в интересах промышленного роста империи", и в котором одинаково нуждаются и фабриканты и рабочие. То же самое было повторено фабрикантами 29 мая в „комиссии для обсуждения мер по упорядочению быта рабочих в промышленных предприятиях".

Земские и городские деятели высказываются на своих съездах, из которых особенно интересен съезд в Москве 6 июня, земский по форме, но с приглашенными на него городскими деятелями. Настроение этого съезда, собравшегося по случаю цусимского поражения, нашло свое выражение в адресе царю, где указывалось на необходимость созыва народного представительства. Адрес был 19 июня вручен Николаю II депутацией во главе с кн. С. Н. Трубецким, Родичевым и Петрункевичем, и на него царь ответил: „Отбросьте ваши сомнения. Моя воля—воля царская созывать выборных от народа—непреклонна". Такие же „милостивые" ответы получили и две дру-

гие депутации: депутация от совещания губ. предводителей дворянства (1 июля), которая просила о „союзе царя и старшего сословия, слитого со всею земщиной“, и депутация (4 июля) от „русских людей всех званий и состояний“ (т. е. попросту от реакционных слоев населения). Правительство, одним словом, держалось той же тактики, что и при опубликовании актов 3 марта.

Служащие разных рангов образовывают профессиональные союзы (первый в декабре 1904 г. инженеров и техников, остальные в марте—мае)—и опять-таки мы наблюдаем отсутствие классового самосознания, во всяком случае в дифференцированной форме: на ряду с союзами конторщиков и бухгалтеров, учителей, писателей и т. д., мы видим союз достижения равноправия еврейского народа в России и союз равноправия женщин. Все эти союзы, под влиянием всей окружающей обстановки не только принимают на себя защиту профессиональных интересов, но также выставляют более или менее радикальную политическую программу, вплоть до требования созыва Учредительного собрания на основе „четыреххвостки“ (всеобщее, прямое, равное и тайное голосование). 60 делегатов от 14 профессиональных союзов собрались 21—22 мая в Москве и создали „Союз союзов“, который в начале июня устами делегатов II съезда обратился не к правительству, а к „обществу“: „Всеми силами, всеми средствами добивайтесь немедленного устранения захватившей власть разбойничьей шайки и поставьте на ее место Учредительное Собрание“.

Этот радикализм буржуазии питался отчасти аграрным движением, но, главным образом, движением пролетариата, тем более, что различные попытки правительства справиться с последним ни к чему не приводили. Из таких попыток надо отметить одну, как наиболее показательную для определения правительственных приемов в этой области.

11 февраля, т. е. через три недели после Кровавого Воскресенья, была создана комиссия под председательством сенатора Шидловского для выяснения причин недовольства рабочих. В нее, на ряду с представителями правительства и промышленников, предполагалось привлечь и 50 депутатов от не-

тербургских рабочих. Но после того, как выборщики депутатов предъявили политические требования, составленные с.-д., комиссия была 5 марта закрыта: правительство поняло, что его намерение разговорами протянуть время ни к чему не приводит.

Рабочие между тем все более заостряли свой правильный подход к методам классовой борьбы. В этом отношении особенно яркими являются события в Иваново-Вознесенске, яркими по двум причинам: во-первых, они произошли в провинции, где общий культурный уровень населения ниже, чем в столицах; во-вторых, главными действующими лицами были текстили, тогда как обычно в авангарде рабочего движения идут металлисты.

25 мая, по призыву местных большевиков, началась забастовка, а через три дня забастовщики на общем собрании выбрали Совет Рабочих Депутатов из 110 человек. В этом акте сказалось понимание рабочими солидарности интересов всего пролетариата; этот первый у нас Совет Р. Д. явился вождем массовой борьбы рабочих с капиталистами: пролетариат встал на верный путь, ведущий к достижению его целей. Забастовка закончилась 30 июля частичным успехом: расценки были повышены в размере всего около 15%. Но важен не этот успех, а то, что пролетариат Иваново-Вознесенска выдержал правильную классовую линию в течение более, чем двух месяцев, и что он указал ту форму рабочего правительства, которую удалось вполне осуществить через 12 лет и которую искал еще Маркс.

Что касается главной опоры власти—войска, то и здесь наметилась серьезная трещина: с 27 июня по 7-е июля по Черному морю крейсировал под красным флагом один из лучших черноморских броненосцев „Кн. Потемкин-Таврический". Еще с весны начались (главным образом в Севастополе) митинги среди матросов и образовался матросский комитет. Предполагалось поднять восстание, когда флот выйдет в практическое плавание. Настроение команд было настолько повышенным, что комитет опасался взрыва по какому-либо случайному поводу. Так и вышло: „Потемкин" был на учебной стрельбе, и его матросы из-за испорченной пищи предъявили ряд требований к командованию судна. Офицер застрелил одного из

них (Вакуленчука), а вслед затем сам был убит. Матросы взяли управление броненосцем в свои руки. К нему присоединился миноносец № 267. Похороны в Одессе (где как раз шла забастовка в порту) Вакуленчука превратились в огромную демонстрацию, которой местные власти не решились воспрепятствовать, не надеясь на сухопутные войска. Команды остального флота при встрече в море с „Потемкиным“ приветствовали его криками „ура!“, а один из броненосцев, „Георгий Победоносец“, на несколько часов, также под красным флагом, присоединился к „Потемкину“. Таким образом заставить восставших на „Потемкине“ сдаться не удалось. Но с другой стороны и установить прочную связь с берегом „Потемкину“ было нельзя, так как не было еще соответствующих революционных организаций. Броненосец и миноносец ушли в Констанцу и там были сданы командой румынским властям. Команды обратились с „заявлением ко всему образованному миру“. В нем говорилось: „Наш общий девиз—смерть или свобода для всего русского народа. Мы требуем непременной приостановки бессмысленного кровопролития на полях далекой Манчжурии, мы требуем непременного созыва Всенародного Учредительного Собрания“.

По поводу происходивших в России событий Ленин в марте писал: („Пролетариат и крестьянство“): „Наша задача—никогда не сходить с классовой точки зрения и организовать теснейший союз городского и сельского пролетариата... Немедленное образование революционных крестьянских комитетов для всесторонней поддержки всех демократических преобразований и осуществления их в частности“. А в июне он еще определеннее формулирует революционную тактику и идеологию („Две тактики с.-д. в демократической революции“): „Рабочих не испугает мысль ни о том, что реакция собирается быть страшной, ни о том, что буржуазия собирается отшатнуться. Рабочие не ждут сделок, не просят подачек, они стремятся к тому, чтобы беспощадно раздавить реакционные силы, т. е. к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства“.

Таким образом, несмотря на возбуждение против правительства огромного большинства населения, волны русской

общественности ударяли не совместно в твердыню самодержавия, а врозь, и из них буржуазная волна готовилась уже спасть, когда (19 авг.) было опубликовано „Учреждение Государственной Думы“, составленное министром внутренних дел Булыгиным. По этому „Учреждению“ дума создавалась „для предварительной разработки и обсуждения законодательных предположений, восходящих, по силе основных законов, через гос. совет к верховной самодержавной власти“. Давая левой рукой законосовещательное народное представительство с очень высоким цензом, правительство правой рукой продолжало попрежнему давить революционное движение репрессиями. В ответ на это пролетариат ставит вопрос о вооруженном восстании, а „Союз союзов“ проектирует „массовые протесты“. В начале сентября высшие учебные заведения получили автономию. Это дало возможность превратить их аудитории в места для политических митингов, где дебатировались различные вопросы по подготовке революции. Периодическая пресса также заговорила более решительным тоном; кроме того, народилась обширная революционная брошюрная литература.

§ 34. Революция.

Колеблющаяся под правительством почва заставила его попробовать новые „сделки“ и „подачки“: в Петербурге было созвано „Совещание по пересмотру устава ж.-д. пенсионных касс“, которое объявило себя „Первым делегатским съездом представителей ж. дорог“. Правительство „не заметило“ этого превращения. Между тем в Москве распространился слух об аресте ж.-д. делегатов—и этого было достаточно, чтобы на Моск.-Каз. ж. д. началась забастовка протеста машинистов. Останавливается московский ж.-д. узел, затем одна за другой стали прочие дороги, а с 25 октября в Москве была налицо всеобщая забастовка, быстро разлившаяся по всей России. Движение уже идет целиком под политическими лозунгами: экономическая фаза была изжита. Правда, говорить о настоящем вооруженном восстании пока нельзя, несмотря на то, что в разных местах (Харьков, Екатеринослав, Одесса) воздвигались баррикады, обливавшиеся кровью защитников и нападавших: они возникали

слишком спорадически и были слишком кратковременны, а самое главное—не они, а именно всеобщая забастовка непосредственно вынудила правительство пойти на новую „сделку“— „манифест 17 (30) октября“. Ведь всеобщая забастовка приостановила на неопределенный срок нормальный бег жизни, и само правительство потеряло возможность ориентироваться в происходящем.

Манифест обещал „даровать населению незыблемые основы гражданской свободы... привлечь... к участию в думе... те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав... установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения государственной думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас [т. е. царя] властей“. Разумеется, обещания манифеста, как это видно хотя бы из его последних слов, не трогали самых основ существовавшего строя, и это было прекрасно выражено в передовой „Известий С. Р. Д.“: „Дана конституция, но оставлено самодержавие. Все дано, и ничего не дано“.

Петербургский С. Р. Д. организовался 25 октября сначала в числе 40 представителей. На следующий же день он предъявляет городской думе требования об урегулировании продовольствия рабочих, отводе помещений под митинги, о выдаче денег для вооружения пролетариата и т. д.

Правительство, совсем накануне издания манифеста, 27 октября, хочет опрокинуть революцию хотя бы в столице: ген.-губ. Трепов издает приказ войскам: „Холостых залпов не давать и патронов не жалеть“, а 29 окт. высшие учебные заведения были закрыты и оцеплены; Технологический Институт, где заседал С. Р. Д., обстреливается войсками. Шла перестрелка и в других местах.

К подобному же образу действий правительство возвращается уже на следующий после издания манифеста день: с 31 октября по всей России идет огромная волна погромов „революционеров“ всех видов. В противовес революционным демонстрациям организуются „патриотические“ манифестации, превращающиеся в избиение рабочих, земцев, учащихся, инород-

цев (евреев, армян). Так, в Тифлисе было убито 8 гимназистов, в Твери осаждено и подожжено здание земской управы во время митинга, в Томске здание ж.-д. управления, в Иваново-Вознесенске перебиты наиболее сознательные рабочие, руководившие стачкой, и т. д. В Одессе, по официальным сведениям, одних убитых было свыше 500 человек, а в общем число жертв октябрьской контр-революции исчисляется в несколько десятков тысяч человек убитых и раненых.

Параллельно погромам идет и развитие революции. В ноябре фактическим правительством в Петербурге является С. Р. Д.; устраиваются политические собрания и митинги, печать выходит без цензуры, открыто действуют социалистические партии, оживляется профессиональное движение. В войсках (Кронштадт, Киев, Севастополь, Сибирь и т. д.) происходят восстания. Солдаты и матросы требуют вежливого обращения, сокращения срока службы, свободы собраний в казармах и т. п. 26 ноября на Черном море вновь развевается красное знамя на „Очакове", „Потемкине", „Днестре" и др. Во главе восстания оказывается лейтенант Шмидт, отправляющий от имени черноморского флота царю телеграмму с требованием Учредительного собрания. „Прут", превращенный в каторжную тюрьму для матросов, был захвачен восставшими, и арестованные освобождены. Но 28 ноября восставшие суда были обстреляны другими судами и береговыми батареями. Началась расправа с „бунтовщиками".

Петербургский С. Р. Д. постепенно превращается в центральную организацию рабочего класса: к нему примыкают жел.-дорожный и почтово-телеграфный союзы, а союз союзов и крестьянский — устанавливают с ним связь.

Во многих городах возникают С. Р. Д., в Красноярске— „Объединенный совет депутатов от солдат и рабочих", в Чите— „Совет солдатских и казачьих депутатов"; в других местах ту же роль играют стачечные комитеты, делегатские собрания и т. д.

Деревня тоже охватывается революционным движением: в течение осени в 160 уездах (свыше 20% Евр. России) идет разгром помещичьих усадеб, увоз хлеба, стачки; новыми, по сравнению с летом, были разгромы казенных винных лавок, отказ от уплаты податей, смещение должностных лиц. Но все

это, в общем, совершается стихийно: крестьянству невтерпеж, оно не ждет и даже не ищет организованности, ибо враги— помещик и малоземелье — под боком. До сознания того, что „всякая классовая борьба есть борьба политическая“, оно еще не доросло.

В места наиболее сильного аграрного движения для его подавления были посланы генерал-адъютанты с чрезвычайными полномочиями; один из них (Сахаров) был убит с.-р.'ами.

Особенно трудно правительству было справиться с революционным движением в Прибалтийском крае и на Кавказе, где одновременно выступали город и деревня, объединяемые вдобавок национальной враждой к русской администрации.

К середине декабря реакция, можно сказать, одержала победу в Петербурге: последовательно были арестованы первый и второй президиумы С. Р. Д.; часть фабрикантов закрывает свои предприятия, отчего растет безработица и связанные с нею нужда и поиски куска хлеба среди рабочих; революционный энтузиазм городских масс падает *). Зато 21 декабря начинается московское восстание.

Расскажем о нем словами Ленина („Уроки московского восстания“, числа по ст. ст.): „7-е и 8-е декабря: мирная забастовка, мирные демонстрации масс. 8-го вечером: осада Аквариума. 9-го днем: избиение толпы драгунами на Страстной площади. Вечером—разгром дома Фидлера [войсками: здесь собрались дружинники]. Настроение поднимается. Уличная, неорганизованная толпа совершенно стихийно и неуверенно строит первые баррикады. 10-е: начало артиллерийской стрельбы по баррикадам и по улицам в толпу. Постройка баррикад становится уверенной и не единичной уже, а безусловно массовой. Все население на улицах; весь город в главных центрах покрывается сетью баррикад. Развертывается в течение нескольких дней упорная партизанская борьба дружинников с войсками,— борьба, истомившая войска и заставившая Дубасова [моск.

*) Но быстро складывается идеология пролетариата: когда через 9 месяцев после ареста происходил суд над С. Р. Д., то свидетели-рабочие массами заявляли о своей одинаковой виновности с подсудимыми, подавая покрытые сотнями подписей заявления о том же своих товарищей по предприятиям.

ген.-губернатор] молить о подкреплениях. Лишь к 15-му декабря перевес правительственных сил стал полным, и 17-го семеновцы [присланные из Петербурга] разгромили Пресню, последний оплот восстания.

„От стачки и демонстраций к единичным баррикадам. От единичных баррикад к массовой постройке баррикад и к уличной борьбе с войском. Через голову организаций массовая пролетарская борьба перешла от стачки к восстанию. В этом величайшее историческое приобретение русской революции, достигнутое декабрем 1905 г.“

Так окончилось неудачей последнее крупное пролетарское выступление, стоившее жизни двум тысячам человек. Разгул реакции был полный. Повсюду посылались карательные экспедиции, производившие расстрелы, экзекуции, налагавшие денежные штрафы, сжигавшие целые селения. 1 сентября введены военно-полевые суды для разбора дел, когда „учинение преступного деяния является настолько очевидным, что нет надобности в его расследовании“. За время существования этих судов (2 сент. 1906 г.—3 мая 1907 г.) по их приговорам казнено 683 человека. К середине 1906 г. в $^3/_4$ губерний было введено военное положение, усиленная или чрезвычайная охрана. Человеческие жертвы исчисляются десятками тысяч. Судами было приговорено к различным наказаниям около семи тысяч человек; арестовано, заключено в тюрьму (большею частью без суда), сослано на поселение, уволено со службы до ста тысяч. За полгода (октябрь—апрель) закрыто 130 газет. Только в одном отношении правительство пошло на уступку: создана была государственная дума и изменен состав государственного совета. Но что это была за уступка, видно из след. табл.:

Пол. партии и число членов их в %% в думах:	I	II	III	IV
Социал-демократы	3,6	12,7	3,4	3,4
Трудовики, социал-революционеры, народные социалисты	19,7	29,4	3,0	2,0
Ка-деты	37,4	18,2	11,6	13,3
Центр	18,4	23,5	44,8	45,1
Правые	—	4,5	32,9	34,7
Беспартийные	20,9	11,7	4,3	1,5

Вследствие высокого ценза и особых условий выборов, только во II-й думе, как это видно из таблицы, пролетариат и мелкая буржуазия смогли получить 42% мест; испугавшись даже этой цифры, правительство перед выборами в III-ю думу изменило избирательный закон (16 июня 1907 г.) таким образом, чтобы обеспечить большинство своим сторонникам или близким к ним партиям; и действительно, мы видим, что вся оппозиция, включая даже к.-д., обладала в думах двух последних созывов всего 18—19% мест. Дума сделалась ширмой для правительства перед заграничными биржами, без „услуг“ которых, как известно, царизм обходиться не мог. Вот и вся „уступка“.

§ 35. Экономические последствия первой революции.

В течение четырех лет (1906—1909) промышленность переживает депрессию, усиленную мировым кризисом 1907 года. Тяжелая индустрия, главным образом металлургия, дает причудливую кривую своего развития и только к 1910 году восстанавливает положение 1904 года. Сокращается производство особенно в 1906 году, а 1908 год дает более низкую цифру, чем 1907. Металлургия нашла временный выход в экспорте чугуна, железа, стали (благодаря, между прочим, пониженному экспортному тарифу было вывезено чугуна, железа и стали в 1906 г.—3 м. п., в 1907 г.—15 м. п., в 1908 г.—7 м. п.). Нефть, несмотря на медленное повышение добычи после огромного упадка в 1905 году, оказалась не в силах вплоть до 1910 года достичь своего уровня 1904 года, хотя, подобно металлургии, искала спасения в вывозе и усиливала его. Каменный уголь испытал падение, начиная с 1909 года, вследствие того, что его конкурентка—нефть—в 1908 г. понизилась в цене. Железнодорожное строительство продолжает с конца XIX в. неуклонно падать: во второе пятилетие XX в. было построено в 1½ раза менее дорог, чем в первое, а в третье—в 1½ раза меньше, чем во второе.

Легкая индустрия пострадала от депрессии не так сильно, как тяжелая, но и на ней сказалось сужение внутреннего рынка из-за неурожаев послереволюционных годов. Только урожаи

1909 и 1910 г. расширили рынок. Вообще же внутренний рынок начинает преобладать над внешним: увеличивается потребление сахара, тканей, резины и т. п.

В сельском хозяйстве все больший спрос находят искусственное удобрение и сельско-хозяйственные машины:

ГОДЫ.	Ввезено милл. пуд.	
	Иск. удобр.	С.-хоз. маш.
1907	9,3	4,7
1911	25,8	9,2
1913	26,7	7,5

Специализация сельского хозяйства видна из следующей таблицы вывоза:

ГОДЫ.	Пшеница.	Мясо.	Масло.	Яйца.
	(м. п.)	(т. п.)	(т. п.)	(м. шт.)
1905	290	455	2.400	2.990
1910	375	715	3.410	3.000
1913	200	1.270	4.730	3.570

Вместе с тем понизились арендные цены на землю и повысилась заработная плата наемных рабочих. Деревня переживает три неурожайных года (1906—1908). Дворянство торопливо продает землю; главным покупателем является крестьянство, разумеется, зажиточное, тогда как беднота усиленно переселяется (частично за границу), продавая свою землю тому же

зажиточному соседу. Вот размер переселенческого потока в Сибирь:

1904 г.— 36 т. ч.	1910 г.—610 т. ч.
1905 » — 33 » »	1911 »—190 » »
1906 »—200 » »	1912 »—170 » »
1907 »—580 » »	1913 »—250 » »
1908 »—760 » »	1914 »—400 » »
1909 »—600 » »	

Уменьшается количество домашнего скота: на 100 человек в 1905 году приходилось 22 лошади, 33,8 головы крупного и 62,6 мелкого скота, 10,1 свиней; в 1908 г.—21,4; 32,5; 60,8 и 9,5. Размер крестьянского землевладения к 1915 г. равен 175 м. д. Дифференциация крестьянства растет, получив новый сильный толчок к этому в аграрном законодательстве Столыпина. Растет и классовая борьба в деревне, готовясь к открытой схватке.

В ряду правительственных действий, направленных к упрочению всех видов капитала в противовес ожидавшемуся новому наступлению пролетариата и крестьянской бедноты, особенно останавливают на себе внимание законы о землеустройстве— „ставка на сильных“, созданные премьер-министром Столыпиным. Эти законы, уничтожая общину, в то же время способствовали интенсификации и товаризации сельского хозяйства, так как община с ее принудительным севооборотом и трехпольем сильно тормозила агрикультуру.

Указ 17-го марта 1906 г. установил продажу казенных земель на отруба; указ 22-го ноября того же года разрушал общину: им разрешался выдел из общины массовый и единичный; закон 27-го июня 1910 г. подвел итог предыдущей „землеустроительной политике“, рассчитанной на создание у нас „крепкого хозяйственного мужика“. В 1911 г. число продающих свои наделы равнялось числу укрепляющих, а в следующем— превысило в 1½ раза. Дело в том, что покупка хуторской земли производилась по вздутым ценам, и поэтому хуторянин был лишен оборотных средств, а часто также и выгона для скота. К 1915 году общинное землевладение уменьшилось на $^1/_3$; $^1/_3$ выделившихся из общины успела продать свои земли. „Крепкий“ мужик усилил (к 1 января 1916 г. выделилось 2½ мил-

лиона домохозяев) потребление у нас кровельного железа почти вдвое (с 13 до 25 м. п.) и сельско-хозяйственных машин в $2^3/4$ раза (с 40 до 110 м. р.), а „слабый“—на 20—30% увеличил количество пролетариата.

Ленин по этому поводу писал („На дорогу“, 1909 г.): „Столыпинская аграрная политика знаменует новый этап разложения старого полупатриархального, полукрепостнического царизма, новый шаг по пути превращения его в буржуазную монархию... Самодержавию пришлось создать представительное учреждение для определенных слоев буржуазии, пришлось эквилибрировать между ними и крепостниками, организовывать в думе союз этих слоев, пришлось проститься со всякой надеждой на патриархальность мужика и искать опоры против деревенской массы у богатеев, разоряющих общину“.

Что делалось для своего упрочения как самим крупным капиталом, так в его пользу и правительством—мы увидим ниже; пока только отметим, что межреволюционный период окончательно поставил Россию в ряд империалистических государств, предопределив и ее участие в мировой войне и события 1917 года.

Ленин заканчивает ту же свою статью такими словами: „Ни одного шага не может делать премудрый г. Столыпин, не приближая к падению эквилибрирующее самодержавие, не запутывая нового клубка политических невозможностей и нелепиц, не прибавляя новых и свежих сил в ряды пролетариата, в ряды революционных элементов крестьянской массы“.

ГЛАВА X.

Русский империализм.

§ 36. Консолидация капитализма.

На смену депрессии приходит промышленный подъем, когда кривая угля, чугуна, железо-стали и хлопка поднимается решительно вверх и дает в 1913 году рекордные цифры для всей истории России: 2.200, 280, 247 и 26 м. п. Параллельно идет и дальнейшая концентрация промышленности со всеми своими характерными признаками: лучшим техническим оборудованием и расширением существующих заводов и фабрик, а также теснейшей связью с банковым капиталом. Россия дорастает до империализма, когда для ее капитала делаются узкими границы государства. Так, напр., вывоз хлопчато-бумажных тканей с 595 т. п. в 1909 г. поднимается до 1.050 т. п. в 1913, т.-е. на 76%. Но главное—русская промышленность прочно синдицируется и трестируется, а русские банки делаются отделениями иностранных.

Возникновение первого в России синдиката гвоздильных и проволочных фабрикантов относится еще к 1886 году. Но в течение последующих двух десятилетий синдицирование идет все еще крайне медленно, хотя все больше охватывает самые разнообразные сферы производства. Цыперович („Синдикаты и тресты в России“) пишет: „С 1905 г. Россия решительно и бесповоротно вступила на путь полнейшей реорганизации в области экономических отношений... В течение короткого срока синдикатская форма организации сделалась господствующей в нашей торгово-промышленной жизни... Правительство с первых же шагов синдикатского движения в России заняло по отношению к нему примирительную позицию, нередко переходившую в благожелательное попустительство“.

В 1906 г. возникает „Продуголь“ с правлением в Париже, за ним другие угольные синдикаты. То же самое наблюдается

с нефтью. С 1908 г. „Продамета“ и другие металлургические синдикаты трансформируются постепенно в тресты под влиянием стремления парализовать конкурентов (напр., в 1907 г. возник „Продаруд“): к 1912 г. „Продамета“ отпускала от 75 до 95% (по отношению к общегосударственному отпуску) железных продуктов. С 1908 г. действуют „Медь“, платиновый трест и т. д. В транспорте мы видим первый волжский синдикат в 1906 г., с 1910 г.—волжско-камский. К началу мировой войны речной и отчасти морской паровой транспорт были синдицированы. Точно так же синдицируется и легкая индустрия (напр., с 1908 г. действует синдикат лодзинских хлопчато-бумажных фабрикантов, с 1912 г.—Всероссийский Мукомольный Банк, с 1912 г.—табачный синдикат, превращающийся в 1914 г. в трест, и т. д. и т. д.) и распространяются синдикатские щупальцы на сельское хозяйство (сельско-хозяйственные машины и т. п.).

Политическую роль синдикатов Цыперович характеризует так: „С наступлением войны наши синдикатчики, сделавшие предварительно все для того, чтобы ускорить ее, и поддержавшие самодержавие в борьбе с антимилитаристическими течениями, продолжали свою разрушительную работу. В течение короткого времени они успели подчинить своему влиянию различные цензовые общественные организации“.

Сращение банкового капитала с торгово-промышленным также именно в эту эпоху делается прочно установившимся фактом. Напр., в 1909 г. 35% хлебного вывоза из г. Николаева было совершено банками; в 1911 г. внутренняя хлебная торговля на 70% находилась в руках банков. В том же году „Продамета“ вновь закрепляет свое положение, будучи целиком подчинена четырем банковым группам, которые реализуют сбыт железа в таком процентном соотношении: немецкая группа—16%, франко-бельгийская—57%, русско-франко-бельгийская—19%, русская—8%; управление „Продаметой“ почти целиком принадлежит заграничным банкам. 70% добычи угля в Донбасе в 1912 году произведено франко-бельгийскими акционерными обществами. Продажа и добыча нефти и ее продуктов накануне войны, подобно электрическому делу, была концернирована почти полностью в мировом масштабе и т. д.

Сами банки сливаются по несколько русских в один, находясь в то же время, за единичными исключениями, в подчинении заграничным концернам. Вообще же иностранные капиталы вложены в русские предприятия приблизительно в таком размере: металлургия—500 м. р., банки—250 м. р., нефть—200 м. р. каменный уголь—100 м. р., рудные—60 м. р., электрические—100 м. р., химические—30 м. р., разные—260 м. р., т. е. всего около 1.500 м. р.

Государственный банк усиленно накапливает золотой запас и дает прочное обеспечение бумажным деньгам, что видно из следующей таблицы:

ГОДЫ.	Золота в Гос. банке.	Золота в обращении.	Кредитных билетов в обращении.
1905	880 м. р.	684 м. р.	854 м. р.
1907	890 » »	642 » »	1.195 » »
1910	1.174 » »	581 » »	1.174 » »
1913	1.328 » »	628 » »	1.495 » »
1914	1.528 » »	494 » »	1.668 » »

§ 37. Рабочее движение между двумя революциями.

Карательные экспедиции и вообще репрессии реакции обрушились, разумеется, прежде всего на неимущие слои населения: пролетариат и крестьянство. Наступившая вместе с тем экономическая депрессия давила в свою очередь.

1905 год дал 2.873 т. ч. бастующих. Далее по 1910 год стачечная волна спадает, вновь поднимаясь с 1911 года, и своего максимума достигает в первую половину 1914 года. В первомайских демонстрациях 1914 г. принимает участие около миллиона человек. Война со своей мобилизацией и военным положением придавила эту волну, а буржуазия вслед за объявлением войны постаралась обойти рабочих, устроив их пред-

ставительство в военно-промышленных комитетах: повторилось что-то в роде „полицейского социализма“.

Годы депрессии привели к колебаниям и среди социал-демократов: у меньшевиков возникает „ликвидаторское“ течение (легализация партии и „ликвидация подполья“) и антиликвидаторское (во главе с Плехановым); у большевиков—„отзовизм“ (отзыв депутатов-партийцев из государственной думы) и идея об использовании в революционных целях думской трибуны.

Роль, подобную роли Кровавого Воскресенья в событиях 1905 г., сыграл в период промышленного подъема накануне мировой войны Ленский расстрел рабочих. „Политические стачки и начало демонстраций по поводу Ленского побоища показывают нарастание революционного движения рабочих масс в России“, писал Ленин („Избирательная кампания в IV думу“). „Что демократический подъем налицо—это теперь неоспоримо“.

Промышленная депрессия 1906—1909 г. г. и реакция после первой революции сильно снизили забастовки, что видно из следующих официальных цифр, как всегда в таких случаях преуменьшенных: в 1907 г. бастовало 700 т. ч., в 1908—176 т., в 1909—64 т., в 1910—46 т., в 1911—200 т., в 1912—725 т. Несмотря на свою неточность, цифры эти дают правильную общую картину происходившего процесса: с 1910 г. начинается промышленный подъем и параллельно с ним—подъем рабочего движения. В конце этого года выходит первый номер „Звезды“, еженедельного органа думской с.-д. фракции; после перерыва летом 1911 г. газета начинает выходить под большевистской редакцией, завоевывает себе все большее и большее число подписчиков. А непосредственно вслед за Ленским расстрелом возникает „Правда“—широко поставленная рабочая газета.

Обратимся теперь к далекой Сибири.

Огромное „Ленское золотопромышленное т-во“, дававшее весьма крупный доход своим акционерам, иностранцам и русским (среди последних был целый ряд высокопоставленных лиц), платило рабочим 1 р. 35 к. в день за 12-ти часовую работу в тяжких условиях сибирского климата. В начале марта 1912 г. на одном из приисков „Лензото“ в Бодайбо забастовали

900 рабочих, предъявив 13 пунктов требований: повышение заработной платы на 30%, 8-ми часовой рабочий день и т. д. Иркутский губернатор, сообщая об этом министру, добавил, что необходимо „немедленное удовлетворение справедливых и закономерных требований рабочих". Тогда „ликвидировать" забастовку поручено было жандармерии. В ночь на 17-е апреля был арестован стачечный комитет, а когда на утро рабочие гуськом в глубоком снегу подходили в конторе т-ва, чтобы просить прокурора об освобождении арестованных, по ним была открыта стрельба, уложившая около 500 человек наполовину убитыми, наполовину ранеными.

На запрос фракции с.-д. в думе министр внутренних дел Макаров ответил: „Так было и так будет впредь". Рабочие же ответили на Ленские события волною забастовок, резолюций и демонстраций.

С 1-го мая 1912 г. по 1-е мая 1913 г. бастуют около 1.300.000 чел., за 1914 г. до объявления войны—свыше полутора миллионов.

Во время войны были разгромлены социалистические партии, а рабочее движение судорожно металось в тисках военного положения. Несмотря на крайне возросшую опасность политических выступлений, пролетариат все же вновь и вновь прибегает к забастовкам, которые растут в числе и объеме по мере хода войны и увеличения хозяйственного развала. Заработная плата отстает от быстрого вздорожания жизни, особенно сильно с 1916 года.

§ 38. Экономические предпосылки мировой войны.

Империализм (см. определение его Лениным на стр. 159) делается господствующей силой в международной политике с самого начала XX в. Мировая война, втянувшая в непосредственное участие свыше двух десятков государств и не только потрясавшая весь земной шар в течение четырех с лишним лет своих действий, но влияющая на него и посейчас, явилась крупнейшим порождением мирового империализма. Поэтому нет ни малейшего смысла говорить о том, кто именно был „виновником" ее, кто „нападал" и кто „защищался":

боролся четыре года весь мир, так как и нейтральные государства явно и тайно поддерживали экономически тот или другой лагерь, а то и оба вместе; если же сами нейтральные непосредственно в войну не ввязывались, то, разумеется, делали это потому, что рассчитывали и без того выиграть не меньше, а больше. Для лучшего выяснения международной экономической обстановки выделим только наиболее крупные государства; прочие участники войны в меньшем масштабе проделали то же, что и крупные.

Уже к началу XX в. в С.-А. С. Штатах пять миллиардеров управляли 16 миллиардами рублей, т. е. половиной всех банковских и промышленных капиталов Штатов. С 1907 г. на всем земном шаре, поделив его пополам, распоряжались два электрических треста: германский A. E. G. и американский G. E. C. К такому же положению приближались нефть и кали, паровой транспорт на суше и на воде, железо и взрывчатые вещества, цинк и платина и т. д. Главную роль в этой монополизации промышленности и торговли всего земного шара играют банки, в свою очередь объединяющиеся в огромные концерны: так, в С.-А. С. Штатах имелось два концерна, в Англии и Германии по 6, в России 5; в состав их входили все остальные банки данной страны и часть иностранных банков, и они держали в своих руках большинство акций всех предприятий.

Все колонии к началу XX в. также были разобраны капиталистическими странами (при этом Германии, как очень поздно вступившей на путь колониальных захватов, достались одни объедки, с чем она мириться не могла), и постепенно превращались в полуколонии Турция, Персия, Китай и т. п. Португалия находилась в полной финансовой зависимости от Англии, в Аргентине Англия и Германия имели в своих руках 46% торговли, так как поместили там соответствующее количество своих капиталов.

Что касается международной внешней торговли, то вот данные о ней за 1911 г. (См. табл. на 189 стр.).

Как видно из этой таблицы, главнейшие торгово-промышленные страны с годовым оборотом внешней торговли свыше одного миллиарда рублей занимали мировой рынок на

85,7%, предоставляя прочим всего 14,3%; все они, за исключением Голландии (испугавшейся участи Бельгии), и явились участниками войны.

	Миллиарды рублей.	%
Англия с колониями	16,83	23,9
Германия	8,87	12,6
С.-А. С. Штаты	6,95	9,9
Франция	6,60	9,3
Голландия	4,77	6,9
Бельгия	4,70	6,5
Россия	2,75	3,9
Австро-Венгрия	2,31	3,2
Италия	2,17	3,0
Аргентина	1,30	1,8
Швейцария	1,15	1,6
Бразилия	1,14	1,6
Китай	1,11	1,5
Итого	60,65	85,7

Вместе с доминирующим положением на мировом торговом рынке (49,7%) четыре главные европейские державы чрезвычайно усилили за 1887—1912 г. свою промышленность:

Страны:	Уголь.		Чугун.		Хлопок.		Увелич. в 0/0 за 25 лет.	
	Добыча мил. тонн 1912 г.	Увелич. в 0/0 за 25 л.	Добыча мил. тонн 1912 г.	Увелич. в % за 25 л.	Добыча мил. тонн 1912 г.	Увелич. в % за 25 л.	Ввоз.	Вывоз.
Англия	265	63	8	0	2,1	61	75	113
Франция	40	95	5	150	0,6	163	104	109
Германия	225	193	18	350	1,6	461	272	206
Россия	32,8	690	4,2	692	0,4	365	250	237

Из таблицы видно, насколько Германия и Россия быстрее развивали свою промышленность, чем Англия и Франция. Особенно привлекает внимание полная приостановка роста выплавки чугуна в Англии и недостаточный прирост добычи угля по сравнению с чугуном во Франции и Германии (для выплавки

1 тонны чугуна нужно 2 тонны угля), так как именно металлургия (и главным образом чугун) является в эпоху промышленного капитализма и империализма гегемоном индустрии. Рост потребления в %% разных продуктов таков (1880—1908 г.):

Страны:	Пшеница.	Хлопок.	Чугун.
С.-А. С. Штаты	14	19	22,5
Германия	49	127	186

Изготовление средств производства обгоняет изготовление продуктов потребления. Следует также заметить, что для нужд милитаризма и маринизма чугун и хлопок (выделка взрывчатых веществ)—самые необходимые продукты; а по отношению к России остановимся на колоссальном, идущем параллельно, увеличении добычи угля и чугуна.

Быстрый рост промышленности повсюду сопровождается ее концентрацией и покровительственными таможенными тарифами. Накопление капитала приводило к эмиграции его: напр., Германия вывезла 20% своих капиталов, Франция—75% и т. д., а в абсолютных цифрах к 1914 году было помещено за границей Англией 33 миллиарда рублей, Францией — 22, Германией—16.

Наилучшая обстановка для роста промышленности была создана в Германии: к 1910 году в городах жило 60% населения; Среднеевропейское Экономическое О-во, основанное в 1904 году, охватило своим влиянием Германию, Австро-Венгрию и Бельгию; в 1906 г. возникает Немецкий Восточный Банк для операций в Турции. Создается пароходная линия для ближнего востока (1904 г.), устанавливается прямой телеграфный провод между Берлином и Константинополем (1905 г.), а в 1911 г. подписывается соглашение между Германией и Турцией относительно постройки Германией железной дороги через Малую Азию до Багдада, что было прямой угрозой для Англии: облегчалась возможность нападения на Индию. Германская экономика получает прекрасную организацию, позволяющую ей успешно бороться с конкуренцией. На помощь организации являются особые приемы деятельности: развитие техники (особенно химии), институт комми-

вояжеров, промышленные секреты (напр., дешевая выделка медицинских термометров), подделка иностранных фабрикатов и т. д. и т. д.

Непосредственной подготовке к войне служили синдикаты военной индустрии: Крупп в Германии, Шнейдер во Франции, Армстронг в Англии и т. д. Эти синдикаты с помощью всевозможных средств воздействуют на политику своих и чужих стран в целях получения все больших и больших заказов на вооружение. За первое десятилетие XX в. ушло на военные расходы в Англии и России по 6,2 миллиарда рублей, в Германии—4,3, во Франции—4, а за последнюю треть века перед мировой войной во всех четырех государствах вместе—75 миллиардов рублей! Незадолго до войны парижская биржа обусловила русский иностранный заем требованиями: „Чтобы постройка стратегических линий, предусматриваемых в согласии с французским генеральным штабом, была предпринята немедленно; чтобы наличные силы русской армии в мирное время были значительно увеличены“.

Ближайшие цели победоносной войны рисовались ее главным участникам в таком виде. Англия, не могшая „мирным“ путем конкурировать с Германией, товары которой завоевывали рынки английских колоний и частично самое Англию, боялась дальнейшего усиления экономического, и следовательно, военного могущества Германии. Напр., с переходом в военных флотах к дредноутам, как к главнейшим боевым единицам, Германии удалось к 1914 году поставить отношение своих дредноутов к английским, как 10 к 16, тогда как раньше Англия поддерживала свой военный флот в таком размере, чтобы он был сильнее любых двух соединенных флотов. Отсюда естественно вытекало стремление Англии сокрушить соперницу. Франция добивалась возврата Эльзас-Лотарингии и приобретения Саарского угольного бассейна, так как ей не хватало собственного угля. Германия же, для завершения своего металлургического могущества, готовилась захватить французский железный бассейн Брией. Россия тянула свои руки к Босфору и Дарданеллам, а также к Галиции и Познани. Свободный выход из Черного моря стал особенно настоятельно необходимым для дальнейшего развития русского

империализма с 1912 г., когда из-за балканской войны Турция закрыла проливы, в результате чего русский хлебный экспорт резко упал, а параллельно этому Германия импортировала в Россию 7 м. п. своей ржи. С.-А. С. Штаты, страна наиболее крупных и многочисленных трестов, быстро заменяла устаревшую формулу XIX века: „Америка для американцев"— новой: „Весь мир для американцев". Наконец, чуть ли не все европейские державы сталкивались на Балканском полуострове и многие из них в Азии и Африке.

Таким образом, достаточно было в подходящий момент возникнуть любому поводу, чтобы загорелась международная неопределенно большого масштаба бойня. Поводом послужило убийство 28 июня 1914 г. австрийского наследника Франца-Фердинанда сербом Гаврилою Принципом. Но в эту минуту обстановка еще не доспела: нужно было кончить уширение Кильского канала для прохода немецких дредноутов, подготовить мобилизацию немецкой промышленности, сговориться русской и французской правящим сферам, нужно было русским дипломатам ввязать Турцию в войну против России, чтобы вторая, победив первую, могла захватить выход из Черного моря; нужно было Германии вторгнуться в Бельгию и этим поставить Англию перед угрозой дессанта; наконец (это уже относится к 1917 г.), для С.-А. С. Штатов нужно было дождаться достаточного истощения и задолженности Европы, чтобы постараться завершить войну наиболее для себя выгодным концом. Перед нами—голый, хладнокровный расчет, совсем такой же, как при решении вопросов: стоит или нет купить предлагаемый товар, пора ли завести новые машины, можно ли дать взаймы мало известному лицу? Количество убитых, неродившихся, искалеченных не так важно: резервной рабочей армии хватит еще очень надолго. Вот поэтому убийство Франца-Фердинанда отделено от дня первого объявления войны (Австрией Сербии) ровно месяцем. Дипломатия явилась послушным слугою милитаризма и маринизма, в свою очередь служивших видам финансового капитала. Вследствие этого изучать так называемые политические причины войны нет смысла: достаточно упомянуть, что после „мирной" эпохи последней трети XIX века наступает эпоха международных

конфликтов и международных соглашений в ожидании неминуемой схватки. Из этих соглашений самыми серьезными были тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия и Италия) с 1882 г. и тройственное соглашение или антанта (Англия, Франция и Россия) с 1907 г. Трещина в тройственном союзе появилась лишь за год-полтора до начала войны: Италия получила возможность, захватив у Турции Ливию, начать борьбу с Австро-Венгрией за Адриатическое побережье, и поэтому отказалась от союза и перешла к согласию.

§ 39. Мировая война.

В течение своего хода мировая война втянула в себя так называемый „четверной союз" (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария) и вместе с антантой два десятка государств. Со стороны первого наблюдалась хорошо организованная координация действий, вследствие центрального его положения на театре войны, тогда как у второй нападение и оборона часто совершались без взаимной поддержки. Война началась на русском фронте 1 августа 1914 г., на западноевропейском — 4 августа.

До декабря 1914 г. на русском фронте происходит маневренная война: противники наступают и отступают, совершают кавалерийские набеги и т. п. С декабря же начинается позиционная война в окопах. Через три месяца после начала военных действий у русских войск уже стал ощущаться недостаток снарядов, перешедший весною следующего года в недостаток всех видов военного снаряжения, даже винтовок. К концу 1914 г. русскими была занята часть Австро-Венгрии и потеряна часть Польши, а на Кавказском фронте состоялось вторжение в пределы Турции. На апрель 1915 г. падает наибольший успех русских в их нападении на Австро-Венгрию: фронт пролегает по Карпатам; зато в августе - сентябре русскую армию постигла катастрофа: она была оттеснена к Двине до Двинска, а от этого города фронт по меридиану протянулся до Буковины, оставшись таким же почти до конца войны. Несколько десятков тысяч человек русских войск было отправлено во Францию и на Галиполи для установления

„связи“ с союзниками. Летом 1916 г. произошло продвижение русских армий в Буковину, а на Кавказском фронте была занята турецкая Армения. Летом 1917 г. после неудачного наступления были оставлены русскими Галиция и Буковина. На море Россия потеряла броненосец, два крейсера и два миноносца. Только на Черном море русский флот мог играть какую-либо активную роль против слабой Турции.

В течение всей войны Россия в сущности играла служебную роль „оттяжного пластыря“ для своих союзников: она должна была отвлекать на себя удары четверного союза в моменты особенно острой опасности для антанты на западном фронте [1]).

Общая высота техники XX века сказалась и на способах ведения мировой войны: истребление противника и разрушение его территории были доведены до небывалой еще высоты совершенства. Бетонированные окопы, проволочные заграждения, газовые и огненные атаки, „ураганный“ артиллерийский обстрел, блиндированные поезда и автомобили, воздушная и подводная война—вот неполный перечень „новинок“ мировой войны. В результате для России мы получаем такие цифры: убитых $2^1/_2$ миллиона человек, прирост смертности 2.300 т. ч., убыль рождаемости 8.300 т. ч., итого свыше 13 миллионов человеческих жизней. Подобные же цифры и у прочих участников войны: напр., одних убитых на всех фронтах около 10 м. ч. В деньгах стоимость войны для России выражается так: военные расходы около 50 миллиардов рублей при довоенном национальном имуществе 120 мд. руб. и доходе 13 мд. р.

Ценою огромных потерь Россия к концу войны овладела частью Турции и лишилась большого пространства принадлежавшей ей раньше территории. Ни о каком достижении наме-

---

[1]) Мы касаемся в своем изложении только русских фронтов, так как излагаем историю России. В данном случае, называя войну „мировой“, мы погрешаем против формы названия, говоря лишь о России, для которой, как и для каждого участника войны, последняя была империалистической. Но, помимо мировой, было, как известно, еще несколько империалистических войн, в силу чего мы сочли лучшим избрать для войны 1914 г.—1918 г.г. название „мировой“.

ченных перед войной целей говорить не приходится, тем более, что с осени 1917 г. власть империализма в России пала, а следовательно, установились и новые задачи в дальнейшем историческом развитии страны.

Военные тяготы привели к разложению русской армии: к февральской революции насчитывалось около миллиона дезертиров, к октябрьской число их удвоилось. Все усиливавшаяся экономическая разруха (см. ниже) также ставила предел дальнейшему ведению войны. Нужно было вернуть к мирному труду огромное количество мобилизованных, составлявших по отношению к трудоспособному мужскому населению в 1914 г.—15%, в 1915 г.—25%, в 1916 г.—35%, в 1917 г.—37%. А главное, утомление населения России войной и пробужденное классовое сознание рабочих и крестьян поставили перед советским правительством задачу немедленного ее прекращения. Первым законом советской власти, единогласно принятым 8 ноября 1917 г. 2-м Всероссийским Съездом Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, был декрет о мире, которым предлагалось „всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире. Справедливым или демократическим миром... правительство считает немедленный мир без аннексий и без контрибуций... Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира... Рабочие [Англии, Франции и Германии] всесторонней решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации“.

Державы антанты не откликнулись на декрет о мире. Четверной же союз начал в Брест-Литовске несколько раз прерывавшиеся мирные переговоры, завершившиеся 3 марта

1918 года подписанием договора между ним и Россией, сопровождавшегося экономическим соглашением между Германией и Россией. Мирный договор устанавливал следующее: „Договаривающиеся стороны будут воздерживаться от всякой агитации или пропаганды против правительств или государственных и военных учреждений другой стороны (статья II). Области, лежащие к западу от установленной договаривающимися сторонами линии и принадлежавшие ранее России, не будут более находиться под ее верховной властью... Германия и Австро-Венгрия намереваются определить будущую судьбу этих областей в согласии с их населением (ст. III). Округа Ардагана, Карса и Батума незамедлительно будут очищены от русских войск (ст. IV). Россия незамедлительно произведет полную демобилизацию своей армии (ст. V). Россия обязывается немедленно заключить мир с Украинской народной республикой и признать мирный договор между этим государством и державами четверного союза (ст. VI) [1]. Договаривающиеся стороны взаимно отказываются от возмещения своих военных расходов (ст. IX)".

Экономическое соглашение между Россией и Германией возобновляло по существу довоенный договор этих стран и постановляло, что „подданные одной из двух договаривающихся сторон, которые поселились на территории противной стороны или временно на ней пребывают, пользуются в своей торговой и промышленной деятельности теми же правами, как и коренные жители, и не подлежат более высоким и вообще особенным налогам".

Тяжесть Брестского мира вызвала прения на 7-м съезде партии, при чем определилось три точки зрения: за мир (во главе с Лениным), против мира и против войны, и наконец—за войну. Победило первое мнение, которое было Лениным обосновано в его речи на съезде следующим образом: „У нас армии нет, а приходится продолжать жить рядом с хищником, который вооружен до зубов... Сейчас мы, подписавши мир, имеем передышку, мы пользуемся ею для защиты отечества лучше, чем

---

[1]) Украинская Рада заключила с Германией мир в январе 1918 г.; мир Р. С. Ф. С. Р. с Украиной был заключен в июне.

войной... Разве позорен договор? Да меня оправдает всякий серьезный крестьянин и рабочий, потому что они понимают, что мир есть средство для накопления сил. История скажет, кто прав... Я нарочно назвал мир Тильзитским, хотя мы не подписали того, что было там".

4-й Всероссийский Съезд Советов утвердил договор, а ноябрьская революция в Германии позволила аннулировать его (декретом ВЦИК'а 13 ноября 1918 г.).

ГЛАВА XI.

Вторая и третья революции.

§ 40. Мировая война и хозяйство.

Само собой разумеется, что война отозвалась на русском хозяйстве крайне болезненно. Если в начале войны говорили о его „расстройстве", то под конец стали кричать о „развале" и „разрухе". Война заставила создать ряд производств для своего обслуживания, зато сократила, извратила или уничтожила многое множество предприятий, снабжавших рынок предметами потребления и средствами производства. Так, по официальным сведениям, за три первые месяца войны закрылось 500 и сократило производство 1000 фабрик. Война необычайно подняла промышленную прибыль: в 1915 г. банки получили на 30% прибыли больше 1914 года, металлургия— на 65%, текстиль—на 60%, сахароварение—на 120% и т. д. В 1916 году прибыль продолжает расти: в металлургии, главным образом обслуживавшей войну, она колеблется от 60 до 400%, в остальных видах промышленности меньше: от 50 до 100%. Зато война отняла у промышленности почти полностью возможность восстанавливать оборудование как производственных предприятий, так и транспортных (напр., эксплуатационная длина железных дорог, равнявшаяся до войны, 64 т. в., свелась в 1917 году к 50 т. в.): слабое русское машиностроение замерло, а ввоз крайне сократился. Производительность труда из-за понижения квалификации рабочих и износа машин падает чрезвычайно: напр., в 1913 г. на одного рабочего приходилось 180 п. выплавки чугуна, в 1917 г.—120 п.; угля 765 п. и 450 п. и т. д. Чуть не с первых же дней войны все выше и выше вздымается дороговизна жизни, форсируемая пышно расцветающей спекуляцией, а заработки трудовой части населения все меньше и меньше в состоянии удовлетворять потребностям: к маю 1917 г. цены на предметы широкого

потребления поднялись в $2^1/_2$—3 раза. Свыше половины всего производства идет на военное истребление.

На промышленности влияние войны прежде всего сказалось в области снабжения ее топливом. В 1913 году было ввезено из-за границы 468 м. п. угля, что вместе с русской добычей (2.200 м. п.) составило 2.670 м. п. „промышленного хлеба"; добыча нефти осталась почти без изменения. Война не только прекратила ввоз угля, но отняла и Домбровский бассейн, поэтому мы видим, что кривая угля с 2.670 м. п. в 1913 г. падает в 1914 г. на 1.700 м. п., в 1915 г.—1.630 м. п., в 1916 г.—1.750 м. п., в 1917 г.—1.500 м. п. Добыча нефти в м. п. дает такие цыфры: 560, 555, 570, 600, 520. Повышение добычи в 1916 году для обоих видов топлива связывается с понижением его качества.

Выплавка чугуна, несмотря на крайне увеличившуюся потребность в нем для военного дела, тем не менее также уменьшается: для тех же годов мы имеем м. п. 282, 249, 225, 232, 190; сталь и железо: 247, 223, 200, 206, 155. Переработка хлопка неуклонно падает с 25,9 м. п. до 17,9 м. п. Подобную же или худшую картину мы увидим и в прочих отраслях промышленности, ни одна из которых не была приспособлена ни к переходу на военное, ни к возврату на мирное положение. Несмотря на высоту военной прибыли, 1914 год дал 334 новых предприятия с капиталом 422 м. р., а 1915 г.—321 предприятие с 409 мил. р., т. е. меньшее вложение капитала.

Подобно тому, как война прекратила приток иностранных капиталов в промышленность, она сразу снизила внешнюю торговлю и сделала русский активный баланс пассивным: оборот в 290 м. р. 1913 г. при активном балансе в полтораста миллионов превращается в 1914 г. в 2 миллиарда с пассивностью в 140 м. р., в 1915 г.—$1^1/_2$ миллиарда и 730 м. р., в 1916 г.—3 миллиарда и 2 миллиарда; в 1917 г. пассивность достигает $2^1/_2$ миллиардов [1]). Внутренняя торговля жила спекуляцией, питаясь бестоварьем, зависевшим от милитаризации промышленности и транспорта, а также от сокращения импорта.

[1]) Цифры номинала; в довоенном рубле их надо уменьшить в $1^1/_2$ – 2 раза; но и при таком расчете тенденция внешней торговли остается та же.

Кредит уменьшился в связи с отсрочкой уплат по векселям, и сделки стали заключаться преимущественно на наличные. Рынок сокращался вследствие понижения покупательной способности населения. Вообще торговому аппарату пришлось перестраиваться подобно промышленности, а он к этому был приспособлен так же плохо.

Сельское хозяйство пострадало сравнительно мало, так как стоимость его продуктов возросла, а способы его ведения никогда не опирались на высокую технику. Сильнее всего война сказалась на скотоводстве, потерявшем 20—30% своей прежней численности вследствие конских мобилизаций и снабжения пятнадцатимиллионной армии мясом (хотя там и были введены „постные дни“). Посевная площадь 1914 г. в 88,7 м. д. уменьшалась в следующие три года до 85 м. д., 78,3 м. д. и 78 м. д. Зато урожайность пережила причудливую кривую: по годам 1914—1917 она на крестьянских землях для ржи шла таким образом: 53 п., 72 п., 60 п., 50 п.; для пшеницы—52 п., 74 п., 59 п., 51 п.; на частновладельческих: для ржи—65 п., 89 п., 75 п., 60 п., для пшеницы—59 п., 88 п., 67 п., 61 п. Истощение земли после 1915 г. зависело от прекращения ее мелиорации, ухудшения инвентаря и обслуживания и т. д. Цены на хлеб росли непрерывно, но от этого страдал больше город, чем деревня; последняя же мало выигрывала из-за вздорожания продуктов города.

Меньше всего население могло рассчитывать на какую бы то ни было помощь со стороны правительства, не только одинаково плохо обслуживавшего фронт и тыл, но и тормозившего развитие производительных сил вследствие бестолкового топтанья на месте из боязни революции и желанья угодить внутренним и внешним империалистам. Под влиянием необходимости оно все же идет, подталкиваемое капиталистами, на путь государственного капитализма: старается регулировать промышленность и торговлю при помощи бесчисленных совещаний и комиссий, поручает продовольственный вопрос то одному министерству, то другому и т. д. и т. д. Все разбухавшие государственные расходы покрывались иностранными и внутренними займами, увеличивались традиционные налоги, а до прогрессивного подоходного додумались только в самый канун рево-

люции. Работал и печатный станок: эмиссия с 2,3 миллиарда р. в 1914 г. дошла до 16,5 миллиардов в 1917 г., а золотой запас, равнявшийся в 1914 г. полутора миллиардам рублей, утекал неудержимо за границу. Государственный долг к 1917 г. достиг колоссальной цифры в 31 миллиард, дефицит на 1916 г.—14 миллиардов. В результате как общего упадка хозяйства, так и подобной политики, курс рубля неудержимо падал:

	Стоимость 1 франка.	Стоимость 1 фунта стерлингов.
До войны	37,5 к.	9 р. 46 к.
Август 1914 г.	46,5 »	11 » 50 »
» 1915 г.	52,5 »	14 » 00 »
» 1917 г.	96,0 »	22 » 70 »

Падающая валюта—наилучшее свидетельство (в условиях денежного хозяйства) упадка экономики страны. Нараставшие перед войной классовые противоречия получили новый могучий стимул для своего развития в революционный взрыв. Если столыпинское землеустройство усилило кулачество, то оно же умножило деревенскую бедноту и подготовило ее союз с городским пролетариатом. А мировая война ускорила процесс загнивания русского империализма. Революция должна была вспыхнуть; революция должна была победить.

§ 41. Февральская революция.

Постепенно нараставшее в течение войны рабочее движение особенно решительным было в Петрограде (как переименовал Николай II Петербург со времени войны). Здесь в день открытия последней сессии государственной думы, 27 февраля, бастовало 300 т. ч. и готовилась общая демон-

страция с шествием к думе. Но министр внутренних дел Протопопов успел подготовить столь внушительные силы войск и полиции, что руководители демонстрации отказались от нее. Тем не менее отдельные демонстрации в разных местах города состоялись. Рабочее движение нашло поддержку в широких массах в связи с продовольственной разрухой: с 4 марта в городе начался хлебный голод. Через два дня толпа на Петроградской стороне разгромила несколько булочных; разгром перекинулся и в другие места. 7 марта администрация, ссылаясь на „беспорядки", закрыла Путиловский завод. В тот день толпы в разных районах города кричали на улицах: „Хлеба, хлеба!", останавливали трамваи и повозки. На следующий день рабочие демонстрации направились из заводских районов к центру города, а 9 марта встали все заводы. Вечером произошли первые случаи стрельбы в толпу на б. Литейном проспекте и у городской думы. На б. Знаменской площади полиция попыталась разгонять собравшихся шашками, но встретила отпор толпы, забрасывавшей ее дровами; против полиции выступили казаки, принудившие ее удалиться с площади. 10 марта к полудню прекратилось движение трамвая и всякая езда по городу. На Васильевском острове, на Выборгской стороне, на б. Невском войска и полиция стреляли по толпам. По приказанию Протопопова были арестованы представители рабочих, собравшиеся в военно-промышленном комитете.

11 марта был опубликован указ о роспуске государственной думы, на что дума ответила: „Государственной думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах". С утра на улицах было расклеено объявление главнокомандующего петроградским военным округом: „Воспрещаю всякое скопление на улицах. Предваряю население Петрограда, что мною подтверждено войскам употреблять в дело оружие, не останавливаясь ни перед чем для водворения порядка в столице". Стрельба войск и полиции по толпам продолжалась; стали применяться пулеметы.

12 марта было днем перелома в настроении невольных защитников старого режима: начался отказ войск от повиновения органам правительства; солдаты разных полков убили нескольких офицеров, остававшихся верными правительству. В пол-

ночь организовался временный комитет государственной думы, а вслед затем Совет рабочих депутатов. Петроградский междураойнный комитет Р.С.-Д.Р.П. и партия социалистов-революционеров обратились с воззванием к солдатам, приглашая их организоваться для борьбы со старым режимом. 14 марта образовалась солдатская секция Совета. Так возникли рядом две правительственные организации, которым предстояла восьмимесячная борьба. Комитет государственной думы уступил свое место временному правительству, составившемуся после отречения Николая (15 марта). Формально пользовавшееся „полнотою" верховной власти буржуазное временное правительство с первых же дней своего существования принуждено было обращаться за поддержкой к Совету рабочих и солдатских депутатов, когда не рассчитывало справиться само. С неуклонной постепенностью преобладание переходило от первого ко второму, а в последнем—от беспартийных и соглашателей к большевикам. Мы наблюдаем это явление повсеместно в России: на первом съезде совето (июнь—июль) большевиков было меньшинство (105 из 822), на 2-м съезде (ноябрь)—382 делегата из 626, т. е. большинство; в Саратовском С. Р. и С. Д. до октября было 210 меньшевиков, 310 социалистов-революционеров, 90 большевиков; с октября—76 меньшевиков, 103 с.-р., 320 большевиков и 34 беспартийных. То же самое происходило и в обоих столичных советах. Временное же правительство, шесть раз менявшее свой состав, в своей деятельности уклонялось все более вправо.

13 марта в Петрограде переворот был закончен, о чем остальная Россия узнала из воззвания к железнодорожникам комиссара по железнодорожным делам. В Москве в этот день образовался революционный комитет, а на следующий—Совет Р. и С. Д.

С 14 марта столичная жизнь стала входить в нормальную колею, хотя уличная перестрелка продолжалась еще дватри дня. В провинции и на фронте переворот был встречен в общем спокойно.

15 марта сформировалось первое временное правительство, обещавшее в своем обращении к населению политическую амнистию, все „свободы", созыв Учредительного собрания, выборы на основе „четыреххвостки" и т. п.

Старый режим рассыпался так быстро и легко потому, что он перестал удовлетворять запросам буржуазного общества, которое в начале войны вступило с ним в союз и которое теперь убедилось, что его ближайшая цель—„война до победного конца“—не может быть достигнута при существовании старого правительства, опиравшегося под конец на незначительную кучку придворных проходимцев, да на традицию. Буржуазия в своих политических верхах готовила дворцовый переворот, намеченный на март-апрель и долженствовавший создать „парламентскую власть“ по образцу заграничных империалистических правительств. Но события развились быстрее, чем рассчитывали русские империалисты, и поставили последних перед совершившимся фактом народного восстания, в значительной мере стихийного. Эта стихийность и лишила пролетариат возможности немедленно создать собственную власть, работающую без перебоев, тогда как несравненно лучше организованные империалисты не только успели захватить власть, но и продержаться у нее восемь месяцев, привлекши к себе на помощь „социалистов“ разных оттенков и воспользовавшись доставшимся им в руки государственным аппаратом для временного подавления революции.

Что переворот произошел именно в Петрограде и что за столицей пошла вся страна, нисколько не удивительно: Петроград был центром политической, а со времени войны—и это главное—и экономической жизни России. Здесь, возле министерств, где раздавались заказы, скопились правления бесчисленных банковских и промышленных предприятий и их объединений; здесь получила наибольшее сосредоточение военная индустрия; наконец, здесь же трудилась наиболее сознательная и многочисленная часть русского пролетариата, руками которого был совершен самый переворот. Для пролетариата захват власти означал окончание империалистической войны.

Первые действия временного правительства были направлены к реорганизации органов власти на местах с сохранением прежних форм и заменой одних лиц другими. Войну предполагалось вести „до победного конца“, финансовые обязательства сохранить. Большинство С. Р. и С. Д. идет вместе с правительством, но уже намечается течение, признававшее невоз-

можным какое бы то ни было соглашение с ним. Однако с конца марта параллелизм нарушается: 27 марта С. Р. и С. Д. обратился с воззванием „к народам всего мира“, в котором призывал пролетариат „свергнуть с себя иго“ старой власти и говорил: „настала пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире“. 9 мая С. Р. и С. Д. принял постановление о созыве международной социалистической конференции. Временное правительство 1 мая разослало заграничным представителям ноту, подтверждавшую участие России в мировой войне, хотя и с некоторыми оговорками. Нота вызвала 3 и 4 мая в Петрограде уличные демонстрации с лозунгами: „Мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов!“, „Долой министров-капиталистов!“ и др.

Эти демонстрации были результатом роста сознательности пролетариата, все более и более убеждавшегося в том, что государственный переворот не изменил существа империалистической власти и что „новая“ власть исподводь готовится итти по пути старой, стараясь только избегать ее неумелости и бестолковости. Очень большую организующую роль к этому времени успели сыграть большевики, загнанные в течение войны в подполье или находившиеся в ссылке и эмиграции. 16 апреля приехал из-за границы В. И. Ленин, на следующий день опубликовавший свои знаменитые „тезисы“, предугадавшие дальнейшие события.

Он писал: „Кончить войну истинно демократическим, не насильническим миром нельзя без свержения капитала... Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии. Братанье [1]).

„...Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности пролетариата, ко второму этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства... Никакой поддержки временному правительству... Разъяснение массам, что С. Р. Д. есть един-

---

[1]) В статье «Значение братания» Ленин разъяснял: «Мы добиваемся, чтоб братанье не ограничивалось разговорами о мире вообще, а переходило к обсуждению ясной политической программы, к обсуждению вопроса, как кончить войну, как свергнуть иго капиталистов».

ственная форма революционного правительства... Не парламентарная республика—возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад,—а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу до верху... Конфискация всех помещичьих земель. Национализация всех земель в стране... Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк... Не „введение" социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов".

14 мая по всей России произошли первомайские демонстрации с лозунгами „демократического мира". В результате демонстраций (3—4 мая) и разлада между первым составом вр. правительства и С. Р. и С. Д. 18 мая образовался второй состав вр. правительства, куда вошло пять социалистов-оборонцев. Новый состав в своей программе заявил, что „ставит своей целью скорейшее достижение всеобщего мира... без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов.... Проведение государственного контроля над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов... Регулировать землепользование в интересах народного хозяйства и трудящегося населения. Усиление прямого обложения имущих классов". Правительство, как видно из этой программы, стремилось примирить непримиримые классовые противоречия, а его программа наполнена революционной фразеологией. Его истинное лицо обнаружилось в сообщении 13 июня: „С фронта поступили донесения о нескольких случаях совершения как отдельными лицами, группами их, так и целыми частями войск тягчайших воинских преступлений: неповиновения, самовольного оставления позиций... Виновные в этих нарушениях караются ссылкою в каторгу с лишением всех прав состояния". С 24 мая по 8 июня в Петрограде заседал I-й крестьянский съезд, руководимый социал-революционерами, а с 16 июня по 7 июля I-й Всероссийский Съезд С. Р. и С. Д. Он шел еще тем же путем, что и петроградский совет: рука об руку с временным правительством он воспретил намеченную на 23 июня демонстрацию под лозунгом: „Вся власть советам Р. и С. Д.!" и избрал оборонческий Ц. И. К. Ленин в „Уроках революции"

говорит: „С 6 (19) мая по 9 (22) июня контр-революционная буржуазия усилилась, укрепилась под защитой „социалистических“ министров, подготовив наступление и против внешнего врага и против внутреннего, т. е. революционных рабочих“.

Но нарастание недовольства вр. правительством и постепенный переход симпатий к большевикам привели в Петрограде к крупным выступлениям 1 июля, организованным съездом, но прошедшим под большевистскими лозунгами, и к стихийным демонстрациям 16—18 июля с лозунгами: „Долой десять министров-капиталистов! Долой войну и тайные договоры! Вся власть Советам Р. и Кр. Д.!“ Опять улицы столицы обагрились кровью. Лилась кровь и на фронте, где как раз шло наступление для „поддержки“ союзников.

Из действий провинциальных советов этой эпохи интересны постановления Кронштадтского С. С. и Р. Д. о принятии в свои руки всей власти в Кронштадте и его фортах (31 мая) и И. К. гельсингфорского С. Д. А. Ф. и Р. о поддержке Кронштадта. Наступление пролетариата и армии против вр. правительства все усиливалось.

Национальный вопрос также обострялся: 24 июня Украинская Центральная Рада опубликовала акт об автономии Украины, а через месяц финляндский сейм объявляет Финляндию самостоятельным государством. Но Украина и Финляндия, как и позднее декларировавшие автономное управление своими войсковыми территориями донские и др. казаки, действуют под влиянием буржуазной идеологии.

19—20 июля произошла третья реорганизация вр. правительства, при чем в течение двух недель семь министерских портфелей оставались не занятыми. В своей декларации 20 июля оно повторяло существо прежних заявлений. В тот же день Ц. И. К. С. Р., С. и Кр. Д. выпустил воззвание: „Лозунг дня — тесное сплочение революционной демократии и армии вокруг ее политических центров—советов Р., Кр. и С. Д.“. Наступает период выдвижения на первый план классовых партийных организаций, выносящих свои решения по вопросу о поддержке правительства.

Распад дисциплины на фронте между тем увеличивался, дезертирство усиливалось: крестьяне в солдатских шинелях

стремились на родину „делить землю“. 25 июля вр. правительство восстанавливает уничтоженную в самом начале революции смертную казнь на фронте за воинские преступления. Ленин по этому поводу писал („Уроки революции“): „Вместо свободы начинают восстановлять прежний произвол. Вводят смертную казнь для солдат на фронте, привлекают крестьян к суду за самочинный захват помещичьей земли. Громят типографии рабочих газет. Закрывают без суда рабочие газеты“.

6 августа А. Ф. Керенскому удалось сформировать „Коалиционное временное правительство“, четвертое по счету, которое надеялось опираться на поддержку разношерстных „левых“ течений в стране. С целью получения вотума доверия от этих элементов, вр. правительство созывает в Москве Государственное Совещание (25 28 августа) и излагает на нем свою программу: „В условиях малодушия, распыленности, хозяйственного развала и центробежных все усиливающихся сил приходится народу русскому во главе с вр. правительством защищать родину, спасая свободу“. На Совещании резко обозначились „левая“ и „правая“, оставшиеся, разумеется, непримиримыми до конца. „Левая“ состояла из представителей С. Р., С. и Кр. Д. и социалистических партий (большевики отсутствовали), „правая“ — из представителей крупной буржуазии, командного состава армии и т. п.. Пролетариат отозвался на совещание почти полной забастовкой в Москве и частичной в Петрограде. Таким образом Московское Совещание не оправдало ничьих надежд. Классовые противоречия неудержимо росли и оформлялись все определеннее.

Из других актов коалиционного правительства следует отметить законы о государственной монополии (кстати сказать, так и оставшиеся на бумаге, потому что никакой реальной возможности к проведению их в жизнь не было) на топливо (14 августа) и на сахар (3 октября), удвоение таксы на хлеб (9 сентября; государственная хлебная монополия была введена 7 апреля) и провозглашение России республикой (14 сентября).

Последняя мера явилась результатом движения, связанного с именем генерала Л. Г. Корнилова, назначенного 1 августа верховным главнокомандующим. Корнилов, надеясь опираться на армию, решил стать во главе контр-революцион-

ного переворота, при чем рассчитывал, что Керенский и остальное правительство подчинятся ему или уйдут в отставку. 8 сентября в ставке был составлен проект „Совета народной обороны“ с участием Корнилова, Керенского, Савинкова, ген. Алексеева, адм. Колчака и др. Но в Петрограде в последний момент, очевидно, испугались этого бонапартистского переворота, не позволили сосредоточить к столице войска, уже посланные Корниловым, и посмотрели сквозь пальцы на организацию в Петрограде красной гвардии. Керенский сам принял на себя должность верховного главнокомандующего, а Корнилов был арестован (он бежал из заключения 3 декабря). Так кончилась эта попытка воссоздания старого режима.

Но агонизирующее временное правительство уже металось в поисках несуществующей опоры. Одновременно с провозглашением Российской республики (14 сентября) было объявлено о передаче предыдущим составом вр. правительства верховной власти пяти лицам. Таким образом произошла пятая трансформация вр. правительства, получившая название „Совета пяти“ или „Директории“.

Через две недели открылось в Петрограде „Демократическое Совещание“ (27 сентября — 5 октября), с небольшими изменениями повторившее своим составом „левую“ московского совещания: его члены были делегированы Советами Р. С. и Кр. Д., городскими и земскими самоуправлениями, продовольственными и земельными комитетами, профессиональными и рабочими союзами, кооперативными, военными, национальными и др. организациями. На этот раз в Совещании приняли участие и большевики.

Однако, никакие „совещания“, конечно, спасти существующую власть не могли. На другой день после его закрытия Ленин писал („О героях подлога“): „Кончилось так называемое Демократическое Совещание. Слава богу, еще одна комедия осталась позади“. „Совет пяти“, несмотря на то, что Демократическое Совещание отвергло коалиционное правительство, 8 октября передает власть шестому составу вр. правительства из 10 „социалистов“ и 7 представителей буржуазии. В своей декларации обновленное правительство заявило: „Чтобы обеспечить революционной власти тесное

соприкосновение с организованными общественными силами и тем самым придать ей необходимую устойчивость и силу, вр. правительство в ближайшие дни разработает и опубликует положение о Временном Совете Республики". Между тем петроградский С. Р. и С. Д. избрал (6 октября) своим председателем Троцкого—руль выпал из рук оборонцев, а 13 октября победа на выборах в районные думы Москвы досталась большевикам. В то же время происходит аграрное движение, натыкающееся со стороны вр. правительства на усмирения и аресты.

20 октября открылся Совет Республики („предпарламент", как его называли); он должен был прекратить свои заседания за неделю до созыва Учредительного собрания. В его состав вошли 555 членов, делегированных политическими и общественными организациями. Совет обсуждал законопроекты, вносимые вр. правительством, имел право законодательной инициативы, мог запрашивать правительство о его действиях. Другими словами, предпарламент должен был, по мысли его авторов, заменить С. Р. и С. Д.

Вслед за избранием президиума предпарламента слово получил Троцкий: „Вся суть в том", говорил он, „что буржуазные классы, направляющие политику вр. правительства, поставили себе целью сорвать Учредительное собрание.... Не менее преступной является внешняя политика буржуазии.... Да здравствует немедленный честный, демократический мир! Вся власть советам, вся земля народу, да здравствует Учредительное собрание!" После речи Троцкого большевики покинули зал.

Предпарламент, как и следовало ожидать, до самого конца своего существования не пришел ни к каким определенными решениям. А новая гражданская война висела в воздухе.

Ленин в сентябре писал („Грозящая катастрофа и как с ней бороться"): „России грозит неминуемая катастрофа. Железнодорожный транспорт расстроен неимоверно и расстраивается все больше. Железные дороги встанут. Прекратится подвоз сырых материалов и угля на фабрики. Прекратится подвоз хлеба. Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма, Советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат

к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков".

В начале октября он добавляет („Удержат ли большевики государственную власть?"): „Если же в объективных условиях момента коренится неизбежность или хотя бы только вероятность гражданской войны.... тогда как же можно ставить во главу угла Съезд Советов или Учр. Собрание?! Ведь это насмешка над голодными и истерзанными массами. Что же, голодный согласится „ждать" два месяца? Или разруха.... согласится „ждать" до Съезда Советов или до Учредительного Собрания?... Или крестьянское восстание оттого, что вы назовете его „анархией" и „погромом", оттого, что Керенский пошлет „военные силы" против крестьян, перестанет быть элементом гражданской войны?"

§ 42. Экономика от марта до ноября.

Февральская революция, как и всякая революция, еще больше потрясла уже до того расшатанное хозяйство. Постоянно вспыхивают забастовки; расхлябанный транспорт из-за стихийной демобилизации и других причин грозит остановкой. О состоянии промышленности можно судить по следующим таблицам:

1917 г.	Закрыто предприятий.	Рабочих в них.
Март	74	6.644
Апрель	55	2.816
Май	108	6.701
Июнь	125	37.750
Июль	206	47.754
ИТОГО	568	101.670

Отрасли производства закрытых предприятий.	Число их.
Обработка пищевых веществ	196
» волокнистых »	101
» металлов	91
» механическая дерева	76
» минеральных веществ	44
Прочие	60

Причины закрытия предприятий.	Число их.
Отсутствие всякого рода материалов	367
Недоразумения между рабочими и администрацией	57
Отсутствие заказов и спроса	47
Убыточность и финансовые затруднения	22
Прочие	75

Первая таблица указывает, что в три первые месяца закрываются преимущественно небольшие предприятия с числом рабочих в среднем до 90 человек, тогда как дальше средняя цифра рабочих сразу поднимается до 225—300 человек: начинает шевелиться крупная буржуазия. Третья таблица обращает на себя внимание первой цифрой: ее можно объяснить двумя причинами: во-первых, транспортной разрухой, во-вторых, сознательным перенесением предпринимателями указываемых ими причин из второй графы в первую. Ленин пишет („Уроки революции“): „Правительство капиталистов..... против революции успело начать организацию промышленников, фабрикантов, заводчиков, которые вынуждены были делать уступку за

уступкой под напором рабочих, но в то же время начинали саботировать производство и подготовлять остановку его, выжидая для этого удобный момент".

Производство с 6.830 м. р. в 1916 году снизилось до 4.344 м. р. в 1917 году, т. е. на 37%; заработная плата промышленных рабочих за это же время упала на 12%.

Транспорт перебросил товаров на $2^{1}/_{2}$ миллиарда пудов меньше. В городах начинается закономерная и прогрессирующая нехватка деревенских продуктов, в деревне—городских; цены быстро лезут вверх. Товарный индекс растет следующим образом:

1914 г. на	29 проц.		1916 г. на	94 проц.	
1915 " "	20 "		1917 " "	680 "	

Карточная система бессильна. Вывоз уменьшается на 20%, ввоз—на 7%. Урожайность опускается на 15—30%, скотоводство на 5—8%; ввоз искусственного удобрения прекращается; сельско-хозяйственных машин ввезено 16% довоенного количества, в России же произведено на 25% меньше 1916 года. Расслоение крестьянства обостряется.

Эмиссия бумажных денег доходит в октябре до 16,5 миллиардов рублей, государственный дефицит до 22,5 миллиардов рублей. Государственный банк, кредитующий казну, с апреля кредитует частные банки все шире и шире (с сентября 1914 г., наоборот, шло погашение задолженности частных банков государственному): учет векселей, составлявший в апреле 200 м. р., в октябре составил 500 м. р. Никакие „добрые намерения" вр. правительства не могут парализовать все грознее надвигающийся кофликт между классами. Решать его будет пролетарская революция.

§ 43. Октябрьская революция.

Вслед за Февральской революцией идет по всей стране стихийное образование фабричных комитетов и аграрное движение. Пролетариат и беднейшее крестьянство одновременно выступают каждый против угнетающих их производственных отношений. Но до поры до времени рабочая и крестьянская

волны протеста вздымаются только параллельно; временное правительство, пытаясь упрочить империализм, вместо того усиливает бурю негодования против него, откладывая вопрос об Учредительном собрании и проводя (почти сплошь на бумаге) лишь второстепенного характера законы, касающиеся будущих вершителей Октябрьской революции. Поддерживавшие вр. правительство меньшевики, с.-р.'ы и др. „социалисты" теряют день ото дня быстрее своих попутчиков среди пролетариата, армии и крестьянства. Все прочнее становится руководство массами со стороны большевиков, а вздыбившиеся волны пролетарская и крестьянская начинают соприкасаться, армия же, особенно после корниловского выступления, перестает быть опорой вр. правительства. Его власть, как за восемь месяцев до того царская, ждет лишь толчка.

Если Февральская революция вспыхнула стихийно, то нельзя сказать того же об Октябрьской: Октябрьская революция представляет собою сочетание стихийности и планомерности. Пролетарская и крестьянская стихии своими бурными волнами вливаются в русло, созданное большевиками, и с ноября 1917 г., все утихая, текут закономерно под управлением Советской власти. Конфликт производительных сил и производственных отношений разрешается в форме диктатуры пролетариата и смычки с деревней.

Еще во время Демократического Совещания Ленин писал („Большевики должны взять власть"): „Получив большинство в обоих столичных Советах Р. и С. Д. [1]) большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки... Большинство народа за нас. Это доказал длинный и трудный путь от 6 (19) мая до 31 августа (13 сентября) и до 12 (25) сентября: большинство в столичных Советах есть плод развития народа в нашу сторону... Почему должны власть взять именно теперь большевики? Потому что предстоящая отдача Питера [2]) сделает наши шансы во 100 раз худшими... Учредительного собрания „ждать" нельзя, ибо той же отдачей Питера Керенский и К°

---

[1]) Впервые политические резолюции, предложенные большевиками, прошли в Петроградском Совете 13 сентября, в Московском—19 сентября.

[2]) После занятия немцами Риги временное правительство проектировало перенос столицы в Москву.

всегда могут сорвать его... Ждать „формального“ большинства у большевиков наивно: ни одна революция этого не ждет“. 21 октября он пишет („Советы постороннего“): „Что вся власть должна перейти к Советам, это ясно... Переход власти к Советам означает теперь на практике вооруженное восстание“—и дальше он, ссылаясь на Маркса, по пунктам указывает, как именно надо организовать восстание, которое, „как и война, есть искусство“. Относительно программы, которую должны во время восстания выставить большевики, он говорит („Марксизм и восстание“): „Мир народам, земля крестьянам, конфискация скандальных прибылей и обуздание скандальной порчи производства капиталистами“.

В начале октября Ленин возвращается в Петроград из Финляндии, где он жил после июльского выступления, так как вр. правительство намеревалось его арестовать. 23 октября Ц. К. большевиков после доклада Ленина принимает резолюцию, предписывающую партии готовиться к восстанию, 25 октября Съезд Советов Северной области в своей резолюции говорит: „Спасти народ может только немедленный переход всей власти в руки органов революции — Советов Р., С. и Кр. Д. в центре и на местах“. 29 октября Петроградский С. Р. и Кр. Д. утверждает образование Военно-Революционного Комитета, задачей которого было служить „главным штабом“ восстания. На следующий день все полки петроградского гарнизона (около 60 т. ч.) выносят резолюцию: „Петроградский гарнизон больше не признает вр. правительства. Наше правительство—Петроградский Совет. Мы будем подчиняться только приказам Петроградского Совета, изданным его Военно-Революционным Комитетом“.

7 ноября должно было состояться открытие II-го Всероссийского Съезда Советов. На этот день Военно-Революционный Комитет назначил восстание. Ленин 3 ноября заявил: „Мы должны действовать 25 октября (7 ноября)—в день открытия II Съезда так, чтобы мы могли сказать ему: вот власть. Что вы с ней сделаете?“. К этому моменту крестьянство в своей сознательной части было на стороне большевиков, пойдя за выдвинутыми ими лозунгами: „Долой войну!“ и „Вся земля крестьянам!“ Это обнаружилось, благодаря двум слиш-

ком сотням крестьянских наказов, присланных и привезенных делегатами в Петроград.

Вр. правительство, знавшее о готовящемся восстании, торопилось противодействовать ему. Оно вызывает в Петроград военные школы, расположенные в окрестностях столицы, с фронта 3-ий конный корпус под командой генерала Краснова (всего 500—600 казаков) и другие войска; оно издает приказы об аресте Военно-Революционного Комитета и закрытии газет большевиков; выполнить приказы было некому.

6 ноября В. Ц. И. К. (старого состава) и Петроградская городская дума создают Комитет Общественной Безопасности, в состав которого входят представители борющихся с большевиками партий. В тот же день объединенное заседание Ц. И. К. С. Р. и С. Д. и Ц. К. С. Кр. Д., выражая точку зрения меньшевиков и с.-р.'ов, принимает резолюцию: „Движение в настоящее время в Петрограде имеет свои корни в чувстве глубокого недовольства широких народных масс, питаемого войной, хозяйственной разрухой и нерешительностью политики вр. правительства... Собрание выдвигает требования об издании вр. правительством декрета о передаче земли в распоряжение земельных комитетов и о том, чтобы временное правительство немедленно предложило союзникам провозгласить условия мира и приступить к мирным переговорам". Эта резолюция осталась втуне, а Комитет Общественной Безопасности (превратившийся вскоре в Комитет Спасения Родины и Революции) оказался штабом без армии.

В ночь с 6 на 7 ноября началось восстание. В 7 ч. утра Керенский уехал на автомобиле в Псков с целью лично воздействовать на подходившие к столице войска, но там узнал, что посылка войск на защиту вр. правительства прекращена. В Петрограде вр. правительством министр внутренних дел Кишкин был назначен „уполномоченным по водворению порядка в Петрограде" с подчинением ему всех военных и гражданских властей. Вр. правительство засело в Зимнем дворце, охраняемом „ударниками" и юнкерами.

Около 1 ч. дня прекратились занятия во всех правительственных и частных учреждениях. Городская милиция покинула свои посты, и взамен ее появляются патрули Военно-Револю-

ционного Комитета. Восставшие войска занимают, почти без сопротивления, государственный банк, телефонную станцию, вокзалы и др. важные пункты города. Гарнизон Петропавловской крепости выдает красной гвардии Выборгского района 10 т. винтовок. Совет Республики разогнан. В 10 ч. 45 м. в. открылось заседание II-го Всероссийского Съезда С. Р. и С. Д.; меньшевики и с.-р.'ы отказались войти в президиум и покинули Съезд; он постановил взять власть в свои руки. Осада Зимнего дворца происходит при участии крейсера „Аврора" и четырех миноносцев, стоящих на Неве против дворца. В ночь на 8 ноября временное правительство сдается и отправлено в Петропавловскую крепость. Так умирает последнее буржуазное правительство в России.

В экстренном заседании Петроградского Совета 8 ноября Ленин произнес следующую речь: „Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась. Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии... Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна, в своем конечном итоге, привести к победе социализма... У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции... Да здравствует всемирная социалистическая революция!"

В течение нескольких дней после переворота в Петрограде происходили вооруженные столкновения в его окрестностях между сторонниками и противниками власти Советов. Характерно при этом, что враги переворота не были защитниками врем. правительства: оно изжило себя.

В Москве Военно-Революционный Комитет организовался 7 ноября; здесь также шла борьба несколько дней, при чем силы противников переворота, несмотря на полное обеспечение воинским снаряжением, быстро таяли перед почти безоружными сторонниками советской власти. В ставке главнокомандующего в Могилеве советская власть восторжествовала 3 декабря. Борьбу против Советов в остальной России мы увидим ниже (см. § 45).

ГЛАВА XII.

Власть Советов.

§ 44. Первый период.

2-ой Всероссийский Съезд в своем первом заседании принял повестку дня: 1) Об организации власти, 2) о войне и мире, 3) о земле, 4) об Учредительном собрании, 5) выборы ВЦИК'а.

Несмотря на то, что левые с.-р'ы остались на Съезде после ухода остальных „социалистов", они отказались войти в состав первого Совета Народных Комиссаров, и он составился из одних большевиков под председательством Ленина (позднее левые с.-р'ы приняли несколько комиссариатов). Кроме утверждения первого Совнаркома 2-й Съезд принимает в первом же заседании декрет о мире (см. § 39) и о земле.

Декрет о земле построен на основании 242 наказов крестьянских депутатов и совершает национализацию земли. „Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа (ст. 1). Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение волостных земельных комитетов, уездных советов крестьянских депутатов, впредь до разрешения Учредительным собранием вопроса о земле (ст. 2).... Земли рядовых крестьян и казаков не конфискуются (ст. 5)... Право частной собственности на землю отменяется навсегда... Все недра земли... а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства... Право пользования землею получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом... Землепользование должно быть уравнительным... Вся земля, по ее отчуждении, поступает в общенародный земельный фонд".

Следующими важными декретами Советской власти являлись декреты о национализации частных банков и слиянии их, вместе с государственным, в один Народный банк (ликвидирован в начале 1920 г. и превращен в центральное бюджетно-расчетное управление), об уничтожении права дарения и наследования, об аннулировании государственных займов, заключенных царским и вр. правительствами. Национализация банков и аннулирование займов наносили международной буржуазии крупный удар, лишая ее одного из источников дохода, могущего быть обращенным на борьбу с пролетарской революцией.

27 ноября начат переход к национализации промышленности „Положением о рабочем контроле". Это „Положение" имеет в своем основании законопроект Ц. С. фабрично-заводских комитетов. „В интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех... предприятиях...вводится рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия (ст. 1). Рабочий контроль осуществляют все рабочие данного предприятия через свои выборные учреждения (ст. 2)... Коммерческая тайна отменяется (ст. 7)... Решения органов рабочего контроля обязательны для владельцев предприятий (ст. 8)... Все законы и циркуляры, стесняющие деятельность фабричных, заводских и других комитетов и советов рабочих и служащих, отменяются (ст. 14)".

Этот декрет имеет ту же цель, что и предыдущие: политическую борьбу с буржуазией; право собственности за предпринимателями пока сохраняется, но они лишаются возможности саботировать производство. Той же цели служит начавшееся опубликование тайных договоров, заключенных царским и вр. правительством с иностранными державами.

14 декабря ВЦИК утверждает положение о ВСНХ: „Задачей ВСНХ является организация народного хозяйства и государственных финансов (ст. 2)... ВСНХ предоставляется право конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей (ст. 3)" хозяйства страны.

В декабре же 1917 г. уничтожаются старые суды и законы и подготовляется создание новых, отделена церковь от государства и школы, введен гражданский брак и т. д.

Между тем, вследствие коренных перемен во всем жизненном укладе России, по всей территории страны идет самостоятельная перестройка политическая и экономическая. Связь с центром крайне слаба. А контр-революция начинает свою долгую вооруженную борьбу с Советской властью (см. следующий §).

18 января 1918 г. открылось Учредительное собрание, члены которого были избраны по спискам, составленным еще при вр. правительстве; кроме того, деревня не успела осмыслить совершившегося пролетарского переворота; поэтому большинство в нем было у с.-р.‘ов, и председателем был выбран Чернов, лидер партии с.-р.‘ов. Большевики и левые с.-р.‘ы оставили зал. Собрание отказалось признать Советскую власть, приняло законы о земле и о мире и провозгласило Российскую Демократическую Федеративную Республику. В тот же день оно было Советской властью распущено.

В заседании ВЦИК 19 января Ленин произнес речь, посвященную роспуску Учредительного собрания: „По мере возникновения Советов, последние, конечно, как всенародные революционные организации, стали несравненно выше всех парламентов всего мира... Передача всей власти Учред. собранию есть то же самое соглашательство со злокачественной буржуазией“.

20 января ВЦИК опубликовал декрет о роспуске Учредительного собрания: „Трудящимся классам пришлось убедиться на опыте, что старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно не совместим с задачами осуществления социализма, что не общенациональные, а только классовые учреждения (каковы советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества... Вне стен Учредительного собрания партии большинства Учред. собрания—правые эс-эр‘ы и меньшевики ведут открытую борьбу против Советской власти... Ясно, что оставшаяся часть Учред. собрания может в силу этого играть роль только прикрытия борьбы буржуазной контр-революции для свержения власти Советов“.

Открывшийся 23 января III Всероссийский Съезд Советов принял „Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого

народа“, летом того же года целиком вошедшую в конституцию Р.С.Ф.С.Р, как ее I раздел.

На IV Всеросс. Съезде Советов (март) был ратификован Брестский договор с четверным союзом. Левые с.-р.‘ы, бывшие против мира, ушли из состава правительства и стали исподволь готовиться к борьбе с Советской властью.

Из других действий Советской власти этой эпохи надо отметить национализацию торгового флота, внешней торговли, сахарной и нефтяной промышленности, создание красной армии, продовольственной диктатуры, комитетов деревенской бедноты (для борьбы с кулаками, действовали до осени 1918 г.), трудовой повинности и др. Все эти меры строили новые формы общества и государства переходного времени от пролетарской революции к коммунизму в условиях ожесточенной борьбы пролетариата с буржуазией. Красная армия, пришедшая на смену красной гвардии и добровольческих формирований, создавалась в условиях натиска на Р.С.Ф.С.Р. со стороны контр-революции и некоторых государств антанты. Продовольственная диктатура и комитеты деревенской бедноты были обусловлены настоятельной необходимостью организации тыла и питания фронта (напр., с лета 1917 г. до весны 1918 г. население Петрограда с $2^1/_2$ м. ч. дошло до $1^1/_2$ м. ч., Москвы—с 2 м. ч. до $1^1/_2$ м. ч.).

§ 45. Военный коммунизм.

13 мая 1918 г. Ленин написал „Письмо к питерским рабочим“ („О голоде“): „Романов и Керенский оставили рабочему классу в наследство страну, разоренную до конца их грабительской, преступной и тягчайшей войной, страну, ограбленную русскими и иностранными империалистами дочиста... Катастрофа перед нами, она придвинулась совсем, совсем близко. За непомерно тяжелым маем еще более тяжелые июнь, июль и август. Государственная хлебная монополия существует у нас по закону, но на деле ее на каждом шагу срывает буржуазия.... Только массовый подъем передовых рабочих способен спасти страну и революцию... Отряды борцов с Калединым и Дутовым, продовольственные отряды — не новость. Задача только в том, что близость катастрофы, тяжесть положения обязывают сделать вдесятеро больше прежнего“.

В обрисованной Лениным обстановке и родился летом 1918 г., окрепши к концу года, так называемый „военный коммунизм“, когда в условиях полнейшего хозяйственного развала все силы революции должны были быть отданы вооруженной борьбе с контр-революцией, когда пришлось пожертвовать „производственным социализмом“ в пользу „распределительного“. Продуктовые карточки, появившиеся еще в конце старого режима, выросшие и усложнившиеся при вр. правительстве, теперь прочно устанавливаются на три года... Советская Россия оказалась в положении осажденной крепости. Посмотрим, какие полчища и как долго ее осаждали.

Осенью 1917 г. захватывает власть на Дону ген. Каледин. Туда же бежит из-под ареста ген. Корнилов, а затем переходит на Кубань; к нему присоединяется ген. Алексеев. Их „добровольческая армия“, после смерти Корнилова и Алексеева возглавляемая ген. Деникиным, вытесненным с Кавказа весною 1920 г., частично оказывается под командой ген. Врангеля и держится в Крыму до декабря 1920 г.

Почти одновременно с Калединым поднимает на Урале казаков полк. Дутов. Создают собственное „государство“ и астраханские казаки.

В 1918 г. возникает ряд „правительств“ в Заволжье и Сибири: здесь и „правительство Учредительного собрания“, и „верховный правитель всея Руси“ адм. Колчак, и Семенов, и Хорват, и Меркулов, и почти самостоятельная армия чехо-словаков, и пр. и пр. В Архангельске — „Северное правительство“ во главе с Чайковским. Одним словом, в этом году и частью в следующем границы Советской России определялись на юге Украиной, на востоке Волгой, на севере Вологдой. Правда, границы эти отнюдь не были неподвижными: наоборот, они изгибались чуть не еженедельно все новыми и новыми причудливыми зигзагами, но пользоваться производительными силами на десятки и даже сотни верст от них не приходилось никому, ибо жестокая гражданская война захватывала все пограничное население, отрывая его от производительного труда.

Особенно тяжелым было положение Советской России к лету 1919 г., но с этого момента перевес переходит к кра-

сной армии. Весною и осенью предприняты были наступления из Эстонии Юденичем даже против Петрограда.

Ликвидация белогвардейского движения наступает в 1920 и 1921 г. г. Красные овладевают Сибирью, Архангельском, Баку, Туркестаном, Крымом (1920 г.), Грузией, Владивостоком (1921 г.).

Белые получали поддержку от англичан (Север и Кавказ), французов и греков (Одесса), японцев (Владивосток), германцев и поляков (Украина), американцев (Север).

На Украине 20 ноября 1917 г. была провозглашена Украинская Народная Республика во главе с меньшевистско-эс-эр'овской Радой с центром в Киеве, которая просуществовала до начала 1918 г., когда пала, но вскоре была восстановлена при помощи германских войск. Последние же оказывают содействие установлению власти „гетмана" Скоропадского, в свою очередь свергнутого осенью 1918 г. „гайдамаками" Петлюры, очень быстро вытесненного из Киева красной армией, но державшегося еще некоторое время на Украине при поддержке поляков. В 1919 г. здесь разыгрывается настоящий бандитизм (Махно, Григорьев и др.); зимою 1919—1920 г. Украина делается Советской Республикой.

Пролетарская революция в Финляндии была раздавлена в начале 1918 г., в Прибалтийском крае и Белоруссии (где Советская власть восторжествовала осенью 1918 г.)—весною 1919 г.

Параллельно белогвардейским атакам на Советскую власть на окраинах, в июле 1918 г. левые с.-р.'ы поднимают мятеж в Москве, а Савинков—в Ярославле. Периодически вспыхивают кулацкие крестьянские восстания (особенно длительное в 1921 г. в Тамбовской губернии), а весною 1921 г., одновременно с введением НЭП'а, происходит Кронштадтский мятеж, инспирируемый с.-р.'ами и анархистами, сопровождающийся ликованием монархической зарубежной русской прессы. Мятеж выставляет лозунги свободы торговли и прекращения диктатуры пролетариата, т. е. является отражением той же кулацкой идеологии. 20 июля 1918 г. в Москве убит левыми с.-р.'ами германский посол Мирбах с целью толкнуть Германию на войну с Р.С.Ф.С.Р., в Петрограде—правыми с.-р.'ами—Володарский и Урицкий, в Москве произведено покушение на Ленина.

Иностранные государства подвергают Советскую Россию экономической блокаде, организуют, помимо интервенций, польскую войну и захваты отдельных территорий б. Российской империи (о последнем см. § 47).

В такой необычайно тяжелой обстановке приходилось Советской власти строить новое государство и экономику, разрушенные мировой войной и двумя революциями, строить руками голодающего и холодающего населения, в своей массе еще очень далекого от правильного понимания гражданских обязанностей. Разобщенность города и деревни, вследствие затрудненности транспорта, почти приводит к возрождению натурального хозяйства; та же разобщенность создает и необходимость „власти на местах“, часто страдающей „колокольным патриотизмом“ и другими недостатками. В уже цитированном письме Ленина питерским рабочим имеется такое указание: „Попытки добыть хлеба или топлива „в розницу“ себе, т. е. „своему“ заводу, „своему“ предприятию, только усиливают дезорганизацию, только облегчают спекулянтам их корыстное, грязное и темное дело“.

Однако, мало-по-малу центр вносит порядок в этот стихийный процесс. Декретом 28 июня 1918 г. была национализирована вся крупная промышленность: „В целях решительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой и для укрепления диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты С. Н. К. постановил: 1) Объявить собственностью Р.С.Ф.С.Р. нижеуказанные... промышленные и торгово-промышленные предприятия со всеми их капиталами и имуществами, в чем бы таковые ни заключались“. Завершение национализации произошло на основании постановления президиума В.С.Н.Х. 29 ноября 1920 г.: „Все промышленные предприятия, находящиеся во владении частных лиц или обществ, имеющие число рабочих свыше 5 при механическом двигателе или 10 без механического двигателя, объявляются национализированными“.

Сам В.С.Н.Х. понемногу передает различные отрасли хозяйства в соответствующие комиссариаты, оставляя себе лишь возглавление промышленности, тогда как остальная хозяйственная жизнь объединяется Советом Труда и Обороны. Наступает эпоха „главкизма“. В своем отчете VIII Съезду Сове-

тов (1920 г.) В.С.Н.Х. докладывает о той задаче, которая стояла перед ним в эпоху военного коммунизма: „Создать планомерное регулирование всего народного хозяйства страны, слить работу часто враждебных друг другу отраслей в единый хозяйственный организм, работающий согласованно, по единому производственному плану“.

„Главкизм“ состоял в том, что каждый вид промышленности управлялся соответствующим главным управлением, дававшим инструкции и получавшим сметы от подчиненных учреждений. Практической задачей каждого главка являлись учет и распределение. Отдельные предприятия были лишены всякой самостоятельности: снабжение и отпуск регулировались главками. К концу 1920 г. обнаружились светлые и темные стороны главкизма: будучи в условиях военного коммунизма единственной системой, дававшей возможность более или менее правильного хода промышленной жизни, главкизм в то же время загашал инициативу на местах, плодил бесхозяйственность. Поэтому VIII Съезд Советов изменил формы управления промышленностью, подчинив последнюю исполкомам и их органам. С введением НЭП‘а главкизм отжил свой век.

Параллельно главкизму развивается ордерная система снабжения, натуральная заработная плата и т. п. процессы, связанные с отмиранием денег (см. ниже) и переходом к натуральному хозяйству. 30 октября 1918 г. ВЦИК утверждает декрет „Об обложении сельских хозяев натуральным налогом в виде отчисления части сельскохозяйственных продуктов“: „Стремясь к полному освобождению бедноты от несения податного бремени, путем переложения всей налоговой тяготы на имущественно обеспеченные классы, с тем, чтобы в деревне средние крестьяне облагались лишь умеренным налогом, а на кулаков-богатеев была возложена главная часть государственных сборов, ВЦИК постановил: ...Натуральный налог, подлежащий внесению плательщиком с продуктов сельского хозяйства, исчисляется с излишка их, по сравнению с потребностями самого хозяина, и определяется по размерам площади посева и по количеству голов скота (ст.1) ...Налог вносится самим плательщиком и доставляется за его счет в указываемые Советской властью склады и сроки (ст. 5)... С введением нату-

рального налога на сельских хозяев отменяется общегосударственный поземельный налог (ст. 8)“ [1]).

С переходом к НЭП‘у введен был продналог. Вот как определяет Ленин предыдущую эпоху продразверстки („О продовольственном налоге“, апрель 1921 г.): „Своеобразный „военный коммунизм“ состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки, и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелкокрестьянской стране мы не могли... „Военный коммунизм“ был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой“.

Обусловленный необходимостью, военный коммунизм, естественно, потряс все народное хозяйство. Как обстояло дело в эту эпоху с тяжелой индустрией, видно из следующей таблицы:

ГОДЫ.	Добыча угля.	Добыча нефти.	Выплавка чугуна.
1917	1.510 м. п.	518 м. п.	190 м. п.
1918	541 „ „	233 „ „	—
1919	439 „ „	274 м. п. (6 м. п.)	—
1920	402 „ „	233 „ „	6,3 „ „
1920—21	464 „ „	150 „ „	7 „ „

Уже упавшая, как мы раньше видели, в 1917 г. индустрия превышает, тем не менее, в несколько раз индустрию последующих лет. Особенно резкое падение испытала выплавка чугуна: страна жила старыми запасами, так как чугуноплавильные

[1]) Фактически этот декрет до НЭП‘а не применялся, а существовала так называемая продовольственная разверстка, оставлявшая крестьянину лишь прожиточный минимум и обусловленная всем комплексом военного коммунизма.

районы находились как раз в сфере театров военных действий. Нефть, усиленно эксплуатировавшаяся в 1919 г. для экспорта интервентами на Кавказе, дала для Р.С.Ф.С.Р. лишь 6 миллионов пудов из Эмбинского бассейна. О состоянии транспорта можно судить по тому, что, при 65 т. в. железных дорог, в 1917 г. работало всего 50 т. в., в 1918 г. — 24 т. в., в 1919 г.—37 т. в. Каково было в связи с этим положение в стране, очень ярко рисует следующее письмо Ленина от 1 февраля 1920 г.: „Положение с железнодорожным транспортом совсем катастрофическое. Хлеб перестал подвозиться. Чтобы спастись, нужны меры действительно экстренные. На два месяца — февраль и март — такого рода меры надо провести и соответственные еще другие меры надо изыскать: во-первых, наличие хлебного пайка уменьшить для неработающих по транспорту, увеличить для работающих; пусть погибнут еще тысячи, но страна будет спасена. Во-вторых, три четверти ответственных работников всех ведомств, кроме Наркомпрода, взять на два эти месяца на железнодорожный транспорт и ремонт“.

Подобная же картина была в легкой индустрии: напр., переработка хлопка давала в 1917 г. 18 м. п., в 1918 г.—9 м. п. в 1919 г.—6 м. п., в 1920 г.—меньше миллиона пудов.

О падении стоимости продукции промышленности и производительности труда в ней дает представление следующая таблица, не требующая никаких пояснений:

ГОДЫ.	Стоимость продукции.	Число рабочих.	На 1 рабочего продукции.
1913	5.620 м. р.	2.600 т. ч.	2.160 р.
1915	6.250 „ „	2.642 „ „	2.360 „
1917	4.344 „ „	3.024 „ „	1.448 „
1918	1.941 „ „	2.486 „ „	782 „
1919	1.448 „ „	2.035 „ „	724 „
1920	981 „ „	—	—

15*

Внутренняя торговля этой эпохи, расцветшая сначала в виде так называемого „мешечничества", постепенно сходит на-нет. Внешняя торговля переживает (вспомним экономическую блокаду) резкий регресс, который характеризуется такими цифрами: вывоз в 1917 г.—464 м. р., ввоз—2.317 м. р., в 1918 г.—7,5 м. р. и 61 м. р., в 1919 г.—0,1 м. р. и 3 м. р., в 1920 г.—1,4 м. р. и 36 м. р. Баланс таким образом все время остается пассивным.

В сельском хозяйстве крестьянство пользуется 97% удобной земли, но площадь посева, равнявшаяся в 1913 г. 86 м. д., в 1920 г. доходит до 64 м. д., а урожайность снижается еще больше: для пшеницы в 1918 г. озимой—38 п., яровой—26 п., в 1919 г.—47 п. и 29 п. (лучшие районы были заняты белыми), для ржи—41 п. и 39 п. Обеспеченность скотом и его распределение может быть охарактеризовано данными о коневладении: в 1916 г. безлошадных хозяйств было 28%, в 1919 г.—25,1%; лошадные хозяйства пережили такую эволюцию: в 1917 г. было однолошадных—45%, двухлошадных—32%, трех и более лошадных—23%; в 1920 г.—80%, 16% и 4%. На сельском хозяйстве тяжело отразилась продразверстка, понижая интенсивность земледельческого труда, а по отношению к кулацким хозяйствам она сыграла роль мирной экспроприации, что видно из данных о коневладении (правда, в этом случае сказались также и конские мобилизации).

Крестьянское хозяйство, в котором занято 87% населения, ведется крестьянством вполне самостоятельно, и переход в нем на новые формы совершается сравнительно очень медленно. Этому мешает отсутствие капитала в распоряжении крестьян и недостаток агрономических знаний. Несмотря на содействие правительства, только в последнее время наблюдается в этой области сдвиг в сторону улучшения агрикультуры. Крупные формы землепользования применяются в сельско-хозяйственных коммунах, артелях и советских хозяйствах, нашедших пока себе широкое применение на юге; север и центр в этом отношении бедны. Ко времени НЭП'а в распоряжении таких видов сельского хозяйства было около 2 м. десятин.

Низким состоянием агрикультуры объясняются и неурожаи 1920 и 1921 г.г., при чем голод принял особенно жестокие размеры в Поволжье.

Финансовое положение государства также переживало ряд потрясений. Отмирание денег и бестоварье видны из нижеследующей таблицы (миллионы рублей):

Годы.	Бумажные деньги.			Госуд. доходы.	Госуд. расходы.	Госуд. дефицит.	Доход государства от эмиссии в товарных рублях.	Возрастание товарного индекса на
	В обращении.	Выпущено.	Ценность в товарн. рублях.					
1918	60.800	33.500	379	15.580	46.706	31.126	525	598%
1919	225.000	164.200	93	48.959	215.402	166.443	386	1375%
1920	1.168.600	943.600	70	159.604	1.215.159	1.055.555	186	595%

Государство в „финансовом“ отношении обслуживалось продразверсткой и печатным денежным станком. Население приносило в жертву будущему свои потери на продразверстке и на быстром падении курса бумажных денег.

За время с Октября до НЭП‘а состоялось семь Всероссийских Съездов Советов, представляющих собою верховную власть Советской Республики. II Съезд признал Советскую власть (см. § 43); III Съезд принял „Декларацию прав“ (см. § 44); IV Съезд подписал Брестский мир (см. § 39); V Съезд 10 мая 1918 г. утвердил конституцию Р.С.Ф.С.Р.; остальные Съезды (VI—ноябрь 1918 г., VII—декабрь 1919 г., VIII—декабрь 1920 г.) решали наиболее серьезные вопросы жизни страны (напр., VIII Съезд образовал Совет Труда и Обороны, объединяющий и направляющий работу хозяйственных наркоматов).

В марте 1919 г. в Москве состоялся I Конгресс III Коммунистического Интернационала, в котором участвовали делегаты 24 коммунистических организаций разных стран. III Коминтерн делается штабом мировой пролетарской революции. На своем I конгрессе он принял тезисы о пролетарской диктатуре и буржуазной демократии. В июле 1920 г. состоялся II Конгресс Коминтерна, давший единую программу и тактику

для интернационального коммунистического движения пролетариата.

Итак, вынужденный военный коммунизм ценою громадных экономических жертв принес свои плоды в виде победы Советской России над ее внутренними и внешними врагами и не помешал как конструированию форм пролетарского государства, так и началу наступления на мировую буржуазию. В его эпоху и новые социальные отношения в городе и деревне становятся на прочную почву: рождается „новый быт“. С весны же 1921 г. стало возможным приступить к вполне мирному строительству всех сторон жизни государства, опираясь на возрождающееся хозяйство.

§ 46. НЭП.

Свой доклад на заседании X Съезда РКП 15 марта 1921 г. Ленин начал так: „Вопрос о замене разверстки налогом является прежде всего и больше всего вопросом политическим, ибо суть этого вопроса состоит в отношении рабочего класса к крестьянству... Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах... Мы должны постараться удовлетворить требования крестьян, которые не удовлетворены, которые недовольны и законно недовольны... Удовлетворить мелкого земледельца, по сути дела, можно двумя вещами: во-первых, нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяина, а во-вторых, нужно достать товары и продукты. Что за свобода оборота, ежели нечего оборачивать, и свобода торговли, ежели нечем торговать!.. Нужна экономическая передышка... Наша разверстка в прошлом году была увеличена. Налог должен быть меньше“. Съезд принял по докладу следующую резолюцию: „Налог взимается в виде процентного или долевого отчисления от произведенных в хозяйстве продуктов (п. 3)... Налог должен иметь прогрессивный характер (п. 4)... Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении (п. 8)“.

Так родился НЭП, натуральное хозяйство сменилось товарным. Все это потребовало перестройки всего хозяйства в целом, но особенно промышленности. Государство на первое время имеет своею целью оставить за собой лишь необходимые предприятия, а не все: транспорт, крупную индустрию, внешнюю торговлю; государственные предприятия делятся на предприятия общегосударственного значения и на предприятия местного значения; остальные сдаются в аренду или концессию, при чем государство не отказывается от участия в смешанных (с частным капиталом) обществах. Государственные предприятия объединяются в тресты, в свою очередь связанные с соответствующими синдикатами. Каждое отдельное предприятие работает на частно-хозяйственном расчете, но подчиняется общим директивам своих центров. Декрет ВЦИК о трестах 10 апреля 1923 г. предоставляет им „самостоятельность в производстве своих операций... на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли (п. 1). Тресты могут организоваться ВСНХ и другими наркоматами (п. 4). В каждом тресте ежегодно производится амортизация имущества (п. 44). Вся прибыль треста вносится в доход казны, за исключением отчисления не менее 20% в резервный капитал треста (п. 45)". Такая форма дала возможность развития инициативы служащих и рабочих, и результаты этого не замедлили обнаружиться в виде быстрого подъема промышленности, точно так же, как продналог спрыснул живой водой сельское хозяйство. Разумеется, наступает развитие и торговли, государственной, кооперативной, частной, при чем последняя, вначале пышно расцветшая и в сильной доле пошедшая по дороге спекуляции, постепенно уступает свои позиции торговле государственной и кооперативной. На ряду с государственным и частно-буржуазным хозяйством развивается в новых коммунистических формах кооперация производственная, кредитная и потребительская. Борьба государственного хозяйства с прочими видами его ведется путем конкуренции и налоговой политики.

К 1922 г. определилась необходимость перехода к денежному обращению во всех сферах, что и было начато сначала на основе бумажных денег, а затем (с осени 1922 г.)—обеспеченных золотом и другими ценностями банкнот и сертифика-

тов [1]). В 1924 г. червонец окончательно восторжествовал и прочно стабилизовался в международном масштабе. Наступает эпоха торговых договоров с рядом буржуазных стран.

Заминку развитие народного хозяйства испытало с осени 1922 г. по весну 1924 г.; она обнаружилась в форме так называемых „ножниц“: вздорожание промышленных продуктов по сравнению с сельско-хозяйственными. Максимальное расхождение цен наблюдалось в октябре 1923 г., когда цены промышленных товаров стояли на 80% выше средних цен на все товары, а сельско-хозяйственных—на 45% ниже, т.-е. расхождение цен равнялось 125%. Ножницы были ликвидированы снижением накладных расходов и чрезмерной прибыли промышленных предприятий, а также твердыми ценами на хлеб. Несомненное влияние на проблему ножниц оказало также поднятие производительности индустриального труда, где сделаны, между прочим, первые шаги применения научной организации труда (НОТ). Таким образом расчистился экономический путь для смычки города с деревней. Путь идеологический заключается во внесении в деревню всех видов культуры при помощи школ, изб-читален, клубов, культ-шефства и т. п.

Уже 13 ноября 1922 г. в своем докладе на пленуме IV конгресса Коминтерна Ленин говорит о НЭП‘е: „Принесло ли нам пользу это отступление, и действительно ли спасло оно нас, или определенный результат еще не наметился?.. Прошедшие полтора года с абсолютной несомненностью показали, что мы этот экзамен выдержали... Мы уже достигли того, что наше крестьянство довольно, что промышленность и торговля оживают“. А в статье, напечатанной 26 мая 1923 г. в „Правде“ („О кооперации“), Ленин писал: „Одно дело фантазировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело—научиться практически строить этот социализм так, чтобы всякий крестьянин мог участвовать в этом построении. Этой-то ступени мы и достигли теперь“.

Можно сказать, что совершенно новым хозяйственным делом Советской России является электрификация, так как до мировой войны в России было использовано всего 5% „бе-

---

[1]) С ноября 1921 г. восстановлен Государственный банк.

лого угля“, хотя по его богатству Россия стоит на втором месте в мире. На VIII Съезде Советов (декабрь 1920г.) Ленин сделал такое определение: „Коммунизм—это есть Советская власть плюс электрификация всей страны“. IX Съезд Советов (декабрь 1921 г.) утвердил план электрификации, составленный Гоэлро (Госуд. комиссия по электр. России). В первую очередь электрифицируются железные дороги, затем водные пути, горная и обрабатывающая промышленность, лесное и сельское хозяйство. План наметил постройку 30 первоочередных станций во всех районах страны. На 1 октября 1923 г. уже производились работы на 11 станциях; кроме того, расширяется несколько старых станций; 9 станций будет работать „белым углем“, остальные—разными видами топлива, частью низкосортного.

Перейдем теперь к цифрам, иллюстрирующим и уточняющим сказанное выше.

Легкая индустрия:

В среднем за мес.	ВЫРАБОТАНО.					
	Пряжи тыс. пуд.			Тканей милл. арш.		
	Хлопчатобум.	Шерс.	Льн.	Хлопчатобум.	Шерс.	Льн.
1921—22 г. 1 полуг. . .	254	56	84	33,7	2,4	7,1
» » 2 » . . .	246	55	78	34,9	2,7	5,6
1922—23 г. 1 » . .	371	75	144	63,9	2,9	12,9
1922 г. июль. . . .	180	43	37	31,3	1,9	2,6
1923 »	196	51	99	44,9	1,7	9,2
» сентябрь . .	410	83	176	73,6	2,9	—

Мы видим, как все цифры неуклонно растут. Государственная промышленность, бывшая в 1920—21 г. г. почти сплошь убыточной, дала в 1921—22 г. г. прибыль по меньшинству и убы-

ток по большинству трестов, а в 1922—23 г. г. она прочно становится на ноги.

Тяжелая индустрия:

ГОДЫ.	Добыча угля.	Добыча нефти.	Выплавка чугуна.	Стоимость всего производства.
1920—21 . . .	464 м. п.	150 м. п.	7 м. п.	930 м. р.
1921—22 . . .	622 » »	184 » »	10,5 » »	1.356 » »
1922—23 . . .	696 » »	218 » »	18 » »	1.958 » »
1923—24 . . .	850 » »	360 » »	54 » »	—

Ф. Дзержинский в своем докладе на расш. сов. президиума ВСНХ осенью 1924 г. говорил: „Производство наше за истекший год расширилось до 30% в различных отраслях различно. В металлургии по черному металлу для чугуна увеличилось на 130%, по прокату и по стали увеличилось на 50—68%. Если возьмем два года вместе, то промышленность за эти два года увеличила свое производство на 93%. Если взять то расширение, которое нами принято на текущий 1924—25 год и которое еще окончательно не утверждено, но которое намечено и в основном принято, то здесь увеличение в этом году будет огромнейшее. В общем это увеличение около 30—35%“.

Внешняя торговля по годам 1921—1922, 1922—1923, 1923—1924 дала такие цифры: вывоз—64 м. р., 133 м. р., 179 м. р.; ввоз—274 м. р., 150 м. р., 83 м. р.; таким образом последний операционный год дал активный баланс. Как шла внешняя торговля, мы узнаем из „Политического отчета Ц. К. XIII Съезду РКП“ Г. Зиновьева: „1920 и 1921 год характеризуются импортом предметов широкого потребления. 1921—1922 г.г. (голод)—большой потребительский импорт и незначительный экспорт. 1922—1923 г.г.—импорт орудий, усиление экспорта. 1923—1924 г.г.—промышленный сырьевой импорт; интенсификация экспорта; экспорт хлеба“.

О внутренней торговле можно судить по уже цитированному докладу Ф. Дзержинского: „Платежная способность города и деревни, благодаря введению твердой валюты, благодаря усилению производительности труда, благодаря увеличению товарной части сельского хозяйства и росту заработной платы, сильно возросла“.

Внутренний товарооборот С.С.С.Р. за 1924—25 г.г. на 110% выше 1923—24 г.г., когда он был равен 3 мд. р. Валовая продукция всей промышленности по годам 1921, 1922, 1923, 1924, 1925 дает цифры 1.400, 1.900, 2.500, 4.000 и 5.300 м. р.

Процент восстановления (к довоенному):

	Промышленность	Сельск. хоз.	Внешн. торг.
1921—22 г.г. . . .	27,7	47,2	11,6
1922—23 „ . . .	36,1	64,6	9,7
1923—24 „ . . .	47,0	69,9	21,1
1924—25 „ . . .	70,3	71,3	24,2
1925—26 „ . . .	93,5	89,2	44,0

В сельском хозяйстве по годам 1920, 1921, 1922, 1923 посевная площадь колеблется так: 62 м. д., 60,7 м. д., 51,4 м. д., 59,8 м. д. Зато урожай озимой пшеницы в 1922 г. равнялся 58 п., яровой—43 п., ржи—48 п., т. е. со времени революции неуклонно укрупняется. Общий сбор хлебов дает такие цифры:

1913 г.—4.500 м. п.	1923 г.—2.750 м. п.
1920 г.—2.426 „ „	1924 г.—2.700 „ „
1921 г.—2.042 „ „	1925 г.—4.000 „ „
1922 г.—2.900 м. п.	

Низкая цифра 1921 г.—следствие неурожая (главным образом в Поволжье). Средний сбор с десятины в 1924 г. равнялся 38 п., в 1925 г.—52 п. Кроме того наблюдается переход к специальным культурам, к многополью и усилению машинизации. Расслоение деревни за это время дало такие результаты: в 1919 г. было бедняков 81%, середняков 16% и

кулаков 3%, в 1923 г.—74%, 18% и 8%: деревня делается значительно зажиточнее. М. Калинин по этому поводу говорил на XIII Съезде РКП: „Наше сельское хозяйство пока что идет по старым мелкобуржуазным тропам... Какую основную тенденцию мы замечаем в развитии нашего сельского хозяйства? Это непосредственное увеличение производительности сельского хозяйства... У нас увеличилась разница между бедняком и средняком и между средняком и кулаком... Капиталистический мир накладывает на крестьянина отпечаток буржуазности. Наше Советское государство наложит отпечаток Советской государственности... Товарное сельское хозяйство способствует созданию частных капиталов. Но... оно же помогает строить крепкую кооперацию... Главным орудием борьбы с частным капиталом в деревне, конечно, может быть только кооперация". По данным выборочного обследования по 1,3 м. хозяйств весною 1925 г. группировка по посеву представляется такой: без посева—4,3%, от 1 до 4 дес.—70%, от 4 до 10 дес.—23%. Безлошадных хозяйств 40%, кулацких—4%.

Финансовый вопрос для государства и населения сделался гораздо более простым с установлением твердой валюты. К началу 1924 г. Государственный банк накопил золота и иностранной валюты на 150 м. р. Эволюция бумажно-денежного обращения видна из следующей таблицы (миллионы рублей):

Годы.	Бумажные деньги.		
	В обращении.	Выпущено.	Ценность в товарном рубле.
1921	17.543.000	15.375.300	61
1922	1.994.500.000	1.976.900.000	95
1923	178.510.000.000	176.505.500.000	—

Годы.	Государственные доходы.	Государственные расходы.	Государственный дефицит.	Доход государства от эмиссии в товарн. руб.	Возрастание товарного индекса на %%.
1921	4.139.900	26.076.816	21.936.916	146	1.614
1922	—	—	—	350	7.197

Государственный бюджет равнялся в 1922—23 г.—1.300 м. р., в 1923—24 г.—1900 м. р.. в 1924—25 г.—2.875 м. р., проект бюджета на 1925--26 г. сбалансирован в 3.775 м. р. В бюджете 1924—25 г.г. обыкновенные доходы составляли 88 % всех доходов, в бюджете 1925—26 г.г. — 95 %. Косвенные налоги накладываются на товары, являющиеся прихотью: спиртные напитки, табак и т. п.; налоги же на товары массового потребления дают не более половины косвенных доходов государства, при чем в этой области идет систематическое снижение суммы налогов.

Сопоставляя таблицу и данные о бюджете за последние годы, мы видим несомненное оздоровление финансов С.С.С.Р. Доверие населения к государственным финансам ярко характеризуется разбуханием вкладов и текущих счетов Гос. банка: в 1922—23 г. их было 37 м. р., в 1923—24 г.—370 м. р., т. е. в десять раз больше. О доходах населения можно судить по цифрам годового заработка рабочего, который в товарных рублях возростал так: 1920—1921 г.г.—37,2 р., 1921—22 г.г.—87,6 р., 1922—23 г.г.—138,7 р.

Результаты НЭП'а по настоящее время лучше всего видно из доклада А. И. Рыкова III-му Всесоюзному Съезду Советов: „К началу НЭП'а в 1921 г. экономическое соотношение классовых сил выражалось в том, что продукция сельского хозяйства равнялась 56% довоенной выработки, а продукция фа-

брично-заводского производства достигала 18—20%. В 1925 г. соотношение сил совершенно новое. Продукция промышленности равняется 70% довоенной, сельского хозяйства—72 %... В связи с установлением твердых денег установилась также правильная кредитная система... Ныне народное хозяйство имеет кредит... во всех банковых кредитных учреждениях в 1.150 м. р. К будущему сельскохозяйственному году намечается дальнейшее уменьшение сельхозналога. К 1924—25 г. сумма сельхозналога равнялась 370 м. р., а к 1926 г. она будет равняться 280 м. р., при чем 100 м. р. из этой суммы передаются на нужды местного бюджета. Дальнейшее хозяйственное развитие будет происходить при конкуренции частно-капиталистического начала с началом общественным и социалистическим. Задачи, стоящие перед Советской властью и партией в отношении внутренней жизни, могут быть осуществлены только при наличии следующих двух условий: 1) должна быть создана предпосылка движения вперед как в области хозяйственного, так и в области культурного роста; 2) это движение вперед обусловлено твердостью смычки рабочих и крестьян".

На основе растущей стабилизации хозяйства С.С.С.Р произошло новое оформление государства: 30 декабря 1922 г. в Москве состоялся I-й Съезд Советов Союза Социалистических Советских Республик, установивший договор об объединении в одно союзное государство С.С.С.Р., в состав которого вошли Р.С.Ф.С.Р., У.С.С.Р., Б.С.С.Р. и З.С.Ф.С.Р. На особых договорных началах к С.С.С.Р. присоединилась Бухарская и Хорезмская Н.С.Р., а в 1925 г. были выделены на равных с четырьмя первыми республиками правах Узбекистан и Туркменистан. Образование С.С.С.Р решило не только вопрос государственного строительства, но и национальный. II сессия ЦИК'а С.С.С.Р. утвердила 6 июля 1923 г. всесоюзную конституцию. В 1924 г. состоялся II Съезд Советов С.С.С.Р., а в 1925— III Съезд.

3—9 июля 1921 г. в Москве заседал учредительный конгресс Красного Интернационала Профессиональных Союзов, в составе 380 делегатов от 42 стран, создавший после двухлетней подготовительной работы Красный Интернационал Профсоюзов.

Общественная жизнь рассматриваемой эпохи отмечена возникновением ряда обществ интернационального и национального характера, как, напр., Международного О-ва помощи Борцам Революции, Авиохим, Смычки с деревней и мн. др. Быстро растут Коммунистический Союз Молодежи и пионерские организации, профессиональные и спортивные объединения. Новый быт укореняется все прочнее.

§ 47. Внешняя политика.

Внешняя политика Советской России руководилась и руководится принципами, изложенными в декрете о мире 8 ноября 1917 г. (см. § 39): мир, самоопределение народов, гласная дипломатия. Уже II Всероссийский Съезд Советов 7 ноября 1917 г. вотировал воззвание ко всем воюющим правительствам и народам с предложением всеобщего перемирия. 22 ноября Наркоминдел обратился с нотой к послам союзных держав о заключении перемирия и мира, на следующий день к послам нейтральных держав о посредничестве для заключения мира, а 30 декабря к союзным правительствам о начатии мирных переговоров. Как мы уже видели выше (§ 44), эти обращения остались без ответа, но с четверным союзом был заключен Брестский мир.

1 января 1918 г. аннулированы договоры о Константинополе, Персии и Армении, подписанные царским правительством. 4 января признана самостоятельность Финляндии, 11 января—Украины, с которой 17 июня был заключен мир. В течение 1918 г. произошло еще несколько безрезультатных обращений о мире к воюющим государствам. 28 декабря признана самостоятельность Эстонско-Латвийской и Литовской республик. 28 января аннулированы внешние займы. В апреле во Владивостоке был высажен японский дессант, в июне—англо-американский в Мурманске. В то же время осуществилась экономическая блокада Р.С.Ф.С.Р., снятая в январе 1920 г.

22 января 1919 г. антанта обратилась ко всем правительствам, существующим на территории б. Российской империи, с предложением собраться на общую конференцию на Принцевых островах. Р.С.Ф.С.Р. готова была участвовать даже в этой

конференции, но она не состоялась из-за отказа „белых". В течение этого года Советская Россия еще несколько раз обращалась к различным государствам с предложением мира и перемирия, но отклика не встретила.

1920 г. начинается наступлением антанты на Р.С.Ф.С.Р.: 16 января опубликовывается решение Высшего Экономического Совета антанты не входить с Р.С.Ф.С.Р. в дипломатические сношения. 26 апреля польские войска вступают в Украину для поддержки Петлюры и захватывают всю правобережную Украину. С июня красная армия переходит в наступление, занимает Белоруссию, Украину, юго-восточную Галицию и часть Польши. Начался прорыв красной армии к Львову и Варшаве, но полякам удалось собрать большие силы под Варшавой и нанести поражение красной армии, утомленной долгим и быстрым походом (август). 12 октября заключены перемирие и прелиминарный договор с Польшей, а 19 марта 1921 г. подписан мирный договор, гарантирующий обе стороны от взаимного вмешательства во внутренние дела и от поддержки интервенций. В 1920 г. Р.С.Ф.С.Р. заключает мирные договоры с Эстонией, Грузией, Литвой, Латвией, Хивой и Финляндией.

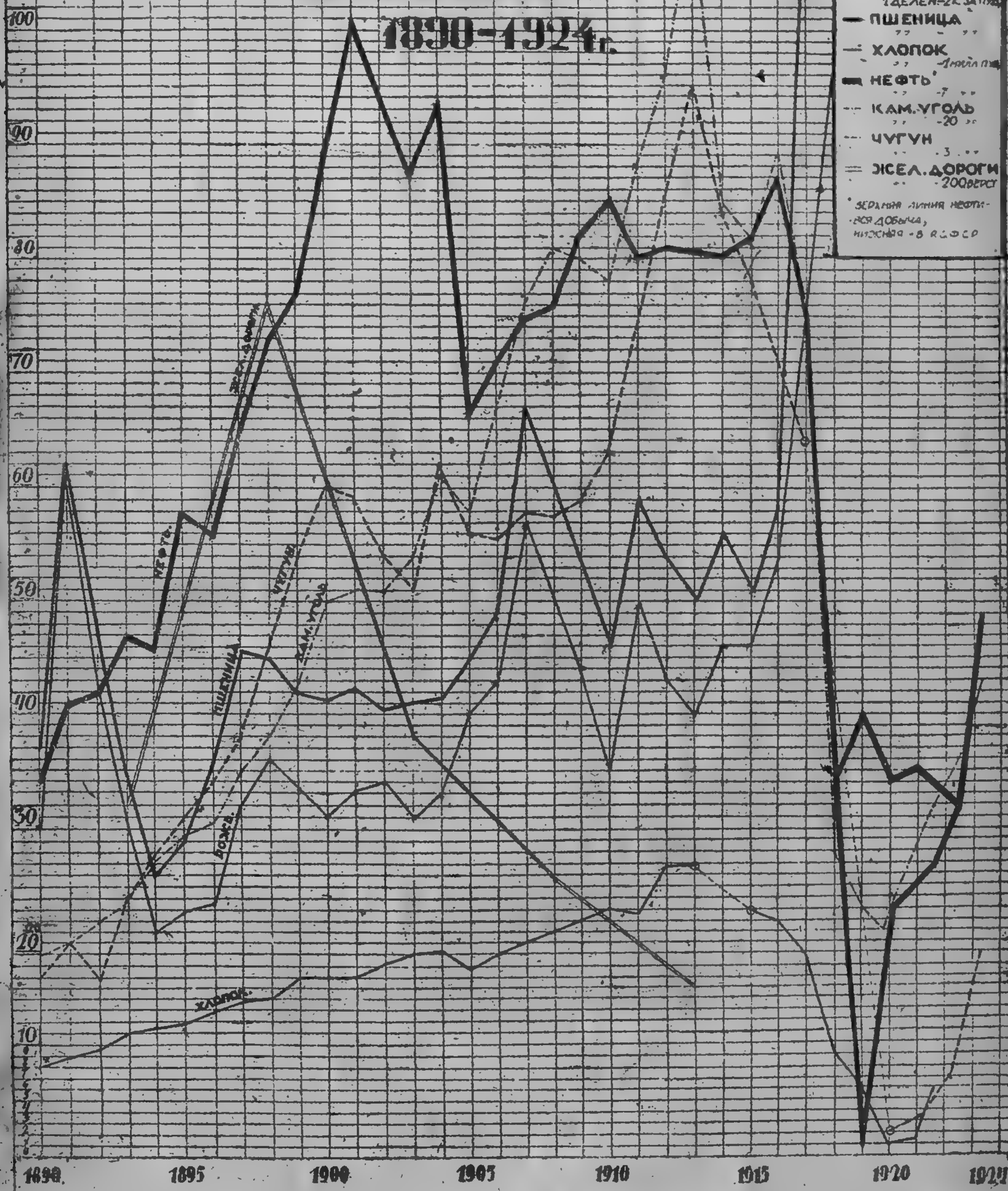
В 1921 г. заключены договоры с Персией, Афганистаном, Бухарой, Ангорой и Монголией и торговые соглашения с Англией, Норвегией и Австрией, а также предварительное соглашение с Италией.

В 1922 г. заключены торговые договоры с Швецией, Германией, Чехо-Словакией; Германия возобновила и дипломатические сношения. С 10 апреля по 19 мая происходила Генуэзская, а с 15 июня по 18 июля—Гаагская конференция. Капиталистические государства рассчитывали принудить в Генуе Р.С.Ф.С.Р. к уступкам в вопросе об иностранных займах и возмещениях за национализированное у иностранцев имущество, опираясь на голод в Поволжье и думая, что Р.С.Ф.С.Р более не в состоянии существовать без финансовой поддержки извне. Между тем в Генуе столкнулись между собою две капиталистические группировки: франко-бельгийская и англо-итальянская; кроме того, С.-А. С. Штаты отказались от участия в Гаагской конференции, последовавшей за Генуэзской. Таким образом Генуэзская конференция только подчеркнула разлад

в капиталистическом мире, нисколько, разумеется, не уменьшившийся после мировой войны. Главный вопрос — вопрос о Советской России — так и остался для буржуазных стран нерешенным. То же самое случилось в Гааге и в Лозанне.

В 1924 году состоялось признание С.С.С.Р. Англией, Италией, Норвегией, Грецией, Китаем, Венгрией, Францией, Мексикой и другими государствами. Из крупных держав лишь С.-А. С. Штаты стояли в этом вопросе в стороне, так как, помимо Японии, это единственная страна, выигравшая от мировой войны, и ей нет пока смысла связывать себя какими-либо обязательствами.

На III Всесоюзном Съезде Советов Г. Чичерин докладывал: „Основное содержание нашей международной политики, ее первый постулат, ее первое требование — это ее глубокое стремление к миру, ее глубоко-мирный характер. После того, как нами были заключены первые мирные договоры с нашими соседями, я сказал, что мы вступаем в новую полосу нашей истории, которую я охарактеризовал, как мирный поединок двух хозяйственных систем. И развитие этого мирного поединка, развитие с нашей стороны все более успешное — вот что теперь совершается, вот что составляет содержание нашей политики. Нашему правительству, как рабоче-крестьянскому, совершенно чужды стремления завоевательные, империалистические, стремления к эксплуатации других народов. Наша дипломатическая деятельность имеет чисто оборонительные задачи“.

РУССКАЯ ЭКОНОМИКА 1890-1924 г.
ОБОЗНАЧЕНИЯ:
РОЖЬ
ПШЕНИЦА
ХЛОПОК
НЕФТЬ
КАМ. УГОЛЬ
-20
ЧУГУН
-3
ЖЕЛ. ДОРОГИ
-200верст
100
90
80
70
60
50
40
30
20
10
1890.
1895
1900
1905
1910
1915
1920
1924
НЕФТЬ
ЧУГУН
КАМ. УГОЛЬ
ПШЕНИЦА
РОЖЬ
ХЛОПОК

ОГЛАВЛЕНИЕ.

